

Комбат Найтов

СРУЖЕЙНИК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Случайно открывшаяся «дверь» вела в Водьскую пятину, одну из областей Новгородского княжества, временно оккупированную Швецией. В России закончилось «смутное время», ей вернули Великий Новгород, но отрезали от моря: в устье Волхова – шведская крепость, у истоков Невы – еще одна, напротив будущего Смольного – третья. На Нарве – шведская крепость закрывает выход в Балтику. Русская Корела стала Кексгольмом. Грозный Выборг готов в любое время перебросить значительное количество войск и кораблей, чтобы не позволить русским ходить по «Шведскому озеру». В общем, есть где разгуляться офицеру 5-го управления ГРУ.

- [Комбат Найтов](#)
 - [Глава 1. Отпуск и немного истории](#)
 - [Глава 2. Валаам и Выборгская наступательная операция](#)
 - [Глава 3. «Индустириализация по-корельски», или первые шаги](#)
 - [Глава 4. Вторая водьско-шведская война](#)
 - [Глава 5. Великое Выборгское княжество](#)
 - [Глава 6. Кадры решают всё](#)
 - [Глава 7. «Советская власть плюс электрификация всей страны»](#)
 - [Глава 8. Дела московские, или новый шелковый путь](#)
 - [Глава 9. Выборг – морской город](#)
 - [Глава 10. Первая в мире забастовка и экология индустрии](#)
 - [Глава 11. Первая англо-выборгская война](#)
 - [Глава 12. Глобализация «по-» и работа над ошибками](#)
 - [Глава 13. «“Зенит” – “Спартак” 1:0»](#)
 - [Глава 14. «Тяжела ты, шапка Мономаха», да и померить не дают...](#)
 - [Глава 15. Польско-крымская провокация. Враг у ворот](#)
 - [Глава 16. Выборный царь и Госсовет в место боярской думы](#)
 - [Глава 17. Проблема болот и «великих» городов](#)
 - [Глава 18. Крымский поход](#)
 - [Глава 19. Штурм Перекопа и Кырк-Ер](#)
 - [Глава 20. Операция «Две цепи»](#)
 - [Глава 21. «Карибский кризис»](#)
 - [Глава 22. Закат республики](#)

- [Глава 23. Экспансия как средство самосохранения](#)
 - [Глава 24. Тихая буржуазная революция 1648 года](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Комбат Найтов

Оружейник

© Комбат Найтов, 2017
© ООО «Издательство ACT», 2017

* * *

Глава 1. Отпуск и немного истории

Решив сбежать из шумного и пыльного города хотя бы на время отпуска, пакуемся в машину со всем скарбом и отчаливаем на острова. Погода, к сожалению, не блещет, лето было, но пришлось на четверг, а я в это время еще работал. А сейчас ежедневно дождит, все вокруг влажное, одно хорошо – комаров мало. Хоть какая-то польза от холодной погоды. Дома было бы уютнее, но шорохи хвои и листьев нагоняют соответствующее созерцательное настроение. Вода довольно холодная, поэтому рыба неплохо клевет. Из озера Суоярви при желании можно попасть в Онежское озеро по порожистой и извилистой Шве. Не первый год здесь отдыхаем, грибов море, осенью есть что пострелять. Так как отпуск довольно длинный, взяли с собой и оружие, до начала охотсезона меньше недели, у егеря полежит.

В один из сентябрьских дней я решил сгонять на катере к старому финскому шлюзу, там в проране иногда лосось осенью берет. Подошел почти вплотную к водопаду, чуть в стороне есть небольшой затишок. Почти у берега отдал носовой якорь, отгреб в сторону, там положил кормовой, чтобы не мотало на постоянном завихрении потока. Там же забросил в сторону стремнины один из кружков с небольшим окушком. Пусть работает! Подтянул носовой конец, подвязал его. Расчехлил старинный трофейный трехствольный вертикальный штуцер «Зауэр», еще дед с войны привез, и он честно служит нашему семейству с 45-го года. Двенадцатый калибр плюс 7,92 мм. Отец ее чуть-чуть переделал: установил планку Кочетова, что позволило быстро снимать и ставить немецкий снайперский прицел BrS F, который раньше было без отвертки не снять, и он мешал использовать открытый прицел для стрельбы по птице. С собой еще был арбалет, но стрелять с воды из него глупо, только стрелу утопишь, поэтому он был даже не взведен. «Тигрик» остался в лагере, для него «целей» не было.

Клев был, но лосося не было. Хватали небольшие щучки и довольно большие черные окунь. Их было много. Они активно сопротивлялись, таскать их было приятно. Но солнце садилось, и на блесну больше ничего не брало. Я сменил «вертушку» на светящийся воблер и продолжил рыбалку с ним. «Домой», в лагерь, еще не хотелось. После шестого заброса на самой стремнинке кто-то резко ударил по воблеру, и я подсек. Началась интереснейшая схватка. Очень крупная семга устроила мне такой

«концерт», что пришлось отдать, с бутылочкой, кормовой конец, так как рыба норовила под ним проскочить и запутаться, после этого нормально оборвать леску и уйти. Я держу на всякий случай для этого дела пластиковую бутылку, принайтовленную к кормовому якорю, чтобы можно было быстро отдать его. Одной рукой дернул конец, прихваченный бочковым узлом к банке, и сбросил его в воду. Теперь «рыбка» была вынуждена таскать и катер за собой. Несколько раз она выскакивала из воды. Кил на двадцать, не меньше! Впрочем, ее еще вытащить надо, а уж потом взвешивать, а то будет как в том анекдоте про рыбу «с вот таким глазом»! Эта сволочь потащила меня под водопад. Вода окатила меня с головы до ног, и спиннинг в руках ослаб. Сорвалась! Кручу катушку, матерясь во все горло, и вдруг замечаю, что я – сухой! Над головой шумит водопад, но шум многое тише, чем до этого. В лодке воды не было. Ничего не понятно. Хлопаю себя по кармашку на рукаве, вытаскиваю фонарь. Металлических ворот шлюза не стало! Камень! Провел фонарем влево: камень еще метров на двадцать. Повернул вправо, к тому месту, где стоял раньше. Вот этот камень я видел, когда рыба протаскивала меня через поток. Сел на весла и гребанул туда. Блин! Дернуло спиннинг! Слава богу, он зацепился катушкой за банку. Хватаю его, есть, рыба на месте! Опять обливает водой! Борьба продолжается! Через пять минут подвел ее к подсачнику и уложил ее в него. Есть! Переложил рыбу в садок, холодно! Я – мокрый! Вытащил носовой якорь, втащил садок в лодку, искать кормовой не стал, дернул кик-старт на «Меркьюри», зажег огни и полетел к дому. Нарыбачился! На ходу открыл сливное отверстие и удалил воду из катера.

На острове горел костерок, поэтому ориентироваться в ночи было удобно. Залаяли собаки, Татьяна вышла на берег принять конец. Хлюпая водой в сапогах, вытаскиваю катер на берег и выкладываю садок.

– Ох, ничего себе! А что мокрый? Перевернулся?

– Нет, эта сволочь под водопад затащила. Думал – ушла, но нет, попалась! Сейчас почищу, шикарное «хе» получится! Только штуцер вычищу, он под водой побывал.

– Штуцер я и сама почищу, а ты, коль столько рыбы приволок, займись ею, иначе протухнет. Нафига столько окуня наловил? Что с ним делать? – Ей лишь бы поворчать!

Переоделся, запустил движок генератора, занялся чисткой рыбы, но из головы не выходит исчезновение ворот шлюза. Так не бывает! Да и леску я всю смотал! До воблера! Не стыкуется что-то! Рассказал Татьяне о происшествии. Та пожала плечами, дескать, завтра сходишь, все равно

якорь надо поднимать. Через пару часов, поев «хе» и жареную семгу с окунями, выключили генератор и улеглись в палатку. Утро вечера мудренее!

Днем нашел плавающую бутылку с концом от якоря, положил кормовой на место, полазил в дождевике под водопадом. Никакого исчезновения не обнаружил. Ворота оставались на своем месте. Только воды опять в лодку набрал. После нескольких неудачных попыток пристали к берегу, слили воду, и тут нас отвлекли грибы. Белые вышли. Татьяну до самого вечера было не остановить. Она еще чистила грибы, когда появилась луна. Тут я вспомнил, что луна на небе вчера была.

– Слушай! Я еще раз попробую. Сейчас как раз примерно то же время, как и вчера.

– Лучше бы ты с грибами помог! – Но я уже оттолкнул лодку от берега. Прошел, включил фонарь. Сухой! И нет ворот! Оттолкнул лодку веслом от камня – и оказался перед шлюзом. На моторе подлетел к месту, где сидела жена.

– Ты где был? Я даже стреляла! Ты не отзывался.

– Пошли, покажу! Шлюз исчезает, как я и говорил!

– У меня нет с собой дождевика! Не хрен! Исчезает и исчезает! Завтра займешься. И оружие с собой возьми. Кто его знает, что там за хренотень прячется. Грузи грибы, идем домой! Мне их еще резать и бланшировать. – В общем, мой исследовательский инстинкт был остановлен домашними делами, и мы вернулись в лагерь. С грибами, и правда, возни много, промучились еще несколько часов и весь следующий день.

Лишь ближе к вечеру я стал собираться на новую вылазку. Татьяна настояла, чтобы экипировался по полной и взял с собой рацию и телефон. Прихватив «Тигрика» с ночным прицелом GSCI и трофейный американский тепловизор Pulsar, четыре магазина, «гэдээрсовский» «ТТ», арбалет, «пеналы» с двумя ВГ-40СЗ к нему, нож разведчика и пару «металок», нацепил «лешак», прихватил с собой дождевик, я отправился к водопаду. Ворота исчезли, и я под водопадом прошел к левому берегу. Прямо там ошвартовал катер, спрятав его под водопадом, промерил глубину, пришлось двигаться по камням, немного вымок, и оказался на берегу. Поднялся по скале и просто застыл там наверху: шлюза не было! От слова «вообще». Вода из Салонъярви перетекала в Суоярви по неширокому каменному желобу, явно природному, а не рукотворному. Моста не было, дороги тоже, тропинка. Через порог навалены камни, так что на другую сторону пройти можно, но рискуя свалиться в воду. Попробовал вызвать Таню, но ее на связи не было. Телефон тоже не сработал: нет сигнала.

Отсюда до села – пара часов хода. Осмотрел окрестности: здесь до «той» войны 1939–1940 годов была низконапорная ГЭС, потом ее финны взорвали, восстанавливать никто не стал. Но никаких бетонных сооружений я не обнаружил. Странно! Ладно, двинулся по тропе в сторону села. Взглянул на часы: 21:40, время детское, успею туда и обратно.

По истории эта территория когда-то входила в Новгородские земли и носила название Водьская пятна. Потом ее отобрали шведы. Чуть восточнее начиналась Поонежская пятна. Село стояло на самой границе между этими землями. В Смутные времена Швеция напала на Россию, захватила Новгород, Ивангород, оттяпала большие территории. По Столбовскому миру, заключенному первым из царей Романовых – Михаилом, в 1616 году эту землю назвали Ингерманландией и передали шведам, в обмен на передачу назад Москве Новгорода. Шведский король Густав Адольф (тезка другого Густава Адольфа, который Гитлера поздравлял с победой над СССР в 1941 году) самодовольно сказал: «Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни одной лодки в Балтийское море. Большие озёра: Ладожское озеро и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 вёрст ширины и твёрдые крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеёк». Ничего, мы снова ходим по своей земле!

Впрочем, об этом я не сильно задумывался, просто шел в сторону известного мне населенного пункта на этой территории, немного удивляясь тому, как неузнаваемо изменилась эта местность. Тропа шла по лесу, была видна слабо, но встречались зарубки, нанесенные на кору сосен. Во многих местах ветки были обрублены довольно высоко от земли. Поначалу было непонятно «зачем», затем я обнаружил след подкованной лошади. Видимо, по тропе иногда ездят конные всадники. В общем, шлепать тяжело и далеко, еще и дождь холодный наладился. Берцы шлепали по мокрой грязи, я старался в лужи особо не наступать, совершенно отвлекся от наблюдения. В результате увидел перед собой пару каких-то козлов, с длинными палками в руках, на которых висело какое-то странное гнутое лезвие, направленное на меня.

– Привет! А вы кто такие? – задал я вопрос.

«Чучело» не ответило, а заехало мне древком своего чудо-оружия чуть пониже виска. «Вопытный товарищ!» В отключке я находился пару минут. Неплохой нокаут! Затем почувствовал, что меня обыскивают. Я расслабился, это мы уже проходили на первой чеченской, незаметно и непроизвольно опустил руку к боковому карману штанов. Меня

перевернули лицом вниз, нож оказался у меня в руке. Говорят на непонятном языке, их двое, а я – козел, если не сказать круче. Снизу удалось рассмотреть мудака, который пытался меня обыскать: на груди стальной панцирь, заканчивающийся наслаждающимися пластинами «юбки». Ниже ноги – голые. Чулки какие-то. Второй крутит в руках моего «тигрика» и что-то причитает. «Тигрик» не заряжен, он с пустым магазином. Драться я не собирался. Меня крутят обратно, и нож до кости пробивает ногу «трофейщика», дергаю его назад и запускаю «металку» в шею второму. Бросок слабый, башка еще гудит, но другого времени не будет. Откатываюсь в сторону, хватая снятый с меня арбалет. Без перезарядки рву на себя тетиву, взвожу и вкладываю из подствольного колчана стрелу. Поздно! Попал! Второй хрипит и пытается вырвать метательный нож из горла. Мужик, это ты напрасно! Еще мог и пожить! Так, ближний зажимает рану на бедре и пытается вытащить здоровенный пистоль. Пресекаю ему эту возможность ударом ногой по голове. Сам начинаю его обыскивать, отбрасывая опасные игрушки в сторону. Горло пока не режу, нужен «язык», вот только непонятно на каком языке говорит. Немного напоминает немецкий, но я больше по-английски «спикаю». Наступил ему на правое бедро, а затем на колено левой раненой ноги. Из аптечки достал нашатырь и сунул ему под нос, так как сознание чел потерял.

– Наме!? Титель!? Постен?!

Молчит, гад!

– Нэйм!? Тайлтл!? Спотс?!

Врезал по морде, у самого голова болит дико и фингал неплохой!
Повторяю по-немецки:

– Наме!? Титель!? Постен?!

Дошло! Что-то начал отвечать! Пытаюсь разобрать: Альфред – это имя, Корпорал – это сержант или какой-то начальник. А вот что такое: «Флэдер ав бефалла» мне не понять! Ну, флэдер, значит, флэдер.

– Эй, фледер, Альфред, мать твою! Здесь что делаете?

– Моя бефалла боронит грэнс. – понимаю, что он говорит на смеси славянского и непонятного, что его подразделение что-то охраняет. Грёнс по-норвежски граница. Дальше пошла непереводимая игра слов и выражений, в которой явно проглядывалась посыл: не надо мне резать горло. А пришлось. Я их не понимаю, а они – опасны! По виску он мне качественно и быстро врезал!

Быстремко обработал рану, залепил пластырем и ватой и двинулся вперед. Больше ни на что не отвлекался. «Учеба» подействовала! Еще одну

морду обнаружил перед двухэтажным домом в середине поселка. В его окнах горел свет, а в остальных домах света не было. Плохо отражаются в ночных прицелах: видно только лицо! Остальное не отображается. И ноги. Выстрелил по нему из арбалета кабаным блейдом. Перед этим заполнил крайний магазин «тигрика» патронами, вскрыв взятую с собой пачку. Вошел в дом, это оказался гастхофф, харчевня. Там находилось 15–20 человек таких же солдатиков, но без кирас, которых я отправил к праотцам. Последним туда ушел мужичок с пистолетом, вышедший на лестницу. У него на поясе и в его комнате я обнаружил около ста золотых монет. У остальных были серебряные монеты и вооружение попроще. Хозяин, которого я с трудом убедил, что я – не чудовище лесное, а человек, и еле извлек его из-под стола на кухне, понимал русский язык и говорил что-то на старославянском. Его я немного знаю, но путаюсь в словах. Разозлили! Нельзя же так по уху больно бить!

Домой я вернулся с подбитым ухом и красивым бланшем! Татьяна угорала надо мной, как могла! Как только ни называла! Даже «витязем в тигровой шкуре»!

– Ты без приключений не можешь! Кто это тебя так? Давай обработаю, Аника-воин!

В ход пошла перекись, йод, советы, что надо бы рентген сделать. Шишка, конечно, здоровая, но болит уже много меньше, чем сначала.

– В общем так, село есть, только название у него другое: Пайлаа. Дворов 50–60, гостиный двор и недостроенная казарма пограничной стражи. С годом – какие-то непонятки: они говорят, что год у них 7147 год.

– Какой-какой?

– Семь тысяч сто сорок седьмой. Три раза переспросил. – Татьяна бросилась к компьютеру, соединилась с Мегафоном, несколько минут мучила Гугл, затем выдала:

– Это по Византийскому летоисчислению, от сотворения мира, его Петр отменил, по-нашему – 1639 год. Запоминай 5508 год – год рождения Иисуса. Нифига себе, где побывал! Тоже хочу посмотреть!

– Да смотреть там особо не на что: ни одного дома каменного, кроме недостроенной казармы. Все остальное – деревянное. Более-менее большой дом – один, постоялый двор, которым Порфирий управляет. Так, ничего мужик. Ему понравилось, как я разобрался со шведами. Все прочитал, что плохо платили за постой и еду. Я ему двадцать серебряных монет дал, самых маленьких, чтобы похоронил солдат, он и успокоился. Всех поборами замучили, им все яйца требовались, чтобы казарму сложить, и на обтёсывание камней посадили для нее. Русские владения

начинаются в восьми верстах, как Порфирий говорит. Я по карте посмотрел, до них 14 километров. Что такое верста – фиг его знает. Там начинается Поонежская пятина.

– А что с попами?

– А черт его знает, я что-то об этом и не спросил.

– Ну как же так! Ты что, не понимаешь, что это очень важно?

– Да Порфирий все какого-то Семаргла поминал и сразу снял икону из угла, плюнул на нее, но в огонь не бросил, а спрятал. Себе на уме товарищ. Вот что я думаю: у водопада надо дом строить. Место там есть, где сейчас развалины станции. Так что завтра я в Питкяранту съезжу, договорюсь о гравии и посмотрю, где можно хороший цемент и арматуру взять. Это, скорее всего, в Приозерск придется скататься.

– Ты знаешь, вот давай пока подождем. Я еще там не была, требуется посмотреть, что и как, а потом решать. Мне и тут неплохо живется. Лезть в темное царство не слишком сильно хочется. И к переходу надо присмотреться. Торопливость нужна при ловле блох.

Но утром пришлось все-таки ехать к врачам, так как рана и не думала успокаиваться. Обезболили, вкололи противостолбнячную сыворотку, наложили один шов. Уговорить жену еще раз скататься под водопад не получилось: пока не заживет – никаких путешествий. Она у меня дама с характером. Но разговоры крутятся вокруг да около этой темы. Что можно с этого получить, кроме старинных монет, которые еще и просто так не сбыть. Но ее, как физика, а она заканчивала физфак ЛГУ, больше интересовал сам феномен, чем все остальное. Как женщину ее совершенно не интересовал тот период: дикость, религия, отсутствие элементарных удобств ее отпугивали.

– Понимаешь, меня мало привлекает этот исторический период, женщины тогда были задвинуты в такую задницу, что кроме как рожать детей и кормить эту ораву, им ничего делать не разрешалось. И потом, у меня неплохая работа, тему закрывать вроде не собираются, гироскопические приборы снова понадобились. Раньше бы, когда «зряплату» не платили, я бы с радостью куда-нибудь сбежала, а сейчас – не время. Ну, и главное – период дурацкий, мало о нем что знаем и слышали. Вот бы в эпоху Петра, так я бы с удовольствием. Надо посмотреть, что физически происходит, может быть, очень интересные вещи откроются. Да и от Нобелевки я бы не отказалась, – она мило потупила взор.

– Во! – я ей показал фигуру из пяти пальцев, один из которых был выдвинут вперед. – Пойми, об этом никому говорить нельзя! Тут такое начнется, что мама не горюй! Нас с тобой просто закопают по-тихому.

Время как раз очень интересное: Россия из захудалого княжества на краю Европы, неожиданно для многих, превратилась в крупнейшее государство. Папаша или дед Ивана Грозного сумел объединить разрозненные уделы, а сам Грозный уравнял себя и «великие королевские роды». Даже жениться на королеве Англии хотел, или она хотела этого? И тогда против него начали распространять всякие слухи и строить козни. А правил он дольше всех царей: 50 лет и 105 дней. Породненный (был внуком) с Палеологами, считал себя выше многих «королей», за что и поплатился. После того, как он проиграл Ливонскую войну, а против него ополчилась вся Европа, хотя повод для войны был законный: Дерпт дань не заплатил, хоть и обещал 40 тысяч золотых ефимков, у него начались серьезные неприятности, а тут и здоровье подвело, хотя совсем молодым был. В общем, умертвили его или сам умер, а вслед за ним лыжи навострили и его сыновья: старший еще при нем умер, а младший чуть позже. В 1598-м последний сын Ивана – Федор – умер, и вместо него на трон сел Борис Годунов. Правил он недолго, уже в 1605 году он умер, в 53 года от роду. Его сына и жену через два месяца после его смерти задушили сторонники Лжедмитрия, который поправил год, и его тоже убили. На четыре года на трон сел Шуйский, который, из-за слабости своей армии, сделал новые территориальные уступки шведам и заключил с ними Выборгский договор. Но это мало помогло ему – через некоторое время он оказался в Варшаве в качестве пленника, в июле 1610 года он был свергнут, расстрижен и умер в Гостынинском замке в 1612 году. Через несколько месяцев там же умер его брат Дмитрий. А в Москве царем должен был сесть сын короля Сигизмунда Владислав Четвертый. Но он православия не принял, в Москву не приехал, и в 1613 году царем был избран Михаил Федорович Романов. В 1634 году, заключив Поляновский договор, царь Михаил I сумел вернуть из Варшавы шапку Мономаха, российскую корону, скипетр и державу, которые находились в Варшаве с момента взятия Москвы и низложения Шуйского. Так что на момент 1639 года прошло всего пять лет с момента полного восстановления самодержавия в России.

– И ты предлагаешь сунуться в эту свару?

– Момент достаточно удобный: Швеция занята тридцатилетней войной, договор 1616 года дал ей передышку в войне с Россией, но выхода к Балтийскому морю Москва лишена. Окончательно этот вопрос решится только в 1721 году, больше чем через 80 лет. За это время води забудут, что некогда они были русскими, и у нас появятся весьма качественные враги. Тут недавно читал какого-то битого немца, который был в Чухле советником во время Великой Отечественной. Так он открыто пишет, что

Питкяранту и Сортавалу они «освобождали»! И все потому, что кто-то определил ее в княжество Финляндское в 1816 году, хотя на картах Федора Годунова Финляндия гораздо западнее, у Аландов, а здесь – Карелия, не имеющая никакого отношения к Чухле. Есть летописи, подтверждающие, что эти земли были населены новгородцами. «В лѣто 6818. Ходиша новгородци в лодьяхъ и в лоивахъ в озеро, и идоша в рѣку Узъерву, и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхыи сметавше». Столицей Води была Корела, сегодняшний Приозерск.

– И как ты себе это представляешь? Давай обсудим, хотя я не вижу там для себя места. Это откровенно.

– Ну, смотри! – я достал карту района. – Вот здесь пустующий дом, помнишь, нам его в прошлом году предлагали?

– Да, помню, мы обещали подумать и думаем до сих пор.

– Из-за вот этих 600 метров кабеля до ближайшей опоры, сама знаешь. Но это только для того, чтобы кости можно было бросить и от непогоды укрыться. Ну и перевалочная база. Отсюда – четыре километра до места. Есть ближе, но там до электричества далеко. И самый выгодный вариант: развалины электростанции. От нее только фундамент остался, там есть маленькая бюрократическая зацепка: водоем близко, но, думаю, решаемо. В Сорти – готовые дома делают, как и планировали, помнишь, но отмели из-за пожароопасности.

– Это я помню, и мы говорили, что это совсем не годится, зимой спалят, года не простоят.

– Тогда будем скользящую опалубку применять, что там, что тут. Но здесь строим из обычного бутобетона и обычного цемента, а там фундамента нет, зато есть чистая скала, бьем дырки перфоратором и привязываем основание дота прямо к скале. Там монолит, это вечное основание.

– Дот?

– Именно дот, и довольно высокий. Вот такой, – я показал Тане рисунок и чертеж. – Для самих вот это помещение, 14 квадратов. Здесь кухня, еще одна комната, здесь складские помещения. Верхний этаж оборудован амбразурами с герметическими броняшками и встроенным, тоже герметическим, небликующим бронестеклом, знаю, где достать! Вокруг ставим сплошную стену из бетона, это обеспечит скрытый проход к водопаду. Туда сделаем потерну. Теперь об удобствах, я ж понимаю, что без этого – никак!

– Да уж пожалуйста!

– Электрическое отопление, для этого вот тут вот ставим

горизонтальную турбину мощностью сорок киловатт. Сам генератор есть, а колесо нужно заказывать. Вот здесь вот делаем для него нишу, сюда вентиляцию, а к нам только провода. Здесь вот, в подвале, ГРЩ^[1] и аварийный генератор. ГРЩ от основного генератора, он – съемный. Вот фото. Остальное добиваем магазинное. Так что 380 вольт, полностью халявных, у нас будут. Интернет не обещаю, но если что, вышла обратно и из дома получила любую инфу. Переход нужно будет закрыть, по меньшей мере до генератора. Все остальное можно строить позже, хоть хоромы, а это должна быть крепость. Вот здесь ставим АОК^[2] башенный, разработки «Техника-Сервис», что-то типа «Redback», он в автоматическом режиме обнаруживает теплые и движущиеся цели. К нам привозили испытывать, так что, где «достать» знаю, без вооружения – продадут! Ну, а вооружение будем брать на Украине, там пока это не сложно. Бронетехники в том мире еще нет, так что: «Корд», «Вал», ОСВ-96 и АГС-30. Основная нагрузка ляжет на «Вал», так, чтобы бесшумно. Дороги там нет, только тропа, так что армию и артиллерию бесшумно не подвести. На первых порах можно обойтись пассивной электрической системой охраны с датчиками движения.

– Ох, ну и дурь ты придумал! Ну, ладно, положим, устроились и имеем возможность бегать туда-сюда, а дальше-то что? Так и будем сидеть в медвежьем углу?

– Нет! Как только закрепимся и обустроимся, двинемся на Петрозаводск. Все дело в стали и азотной кислоте. Это – основа всей промышленности. Займемся именно ими. Здесь местность позволяет добывать богатую «озерную» руду. Ее здесь много. Под Сегежой есть медная руда. В Кончезере сам бог велел сталеплавильный завод ставить. А на первое время и той руды, что мы здесь видели, хватит. К тому же ее триста лет активно добывали. Вся проблема в том, что у них сейчас нулевая механизация работ. Все это придет позже и из Европы. Вместе с кучей проблем. Сейчас царь начал организовывать полки «нового строя». Требуются знающие люди и оружие, потому что проигрывать он начал крепко. По старинке шведов уже не взять. Окончательно армия будет реформирована уже Петром. Но начал все Михаил.

– «Храни мя боже: жить в эпоху перемен!» – ответила Татьяна и ушла в себя со своими мыслями.

В общем, подвигнуть Татьяну на подвиги мне не удалось! Мы с ней сто лет знакомы, вместе учились в одном классе. Первая «лубофф». Однажды в подъезде разрешила поцеловать ее, еще в школе, теперь это

место – важнейшая эротическая точка. Сразу за скулой с левой стороны. Потом мы расстались надолго: армия, учеба. Опять сошлись ненадолго. Но не поняли друг друга и вновь расстались, уже по-серьезному, у обоих появились «половинки», потом дети, но встречались время от времени. Она работала в Гатчине и на площади Победы, в «Центроприборе», временами пересекались, в основном в транспорте. Так вот, на остановке, и узнал, что она овдовела, а я сам развелся из-за слишком длительной командировки в горячую точку. Опять стали встречаться, а потом жить вместе. И прежде отношения были не то чтобы сложными, а очень сложными. Мы всегда завидовали друг другу: один выиграл олимпиаду, следовала практически смертельная обида второго, так как у него было второе место, и наоборот. Это здорово мешало отношениям, они поддерживались нормальными только до тех пор, пока не возникало соперничество. В общем, еще в молодости, когда стало ясно, что дальнейшие отношения, без постели, стали невозможны, и требовалось принять решение, я его принял, но не в пользу Татьяны. Она это и сейчас помнила, хотя уже почти десять лет вместе, и вроде как душа в душу. И я, и она, прекрасно знали, что каждый должен решить вопрос самостоятельно, и если совпадет, то следовать вместе. Ну, а если нет... то должен найтись компромисс. Пока его не было. Вот так и идем по жизни: параллельно, но зигзагами.

Отпуск у Татьяны заканчивался, и она уехала через несколько дней, предварительно мы выяснили, что переход еще и от фазы Луны зависит: самый большой он в полнолуние, а в новолуние вообще не работает, как днем. Порешал про фундамент и подключение к электричеству и оформил бумажки на свое имя. Забросил из Питкяранты два раза по 13 кубов гравия и перетаскал его на ту сторону. Пока решил не привлекать внимание на строительство здесь, и с помощью бензогенератора и перфоратора начал выравнивать площадку под фундаменты турбины. По ходу работы пришлось немного изменить проект: вместо прямого вала пришлось ставить гипоидную передачу и камеру под генератор делать в мореной стене. Слишком длинный вал получался. Наверху только расчистил и разметил места под шпуры и проложил канавку для кабеля. В качестве «колес» ротора использовал литые, XIX века, шкивы привода ворот с заброшенного шлюза. Оттуда же снял и вал. По причине безопасности и продолжительности работы не стал пользоваться ременным приводом, а сделал полностью механический с повышающим редуктором. Больше всего возни было с перетаскиванием тяжестей. Уж больно много пришлось цепи талей крутить и городить консольных кранов. Установил барабан турбины и занялся лопастями. Здесь главное – безопасность. Осторожно

проводячивая барабан, привариваю полосы к уже установленным консолям. «Ежик» постепенно превращается в турбину.

Татьяна напугала до смерти! Я варил предпоследнюю лопасть, заработался, вдруг вижу боковым зрением машущую мне фигуру в плаще, чуть держак из рук не выронил.

— Ух ты! Вот это да! Ну ты и развернулся! И все один? Эх, твою б энергию да в мирных целях! — прокричала мне на ухо. Показала руками «Стоп» и выключила генератор. Накрыла его снова резиной и помахала мне рукой, показывая на выход на «ту» сторону. Я, в свою очередь, показал ей другое направление, туда, где она еще не была. Там мы вымокнем, а здесь уже нет.

— Ты смотри! А здесь много холоднее, чем там! — первое, что сказала она. — Мне кажется, что ты несколько увлекся, потому что ведешь сварку по ночам. Смотри, эти вспышки привлекут внимание.

— А все в курсе. Но подходить боятся. Днем я выхожу наверх только в «лешаке». Подходили несколько раз лодки с той стороны, но протока несудоходная, снизу в 600 метрах довольно серьезный порог, а там, где высадиться можно, я мины поставил, пока — сигнальные.

— Ну, понятно! То есть ты сейчас только электростанцией занимаешься?

— Да, вот сухой проход сделал, заканчиваю рабочее колесо, и генератор стоит на месте. Завтра думаю пустить станцию, и набью шпуров для фундамента. Больше ничего не успею. Отпуск заканчивается. Теперь только по выходным.

— А я домашнего привезла поесть и соскучилась! Вот и приехала. А тебя нет. И даже следов не видно. Ты и спиши здесь?

— Вон палатка. За бетономешалкой. Но опалубка еще не готова. Так что хоть без содержания бери. Медленно получается.

— Ладно, пойдем, покормлю.

Она раскладывала на сбитый из досок стол всякие вкусняшки и рассказывала последние новости, в том числе и политические. Они нешибко радовали: «черная обезьянка» продолжает нагнетать обстановку, мотается туда-сюда, собирая коалицию. И «бывшая комсомолка» решила пойти на еще один срок, так что в воздухе отчетливо пахнет грозой.

— Тебе звонили пару раз, я сказала, что ты в отъезде, на Полярном Урале охотишься.

— Значит, отпуск не дадут. Ладно, порешаем другие вопросы. Вкусно! Мне готовить особо некогда. Занят постоянно.

— Слушай, а куда у меня большие катушки делись и совсем мелкие

иголки? И бисера здорово поубавилось? Спрашивала Дарью Ивановну и Полину, они не брали.

– Я взял. Я тут немного подумал о том, чем ты, может быть, захочешь здесь заниматься. Здесь такие дела творились, в общем, демографический кризис. Шведы активно проводят ассимиляцию, делается все просто: армия у них регулярная, в течение двадцати лет они активно забирают всех пацанов туда, срок службы – 25 лет. За это время солдатик впитывает в себя язык, шведские привычки и религию, забывая, что он – ведь и русский. Через пять лет они начнут возвращаться. А здесь – большая часть баб – незамужние. Девок больше мужиков раз в пять-шесть. Все хотят замуж, а выходить им придется за «шведов», учить шведский и исполнять уже протестантские обычаи. Сейчас на селе церковь есть, а попа шведы выгнали. Пастор был, но он был военный, и уже «был». Он вместе с солдатами в гастроффе сидел тогда, а я особо не разбирался, кто есть кто. В общем, его нет. Самых жителей это не напрягает, у них старые боги больше в ходу. И одна из теток по совместительству работает и знахаркой, и шаманит потихоньку. Вот я ей бисер и подбросил, сразу после сбора урожая. За него получил сорок бочек моченой клюквы, черники и брусники. Из них десять – в меду. Экологически чистый продукт. Плюс готовы поставить десять-двадцать тонн грибов, и тоже, сама понимаешь, без «чернобыльских прибамбасов». Пока так. А дальше... дальше ты возьмешь на себя производство вышивальщиц. Это даст золото. Сейчас в мире только два центра, где делают такие вышивки: Венеция и Богемия. Вот, смотри, что у местных получается.

Я передал ей несколько отложных воротников и нарядных кокошников.

– Вот уж никогда бы не подумала, что у тебя возникнут такие мысли, – задумчиво сказала Татьяна, пристально разглядывая изделия местных девиц. – Интересные орнаменты, вот этот и вот этот практически произведения искусства. Остальные, ну, так, не очень. Именно художественности не хватает. Но мысль оригинальная. В общем, ты не отказался от мысли задействовать меня в своем проекте. А я было решила, что ты так увлекся, что жена побоку. Даже не звонил.

– Здесь сотовой связи нет, пока. Ты надолго?

– Нет, конечно, завтра вечером через пробку домой. Иди мойся! На сегодня хватит работать!

Через некоторое время она появилась на берегу, чуть поеживаясь от холода, скинула с себя одежду и с визгом плюхнулась в воду на несколько секунд. Выскочила обратно и стала энергично растираться большим лохматым полотенцем.

– Помоги! – послышался ее голос. – Соскучилась!
Я, кстати, тоже.

Я всегда просыпаюсь раньше ее, поэтому вылез из палатки, когда утренний туман еще не поднялся. Разжег плиту и поставил на огонь кофе. Сходил осмотреть установленные рачевни. Раков было много, пришлось ставить ведро, чтобы отварить их к завтраку. На запах кофе появилось лицико Татьяны из палатки.

– Я сейчас!

Подойдя от озера, она подставила левую щеку под поцелуй, и было ясно: куда она хочет, чтобы ее поцеловали. Чуть подернула плечами от удовольствия.

– Шикарно! Мне понравилось, мы слишком давно не были вместе. – Она поцеловала меня в ответ и села за стол чистить горячих раков, поругиваясь и дуя на пальцы.

– Что у нас на сегодня?

– Кроме пуска станции – ничего.

– А ты не хочешь мне показать село?

– В такой одежде там лучше не показываться.

– А кто тебе сказал, что в этой? Я с собой захватила кое-что, что мы с девчонками придумали. Я в курсе, что здесь встречают по одежке. Тоже думала о том, чтобы предпринять такое, чтобы остаться жить вместе. Тем более что Полина уже взрослая, все больше и больше отдаляется от нас. Сказывается то обстоятельство, что она постоянно живет у бабушки, а та настраивает ее против тебя, да и меня. Ей бы хотелось, чтобы я ходила в трауре и слезах. Она ведь не понимает, что у нас с тобой был «временный перерыв» на осознание роли каждого в семье. Приобретали необходимый опыт для совместного проживания. Мы с тобой слишком одинаковы, и оба – лидеры. Не самое удачное сочетание характеров. Но, в конце концов, все решилось в нашу пользу. Впрочем, что я тебе рассказываю, ты и сам это знаешь. В общем, я решила поддержать твою идею, но требуется несколько лет, чтобы наладить все здесь и не испортить окончательно все там. И я решила съездить, посмотреть все сама, посмотреть на твою реакцию на мой приезд. Так как все прошло просто замечательно, и ты, действительно, порадовал меня тем, что в этой суматохе у тебя нашлось время и идеи, чтобы подумать обо мне. Это настраивает на нужный лад. Я решила, что моей целью будет первый русский университет. Опыта преподавания и знаний для этого у меня хватает, а то, что я – женщина, в этом нет ничего страшного, единственное что, нам не стоит

представляться русскими. Точнее, жителями России. Выходцами – да, но с европейским образованием и вполне современными буржуа. Думаю, что надо организовать поставки сюда всяких разных мелочей: в первую очередь соли, пуговиц, ниток, иголок, швейных машинок, небольших токарных и других станков с инерционными, ножными и электродвигателями. Обязательно твердые сплавы. Я хорошо знаю порошковую металлургию. Ну, а по металлам – ты у меня большой специалист. Так как электростанцию ты почти закончил, следовательно, свою вакуумную и индукционную печку явно сюда потянем, и не для того, чтобы ножики выпускать из дамаска и булата.

– Где-то так, да. Ладно, сходим в деревню, но не ранее чем я запущу станцию. Я пошел!

– Помочь?

– Желательно!

Через три часа мы закончили сварку, сняли дополнительные стопора с барабана и отпустили основной тормоз. Барабан весело закрутился под напором воды. Сброс воды организован правильно и внешне незаметен. Специально выходили наружу посмотреть. После этого отпустили муфту сцепления и повернулся генератор. Мы вылезли наверх и зажгли «лампочку Ильича». Подключили бетономешалку и немного покрутили ее. Я взял перфоратор и пробил первое отверстие под будущую арматуру. Затем остановил генерацию, рассоединил муфту, с помощью Татьяны затормозил барабан ротора и поставил его на стопора. В этом не было большой необходимости, он мог и продолжать вращаться, но требовалось убедиться, что расчеты выполнены верно, и моих усилий с гидравлическим тормозом хватит, чтобы выполнить эту операцию. Татьяна поливала водой колодки тормоза. Все отпустили, и турбина в холостом режиме закрутилась вновь. Работает. Мы поцеловались. Первый, и самый важный, этап работ закончен за сорок два дня.

В село пошли по воде на парусном надувном катамаране. Татьяна надела длинное шведское платье и пелерину из меха белой норки, застегнутую на золотую брошь. Сбоку повесила небольшой кинжал из булатной стали, которые я делал «для себя», не для продажи, в неплохо украшенных ножнах. В муфточку она положила переданную мной 7,65-мм «Астру Унцету», самый маленький пистолет, который сумел «добыть». Я, само собой, в «лешаке», бронежилете, с накладками из кевлара на плечах, уже с настоящей СВД, а не с охотничьим карабином. Яхта подошла к причалу, я набросил конец и ошвартовал ее. Стянул брасами оба паруса, подал руку dame, и она вступила на причал. Вокруг начал собираться народ.

Явление, по местным понятиям. Я всего пару раз бывал здесь и всегда появлялся с другой стороны. Народ начал кланяться нам, мы, почти не обращая внимания на это, пропдефилировали к гостиному двору. По дороге я сказал какому-то мальцу, что хочу увидеть Марьяну, с которой у нас «совместный» бизнес. Впрочем, при входе в дом я уже увидел ее, идущую по грязной улице.

Порфирий встречал нас у крыльца дома, со всем почтением. Коротко припал к руке и низко поклонился «боярыне». Еще у дота я понял, почему Татьяна спросила меня про бисер: у нее был довольно странный головной убор, «богато» украшенный искусственным жемчугом и бисером. Появление женщины без головного убора где-либо здесь не поощрялось вообще. В общем, барыня Татьяна Лександровна вызвала живой интерес и любопытство. С ее легкой руки и я был удостоен звания «барин». Правда, новости у Порфирия были не очень. У Койринйоки на мели лежат три ладьи, рядом солдаты в синей форме, судя по всему, пойдут сюда через Лойму, так как оброк не собран и не доставлен в Кексгольм. В общем, карательная экспедиция намечается. Я достаточно спокойно отреагировал на известие. Было давно понятно, что просто так никто ничего не отдаст. Все придется брать с боем. В некоторой степени я был готов к такому повороту событий. Расспросил Порфирия о дороге, особенно про переправу у Уксиярви, он подтвердил, что брод именно там, с хорошим плотным песком и есть мостики. На этом разговор с ним о готовящейся карательной экспедиции я закончил. Лишь уже на причале Порфирий сказал:

– Так что, встречать татей будем или откупаться, барин? Народу у нас не так и много, – намекая на то, что откупиться проще.

– Посмотрим, Порфирий. Бог не выдаст, кабан не съест.

– Там конных видели!

Я улыбнулся и потрепал его по щеке. Отдал конец и поднял парус, развернулся и пошел в сторону протоки. Татьяна держалась в селе хорошо, а вот на лодке устроила маленькую сценку.

– Слушай, Тань! Тебе на работу, поэтому ни о чем не беспокойся! Тебя провожу, займусь карателями. Уже есть чем.

Провели лодку через пороги на буксире. Татьяна бурчала долго и упорно, пока не увидела «подарки», которые я подготовил. После этого затихла. Проводив ее, я уселся на горный велосипед и тронулся к Лоймаа. Я не стал дожидаться отряда, решил встретить его на переправе. Велосипед не шумит, едет довольно быстро, и не так устаешь тащить довольно тяжелые подарки. Новостям двое суток, от места высадки до Пайлаа им

лесом шлепать более 80 километров. И ночью они не ходят. Второе, что радовало: Лоймаа, соседнее небольшое село, еще не горело. Карателей в нем не было. Там река, и брод только у истока. За четыре часа добрался до окраин Лоймы. В селе тихо, но я обошел его, чтобы не столкнуться с кем-нибудь по дороге. Порфирий сказал, что её жители тоже не стали слать оброк, так что их тоже стоит защитить. У порога сидел сторож, его фигурка явно виднелась в ночном бинокле. Снимать его без толку, еще и прошуметь можно. Чуть ниже река делится на два рукава и есть небольшой островок, там и переправился. Вылил воду из берцев, перодел носки и снова вышел на дорогу. Внимательно все осмотрел. Никого не обнаружил и поехал дальше. Больше до самой Питкяранты сел нет, есть несколько хуторов и выселок справа от дороги. Но дорога ведет меня не совсем туда, куда надо. Я поначалу даже расстроился, но потом понял, что она огибает озеро. И точно, чтобы лишний мост не строить, дорога обогнула довольно глубокое озеро и повернула на юг. Дымком с юга потягивает! Кто-то костер жжет. Я свернул с дороги и замаскировал «средство передвижения», замел следы, на всякий случай, и углубился в лес, надев каску и ноктovизор. Через полтора часа обнаружил стоянку шведов. Четырнадцать костров, возле них вповалку спят пехотинцы. Пять лошадей стреножено и пасутся на лугу. Лошади – это хорошо. У переправы – парный пост. От него до стоянки 1 300 метров. Скоро утро, так что смена вам ни к чему. Ветер южный, не очень сильный, но есть. Замерил дистанцию лазером: 163 метра. Придется «Валом» работать. Один из караульных спит, негодяй, второй бдит, но в основном назад смотрит, чтобы начальство дружка не поймало. Сначала бью в спящего, он ко мне ближе, вижу, как удивленно поворачивается голова второго, и туда тоже летит пуля. Ставлю два «подарка»: один на дереве на повороте дороги, второй у небольшого деревянного столбика. Еще один точно посередине участка. Обоих холодных обыскал, почти ничего интересного, и спустил в озеро. Занял позицию за дорогой, расположился поудобнее и стал ждать. Ждать пришлось почти три часа: пока они проснулись, пока позавтракали. Кстати, караульных так и не сменили! Затем раздались команды, и пикинёры построились. Не только пикинёры, но и аркебузы я увидел. Четыре конных повозки и один офицер, который возглавил отряд. На нем вороненый панцирь, с золотыми полосами, к седлу приторочен шлем, на голове широкополая шляпа. Отряд, поднимая много шума, вышел на прямую, ведущую ко мне, я дождался, когда офицер проедет мимо мины, и выстрелил из «Вала» ему в голову, а потом нажал сначала на один, а через несколько секунд на второй радиопульт, подрывая поочередно пару

МОН-90, еще, посмотрев на уцелевших, даю подрыв еще одного подарка: мины ОЗМ-72, прикопанной посередине участка при дороге.

Долго ловил лошадь: офицер застрял ногой в стремени, конь беспокоился, потому что панцирь гремел, как консервная банка. Насилу поймал! Перед этим поработал из СВД по уцелевшим. Их было немного, но были. Затем поехал в Лоймаа. Нашел старосту и приказал выехать на место и похоронить всех.

– В Пайлаа сообщите Порфирию. Пусть и своих людей высыпает. Скажите, что барин приказал.

Порфирий появился на лошадях через пару часов. Меня уже пивом напоили в Лоймаа. Бросился в ноги:

– Барин, не гневайся, что одного бросили, мы как раз собирались ополчение тебе прислать.

– Ладно, Порфирий! Не гневи бога, похороните всех там. Оружие и доспехи собрать, серебро и золото – тоже. Кафтаны там неплохие, мужикам пригодятся. И не воруй! Проверю! Все понял?

– Как же, барин! Все понял! Все сполню! Куды класть?

– В казарму кладите, там места много. И надо бы ее достроить!

– Нету яиц, барин! Все татям отданы.

– Решим вопрос, давай быстро к Уксиярви, и смотри у меня! Ничего пропасть не должно. Понял?

– Как не понять, барин! Татьяне Лександровне тут подарки подготовили. Куды слать?

– Скоро будет. Придержите.

Глава 2. Валаам и Выборгская наступательная операция

В тот же день перевез в село ручную бетономешалку и цемент, показал, как пользоваться. Работы по достройке дома начались. У себя выдолбил намеченное количество шпуротов, установил и залил арматуру из нержавеющей стали (для себя строим). Поставил опалубку и залил основание. Больше ничего существенного сделать не успел. Татьяна привезла соль, пряности, перевезли это в казарму. На этом отпуск кончился, и пришлось возвращаться в Питер.

Работаю я в фирмочке «Шараш-монтаж» 5-го управления ГРУ. «Инструментальная разведка». Числюсь ее начальником, но на самом деле командует всем процессом мой зам, Равиль, он у нас по научной части, а я – полевик. Мое дело оценить сделанное, проверить его в полевых условиях и рекомендовать или отправить на доработку. Вояк в компании всего ничего, остальные – контрактники после вузов, которые и форму надевали пару раз за все время. Их дело головой и руками работать, а наше дело грубее и тоньше. Само собой, что в результате вечно оказываюсь в тех местах, где почему-то пахнет не очень, погода стоит паршивая, что-то бухает, что-то горит, и постоянный запах смерти. Он за мной тянется еще с Таджикистана. В принципе, работа мне не очень нравится из-за этого, но другой нет. Когда, при Боре, еще и не платили, приспособился делать неплохие ножи, так как увлекался черной металлургией. Когда-то давным-давно попал мне в руки булатный кинжал II–IV века нашей эры, еще бездольный, с изумительно красивым узором на стали, рукоятью из черного дерева с золотой головкой в виде головы тура. С этого и началось мое увлечение этим видом металлообработки. Научился получать и литой, и сварной булат, часть «изделий» продавал, часть из них находилась дома в виде коллекции. Возился и с формами, и с отделкой. После Хасавьюрта, когда нам «рекомендовали» не носить военную форму во внеслужебное время, желание служить практически совсем пропало, и я больше занимался этими вопросами. Но в одной из «командировок» познакомился с Равилем, который занимался новой техникой: беспилотниками с управлением с помощью Навстар. Несколько рапортов, и меня перевели к ним. По документам мы являлись и воинской частью, и государственным предприятием, одно время даже научно-исследовательским институтом

были. Служить стало гораздо интереснее, плюс появились «сторонние заработка» за счет «левых заказов», которые умудрялись добывать, и верхнее командование это не запрещало. Затем, после 2-й чеченской, которую наша часть обеспечивала разведданными на все сто, и после 08.08.08 финансирование со стороны государства стало стабильным, и оклады повысили. В общем, кризис мы пережили, и даже жирок отложили. Само собой, вернувшись из отпуска, уселись конструировать что-то для себя любимого. Непосредственно наши серийные игрушки не годились: сами понимаете в XVII веке Глонасса и Навстара нет. И предстояло решить нетривиальную задачу создания микронавигационной системы. Привлек к разработкам Лешку и Сашку, самых «старых» из разработчиков. Они начинали еще тогда, когда миниатюрных приемников СРНС еще не существовало. Задачу поставил следующую: большой бух, все попадало и пожгли, а командование требует разведданные в радиусе сто км, до двухсот пятидесяти. Время пошло! Пробил тему в Москве, где к ней отнеслись со всей серьезностью. А в выходные активно занялся строительством на месте бывшей электростанции, не забывая при этом посещать места не столь отдаленные. Опалубку сделали, наконец, установил четыре колонны по углам дота, и «погнали наши городских». До наступления морозов успел довести стены первого этажа до перекрытия. Настелил досок сверху и прикрыл все от снега и непогоды. Как раз до первого снега успел.

Ближе к Новому Году Татьяна начала готовится к «выезду на дачу»: доработала и заказала буквари с картинками – разъяснениями, слишком многих понятий там еще нет. Грибы и ягоды удалось пристроить на продажу и кое-какой доход с этого она сумела получить, вот и вкладывалась в будущее. Несколько монет удалось достаточно выгодно продать через сайты нумизматов, этот период достаточно высоко у них ценится, так как впоследствии многие шведские монеты были перечеканены. Мне же пришлось вкладываться в «боевого коня»: снегоход «Адвенче Джити 900», довольно экономичный и мощный. По тем обрывкам разговоров и документов, которые удалось обнаружить, я установил положение границы Московского царства и Шведского королевства в тех местах и совместил их с современными картами. Шведам по договору 1616 года отошла Водская пятина, Понежская же осталась в собственности будущей России. Пограничной рекой считалась Шуя, но существовал клин ничейной земли: Тунгудская пустошь, на этой территории постоянного населения не было, и она клином пересекала границы между Швецией и Москвией. Кстати, довольно интересна с точки

зрения геологии. По этой местности идет разлом. Шведам досталась самая обжитая местность, где еще с IX–XI веков активно селились новгородцы. Но в 1293 году, во время одного из крестовых походов на землю, населённую карелами, по решению регента шведского короля Торгильса Кнутссона, на Замковом острове основан мощный замок, получивший название Выборг. Он стал надёжным форпостом распространения шведского влияния на земли Карельского перешейка, оставаясь неприступным до 1710 года. Новгородская республика не желала мириться с потерей карельских земель, и уже в 1294 году дружины Новгорода Великого осадила Выборг, но взять его новгородцы не смогли. Неудачным был и военный поход против шведов в 1322 году. В 1323 году по Ореховецкому мирному договору Новгорода и Швеции граница между ними была установлена по реке Сестре, часть Карельского перешейка вместе с Выборгом отошла к Швеции. Русско-шведские войны шли постоянно, и Россия в основном их проигрывала. В Смутное время умудрилась потерять даже Новгород. А сейчас, в период максимального расцвета шведского королевства, нашим пришлось отдать Корелу и Орешек, Сердоболь-Сортавалу, Импелакс и Тулему-Салмис. Как мне сказали, в Тулеме – небольшой шведский гарнизон.

Выехали еще 25 декабря, пришлось еще и прицеп цеплять, хотя зимой с прицепом ездить совсем неудобно, но что не сделаешь ради доставки груза. Из-за прицепа пришлось вокруг Ладоги ехать, там немного дорога получше, хоть и длиннее. Уж больно «хорош» участок от Кузнечного до Ляскеля! Просто сказка для подвески. Да и дальше не лучше, и когда стоит вопрос: 240 километров бездорожья или 80, но на 60 длиннее весь путь? То поневоле выбираешь зимой более длинный, но хоть с какой-то дорогой, а не с направлением. Не без легких приключений добрались до почти достроенного дома. Здесь было все в порядке, однако морозов практически не было, поэтому пришлось собирать катамаран, чтобы доставить самих и грузы туда. Протока практически полностью свободна ото льда. С небольшого причала ниже по течению загружаемся и направляемся к водопадику. Работает! А вот с той стороны – мороз под тридцать! Вода на турбину, правда, попадает, но вокруг нее много льда, из-за которого она работает с довольно сильным шумом. Пришлось поработать перфоратором, чтобы сбить лед. Удаление льда я не предусмотрел, а жаль! Через некоторое время вошел в дот. Там уже более-менее тепло. Доски в несколько слоев и полиэтилен уложены плотно и снегом завалило по самое не хочу. Но калориферы работают. Татьяна о чем-то ворчит, разбираясь в куче постельного белья. Быстро поужинали и легли.

– Слушай, ты что, не мог подумать заранее, что турбину будет забивать льдом? Надо ставить ультразвук или что-нибудь еще.

– Тань, всего сразу не предусмотреть, это раз, во-вторых, я вообще считал, что она остановится сама, и больше рассчитывал на вспомогач, чем на нее. Хорошо, что мощности достаточно, чтобы крутилась, и лопасти не поотлетали. У горизонтальных турбин это ахиллесова пята. А очистку, конечно, устанавливать требуется, не дело каждый день бегать с перфоратором. Решим вопрос попозже.

Еще немного поворчав, супруга успокоилась и попыталась уснуть, впрочем, ее довольно скоро разбудил волчий вой.

– Блин! Какой концерт! – проворчала она. – Слушай, успокой их! Они ж где-то рядом орут!

Пришлось доставать «Зауэр» и палить в воздух. Волки помолчали немного, а потом опять затянули свою песню, но чуть подальше. В конце концов, Татьяна устала их слушать и уснула.

Утром я осмотрелся вокруг. Человеческих следов на обоих берегах протоки не было. После того, как мы здесь «поселились», люди сюда ходить перестали. Расчистил двор от снега, перебрасывая его за пока еще невысокий забор. Осмотрел колючку, которой он был обтянут. Нашел клочки рысьей шерсти, видимо, любопытствовала. Волчьи следы проходили метрах в трехстах, их, наверное, шум турбины отпугивает. Слух у них острый, так что ее они слышат. Когда я вернулся в дот, Татьяна уже встала и готовила завтрак. После него мы вытащили снегоход через нижнюю дверь на снег. Попробовав припай у берега, прошелся до порога. Там стремнинка была свободна ото льда, а у берегов все замерзло. Так что на снегоходе проехать на Суоярви можно, чтобы по тропе не пробиваться. Поверх обычной (для этих мест) одежды Татьяна надела зимний «лешак», снегоход тоже был камуфлирован. Татьяну я вооружил «Валом» и «Астрай», сам же взял с собой и «Зауэр», и СВД, со своим штатным «Перначом». Аккуратно проехав мимо порога, выскочили на лед Суоярви и прибавили ход. Берег быстро приближался. Глушитель у снегохода хороший, поэтому звук не сильный, хотя и такой люди услышали. Мы подъехали к причалу, а вокруг уже были любопытные глаза. Но наше появление тревоги не вызвало. Крестьяне отбивали поклоны, лишь некоторые повалились на колени. Мы проехали прямо к бывшей казарме. Ключ от входа у меня был. Невольно удивился расчищенной дорожке до самого крыльца и обратил внимание на то, что вторая дверь была не заперта. Дома оказалось тепло. Его протапливали! Хотя никаких ценных указаний на эту тему я не давал. Через пятнадцать минут появился

Порфирий, отбил поклоны и приложился к руке.

– Ждали, ждали, барин! Чуяли на Корочун, на колядки будете. А вечер кто-то палил у Верхнего брода, я вот и приказал все подготовить. Все как есть рады видеть вас в добром здравии, барин и барыня.

– Спасибо на добром слове, Порфирий, и тебе здравствовать желаем. Что нового случилось в округе?

– Лазутчик от шведов был в Лоймаа. Говаривал, что кнехт Анхель желает знать, куда брат его делся, обещает 30 талеров тому, кто укажет, где он. Живой или мертвый.

– А где даст?

– Дык на Валааме они сидят, у монахов.

– Пацана сметливого ко мне пришли, и оседлайте коня шведского, только нашим седлом, не шведским. Найди шелом того кнехта на складе, он позолочен по краям был. Надо разобраться с этим «брательником», просто так не отстанет.

– Слухаю, барин! Насти вдовой сынка подошлю, он хитрющий. Завсегда выкрутится так, что всем попадет, а его похвалят. Языкастый, но язык за зубами держать умеет.

Сын вдовы Настасьи оказался мальчишкой лет четырнадцати: нос картошкой, всклоченные, никогда не чесанные волосы, звали на селе его Пройдой. Зипун у него был совсем дырявый, поэтому вначале его отправили мыться, подарили толстый вязаный свитер и ватник шведский, что-то вроде современного ватника, только не с хлопком, а с шерстью, его под броней пехотинцы носят, чтобы удары смягчать. В ватник зашили хитрый двухрежимный армейский пейджер с частотой 21 см, с двумя сигналами: обычным и аварийным. Убедились, что Пройда научился переключать его. Дело осложнялось тем обстоятельством, что волки были очень активны. В одиночку не поедешь. Пришлось его к обозу «цеплять». Обоз шел в Олонец с рыбой и мукой: война – войной, волки – волками, а торговля стоять не может. Вот только медленно все. Татьяна занялась детишками да бабами: попыталась найти наиболее сметливых девчонок, чтобы научить их читать и обучать остальных, а мы с мужиками устроили облаву на волков. Они в зимней шкуре, самый ценный мех для шуб. На третий день сигнал от Пройды сменился на тревожный. Мы с Татьяной уселись на снегоход, но поехали не по дороге, а по льду реки, текущей к Ладоге от Лоймаа, Тулема называется. Судя по пеленгу на сигнал, он перемещался в том направлении. Засаду шведы, как и ожидалось, на дороге поставили. Время от времени пеленгуюм сигнал. Такие пейджеры ставятся на наши «самолетики», чтобы облегчить их поиск и держать закрытый

канал управления направленным на них. Через полтора часа стало понятно, что сигнал перестал перемещаться, и это не Салмис-Тулема, а часовня на берегу озера. Это как раз напротив Валаама. Туда вела соседняя река, пришлось выскакивать на звериную тропу и пробиваться по ней на запад. Наконец выскочили на лед и прибавили. Плохо то, что через реку три моста. Караулы шведы наверняка у мостов держат. Так и оказалось: группа из шести солдат держала мост на переправе, где осенью я их роту положил. Три пикинера, два аркебузника и мужичок в непонятной одежде. Убили обороты до самых малых, подъехали на 400 метров, я развернул снегоход, заглушил двигатель и, используя его сиденье как упор, начал работать из «Вала». По «мужичку» пришлось два раза стрелять! Вертким оказался. И монахом! Он был жив, когда я подошел, раны в плече и в паху. Ругается! «У нас со шведами мир! А ты – антихрист и язычник, в Бога не веруешь!» Оказывается, все про все знают. Милосердия я проявлять не стал, пусть его волки доедают. Нам некогда! Там Пройду мучают! Река делает много поворотов, поэтому плонул на маскировку и рванул по дороге. Через полчаса подскочили к часовне. Там уже никого не было, кроме монахов. Нашел место, где парня пытали. Кровь свежая. Оба монаха отправились к праотцам, по месту постоянной прописки, но предварительно выяснил, что пацан жив, и его везут на Валаам. Выехали час назад. «По машинам!» Меняемся местами с Татьяной, теперь она за рулем, а я сзади. Снова закрываем забрала шлемов. Группа конников видна на льду озера. Аккуратно перебираемся через прибрежные торосы, и полный ход. Мальцу были даны указания говорить только одно: «Послали за тридцатью талерами, если привезу, то место покажут. Сам ничего не знаю!» Быстро сближаемся с конниками. Они все в броне, попытались развернуться и атаковать, идиоты. С пикой на СВД кидаются! Забабахался ловить лошадей! Пройда живой, избит сильно, но живой! Я его развязал, он даже на ноги поднялся и помогал ловить оставшихся лошадей. А со Святого острова дым кольцами начал подниматься. Монахи услышали стрельбу, бил я не из «Вала», а из СВД, и они кому-то сигналят. Отлично, повод для ссоры есть. Всех коней привязали к седлу Пройды и потихоньку двинулись назад. Но сзади появилось человек двадцать конных. В оптике видно, что часть из них шведы, а вторая часть – вооруженные монахи.

– Пройда! Гони к часовне, ты мешать будешь!

– Слухаю, барин. – Он хлестнул лошадь, и, часто оборачиваясь, любопытно ведь, поскакал к берегу. А мы закружились вокруг отряда, удерживая их на расстоянии и отстреливая наиболее ретивых и прытких. Бой закончился, мы подъезжали к каждому из упавших, обыскивали их.

Рыцари у шведов гораздо более богатенькие, чем пехотинцы. У монахов практически ничего, кроме вшей, не было. Несколько крестов золотых и серебряных с каменьями. Ну и вонючие они! В баню могли бы и почаще ходить! От Святого острова идут на широченных лыжах-снегоступах две фигуры в черном. Это те, которые сигналы подавали. Одного пристрелил сразу, он с палицей был, второму только ухо прострелил. Зато выяснил, почему они против меня ополчились! ДЕСЯТИНУ ИМ НЕ ЗАПЛАТИЛИ! Вот самки собаки!

– Настоятелю передай, что он мне пять тысяч талеров должен, за порох, что пожег, его друзей убивая. Будет дружить со шведами – повешу. Все понял? Деньги до крещенья отдать!

– Не успеем, болярин Леший. Крещенье-то вот-вот! – Уже и имя знают!

– Это не мои проблемы, а его. Так ему и передай. Пошел вон!

Татьяне не понравилась процедура после боя, когда я раздевал догола трупы и все сваливал на лошадей. Сказала, что больше в таких мероприятиях участия принимать не будет.

– Таня! Доспехи стоят дорого, все будет вновь использовано против нас.

От Валаама подъехало несколько монахов, уже не агрессивных. Издали кричали, что они с миром, своих забрать. Реквизировал у них пару саней для трофеев. Монахи смотрят настороженно, но подходят только к тем, к кому я разрешил приблизиться. Вернулся Пройда, помогает собирать трофеи. Монах, представившийся Варлаамом, долбит лед, чтобы спустить трупы под воду. Монахи забирают только своих. Выяснилось, что шведов на Валааме больше нет, весь отряд выскоцил, и кнхт Анхель, «брательник», вон валяется. Пройда цепляет за ноги веревкой, притороченной к седлу, и подтаскивает шведов к проруби. Варлаам шепчет молитву, и грешное тело отправляется на корм рыбам. Настоятель, само собой, не появился. Ничё, мы подождем. Чтобы не тратить бензин, загрузили снегоход на сани, накрылись шубами и тронулись в обратный неблизкий путь. Варлаам перекрестил нас на дорогу, а потом плюнул, вспомнив, кто есть кто. Лица мы никому не показывали, хотя работать с опущенным забралом шлема было неудобно.

Пройда на деревню вернулся богатым человеком! У него теперь конь и кобылица с привеском. Заслужил! На следующий день приперся к Татьяне шапку ломать, чтобы в первый класс взяла!

Назад добрались к 31-му числу, новые праздники вводить надо

постепенно. Поэтому заслал Татьяну в Суоярви за картошкой и пару парупройку поросят прикупить. Заодно зеленые, молочные и красные соленые и маринованные помидоры, и свежие черри. В общем, праздник «Победа над шведами» удался на все сто! Все обалдевали, особенно попробовав черри. Свежие помидоры – зимой. А они их в жизни никогда не пробовали! Ни соленые, ни маринованные, ни свежие. Пели песни, под свинину в томатном соусе, закусывали медовуху жареной картошкой с салом. В общем, все канцерогены в кучу собирали и с удовольствием употребили. Разговоров после было много.

А я начал проводить Выборгскую наступательную операцию. Я давно начал ее готовить. Сразу, как вернулся со строительства из отпуска. Понятно было, что ее просто так не осилить: боеприпасов требуется куча, крупный калибр, который взять негде, в общем – жопа! А если не взять его, то нервов попортят выше крыши! В общем, не зря же я вкладывался в офигенно дорогой снегоход! Вовсе не для того, чтобы перед аборигенами похвастаться! Татьяна напряглась, когда я сразу после Нового года начал дрессировать три десятка мужиков с разных деревень носить оружие XVII века и пользоваться им.

– Ты куда собрался?

– Да, пока новогодние каникулы, надо Выборг взять, а уж потом начать заниматься сталелитейными заводами. Сама видишь, что спокойной жизни никто не обещает.

– Ты охренел? Там же крепость и гарнизон большой.

– Танюша, главное – его на лед залива вытащить, «и делай с ним, что хочешь».

– Найтов! Ты – идиот! И так все неплохо получается! Не порти картину.

– Тань, не мешай, не бабское это дело! Обучением займись, как обещала.

– Моя – твоя – предупредил. А там – хоть не рассветай! Учи, Найтов, помрешь по-дурацки, все сверну и отдам на откуп физикам. Мне одной такое дело не провернуть.

– Да я в курсе, и помирать не собираюсь. Проехали, Танюша!

В общем, прицепил я к снегоходу санный прицеп, загрузился и поехал в сторону Выборга, за мной тридцать мужиков, упакованных в шведское железо, отправились. Я, понятное дело, чуть быстрее еду. Мое дело занять острова в Выборгском заливе. Там пока никаких дополнительных постов нет. Я подъехал ночью к Цветущему мысу и пару ночей ползal по льду Выборгского залива, готовя подарки для наших дорогих шведских гостей.

Мужики приотстали и связывались со мной один раз вечером. Им оставалось два дневных перехода. У меня было все готово. Воды Выборгского залива были скрыты льдом, поэтому «тайства» я совершил не мог. Фиг с ними, пусть так топнут. 10 января я устроил бесплатный гала-концерт в небе над Выборгом: лазеры высветили огромную фигуру бога-отца над заливом, а три громкоговорителя пели осанны на среднешведском, которые я записал в Питере в костеле недалеко от шведского консульства. Бог-отец был мной анимирован, и в конце проповеди, в которой говорилось о том, что это земля славян, он показал на возникший из лазерных лучей крест животворящий, и приказал всем следовать туда, иначе – покарает! Палец «бога» показывал на голограммический крест у камня на входе в залив. «Бараны» по льду потащились прямо на управляемое минное поле, которое я двое суток сооружал, ползая по снегу. А я их не заставлял! Сами пошли! Я их об этом не просил и не настаивал! Когда большая часть гарнизона и местных жителей пела осанну великому Христу, я нажал на кнопку. Запрограммированные взрыватели ОЗМ-72 подбрасывали мины на высоту два с половиной метра и две с половиной тысячи осколков каждой из них превращали в мясо тела защитников крепости. Они хитростью поставили эту крепость, мы хитростью ее забрали себе. Перед началом массового молебна этот самый «господь бог» приказал передать ключи от Выборга боярину Лешему.

Я появился на следующее утро, подошел к воротам, они были открыты.

– «Прювед», меня зовут Леший. Товарищ господь распорядился передать ключи мне. Я жду!

Слова «Да здравствуют голограммы!» я произнес после того, как ключи мне вручили.

Главный подарок получил при возвращении домой. Ехали уже через Приозерск, не через Олонец. Взятие Выборга было большим успехом, если не сказать более. Татьяна задумчиво смотрела на белую, всю в свежем снеге, дорогу. Неожиданно сказала:

– А ты очень хорошо вписался в то время, характер, наклонности, все как по писаному. Удивительно! Вот только все это надо кому-то передавать, а некому. Ни Полина, ни Сережка такими данными не обладают. В общем, наследник нужен, причем специально подготовленный для этого.

Я попытался схомтить, ведь мы за десять лет так и не решились на сие, а тут супруга открыто заговорила о ребенке. И стало понятно, что она перестала воспринимать тот мир как игру или иллюзию, а решила прочно обосноваться в нем. Мне было сказано, чтобы я подавал рапорт на

увольнение из рядов, хотя у меня с трудом набирались 25 лет, требовалось обновить кое-какие документы. По большому счету она права, потому что оставлять надолго такое неспокойное хозяйство просто опасно. Рапорт мне подписали, с работой я заключил трудовой договор, став «вольным стрелком» – испытателем новой техники. Довольно шумно отметили увольнение в запас, и я уехал в Суоярви. Теперь уже надолго. Казематы и кладовые Выборга открыли совершенно иные возможности для старта. Нужно было поспешать, укреплять и соответствовать. Требовалось создать армию, без нее все это не удержать. И экономику, чтобы содержать эту кучу бездельников. В порту Выборга стояло больше десятка кораблей, которые остались без команд. Нужен был народ, и пришлось ехать в Олонец и Новгород.

Глава 3. «Индустриализация по-корельски», или первые шаги

Олонец тогда Олонцом не назывался, это был Толмачев-наволок. Командовал там дьяк Степан Елагин. Поселение составляло 150–160 дворов. В том месте, где сейчас стоит собор, стоял небольшой деревянный фортификатор, с колоколенкой на самом западном мысу. Поехал я не один, а с Порфирием, который уже официально стал управляющим Суоярвского района. Поглазеть на снегоход собралось все население. Новости уже расползлись по городам и весям. Иначе как князем Выборгским никто и не называл. Почести оказывали именно княжеские. Всем было известно, что настоятель Валаама Варсонофий лично привез дань и первым упомянул княжеский титул. Не поленился, подлец, приехать в Выборг, чтобы лично убедиться в том, что хозяин там сменился. Слухи о явлении божьем прокатились по всему Приладожью, поэтому со всех сторон «посольства» следовали одно за другим. А без даров в гости не ходят. Поэтому казна исправно пополнялась, но вербовать на месте наемников занятие глупое и неблагодарное. Наемник должен быть не местным. В Олонце удалось договориться и завербовать первых тридцать дружинников. Вместе с тридцатью ополченцами это уже был «отряд». Оружия в крепости было много, качество вполне соответствовало тому времени. Главное, десяток пушкарей набрал. Сам-то я из таких древностей никогда не стрелял, поэтому всех тонкостей этого дела не знал. Командовать дружиной я назначил Ермолая, уже в годах сотника, а к нему «прикрепил» Пройду, кем-то вроде ординарца и на посылках.

Сам же проводил больше времени не в палатах каменных, а на берегу будущей Селезневки, куда согнал народ, чтобы расчистить площадку под строительство плотины через речку и здания ГЭС. Сам город располагался на другой стороне Саймы, там, где и сейчас стоит. Только домов в нем еще совсем немного, но уже есть каменные. В основном шведы укрепляли саму крепость, а порт, склады и мастерские ютились вне стен крепости и чуть ли не постоянно разрушались в многочисленных попытках взять крепость. Городская стена, в отличие от крепостной, была деревянная и проходила по теперешней Батарейной улице от одного берега залива до другого. Равелинов на северном берегу еще не было, их только начинали строить. В городе было тысяч пять жителей, часть из которых погибла на льду от

мин и в начавшейся панике. Наплавной мост проходил только до цитадели и северный берег не был связан с городом. Так что место под ГЭС было выбрано не случайно. Кстати, и в наше время «старая» ГЭС стоит именно там.

С «попами» я решил помириться: во-первых, не стоило разрушать иллюзию того, что «гендиректор» назначил меня «топ-манагером», во-вторых, в княжестве присутствовало куча разных конфессий, загонять опять всех в речку и, под угрозой меча, перекрещивать всех никакого смысла не было. Плюс, что подвигло горожан Выборга встать под мои знамена: их не грабили! Город не отдавался армии на разграбление! Просто вместо шведских воинов появились мои «абреки». Встали на стенах и молчаливо глядели на город с высоты своего положения. Этот вопрос я урегулировал еще до того, как они в поход пошли. Дескать, все должно быть пристойно и культурно, а кто ослушается, будет иметь дело со мной. Желающих поиметь неприятности не нашлось.

Пришлось собирать в Выборге духовный совет, на котором я высказал совершенно крамольную по тем временам мысль, что мне пофиг, во что верит население, и карать буду именно церковников, если будут натравливать людей друг на друга. Так и сказал, что положу на транспортер пилы и буду пилить на малой подаче. Все всё правильно поняли. Пилы в Пайлаа они уже видели. Страшная штука! Шестнадцать вертикальных пил превращали бревно в доску с неизбежностью второго пришествия. Когда представили себя в таком положении: ногами вперед, то было заметно, как «попы» содрогнулись.

– Никто не имеет никаких преимуществ перед государством! Акты рождения, смерти и брака регистрируются государством, а не священником. Развод не предусматривается, но официальные вдовцы и вдовы имеют право на заключение нового брака. Но только при предъявлении свидетельства о смерти супруга. Супруг считается умершим, если он зафиксировано мертв, или в течение трех лет от него не поступало известий или денежных средств. Государство у нас светское со свободой вероисповедания. Хоть бусурманами будьте. Атеисты – освобождены от налогов. Остальные платят налог в казну два процента от доходов на содержание контрольных органов по теологии. Вы ж, господа священники, нуждаетесь в контроле! Кого ущучу за наущением своей епархии набить морду другой – не взыщите! Бить буду больно и мученически. Вы отвечаете за то, чтобы протестанты на православных, бусурман и прочих, с ножами и мечами не кидались. Первыми под разборку и попадете. Дошло?

Попы согласно закивали головами.

– А там, где богоявление случилось, храм поставьте, где каждой епархии будет место. Две тысячи талеров на это княжество выделит, остальное собирайте с верующих.

– Как? Один на всех?

– Именно так, Вы и сами знаете, что бог – един!

– Бог, он, конечно, един, но церкви разные.

– Не церкви, а карманы разные! Вы о собственных карманах беспокойство проявляете! Есть храм в Вифлееме, которым владеют несколько конфессий. Вот его за образец и возьмите. Все епархии платят в казну 13 процентов от доходов. И только попробуйте их скрывать! На дыбу подниму. Понятно?

– А почему чертова дюжина?

– Хочешь двадцать платить? Давай двадцать поставим. Сколько Густаву Адольфу платили? Четвертину? А я назначил вдвое меньше. Пусть осьмуха будет.

– Нет-нет-нет. Осьмуха, значит, осьмуха. Все понятно, княже. Но как же быть с общим храмом, как доходы делить?

– Не договоритесь – все запрещу. Мне, в принципе, вы не нужны, сами понимаете. У меня всё, все свободны.

Они договорились между собой, и Богоявленский собор на входе в Выборгский залив был поставлен. Несколько позднее меня и Таню с сыном пригласили на его освящение. Поприсутствовали.

Положение несколько осложнялось тем обстоятельством, что золото и серебро я мог использовать только здесь. В России это – не товар, так, баловство с возможностью быстрой усадки. Основные доходы в этом году принесли мед, клюква, черника, брусника и грибы. Ну, и немного заработали на продаже старинного оружия и монет. Татьяна просертифицировала всю продукцию, нашла каналы сбыта в Москве и Питере, заказала красивую и оригинальную упаковку, и крупные магазины заинтересовались продукцией. Так что кое-какие деньги для приобретения нужных станков появились. А вот с золотом что делать – ума не приложу. Во-первых, оно здорово отличается по пробе от дешевого 585-й пробы, во-вторых, нет никого в этой отрасли, а «богатенькие буратины» по полям сражений не бегают. Благо что был один фондик, с руководством которого у меня были отношения из-за Донбасса, а золото на войне самая подходящая валюта. Немного смог продать туда, заодно оттуда привезли много электрооборудования, снятого с разбитых снарядами шахт,

электроподстанций и прочего металлом. И патронов подбросили, кое-что из артиллерии, в частности, минометов несколько, СПГ-9 и кое-какой боезапас к ним. На первое время хватит, а там что-нибудь опять придумаем, или найдем канал, как реализовать талеры. Денег требовалось море! Ближе к весне понадобилось закупать поросят, картошку «Удача», пшеницу «Безостую-1», рожь «Вятка-2», кукурузу сорта «Хани Бентам», скороспелую, и семена всяких-разных овощей: кабачков, баклажанов, моркови, капусты, тыквы, брюквы, помидоров, люцерны, рапса. Из Синявино доставил цыплят трех пород и оплодотворенных яиц, которые сразу положили под куриц. И все требовалось в товарных количествах! Выручало то обстоятельство, что население было смешанным: часть слегка причесанных шведами водей уже знакомы с пшеницей, а за время с Нового года сумел познакомить и горожан с картошкой и свининой. Сразу закладывали свинофермы, которые чисились князевыми, туда наняли людей, чтобы за животными ухаживали. Свиней пока на руки не отдаю, только у себя держу. А вот двух взрослых и 10 телок голландской чернобелой, купленных в Янино, раздал в аренду в хорошие руки. Увидев, сколько молока дает одна корова, к молоденькому бычку выстроилась очередь. Ох, придется ему попотеть, получая удовольствие. Ну и самым удачным приобретением было два небольших стада казахского архаромериноса и киргизской тонкорунной овцы. Обладают выносливостью и большим размером, отличной длинной и мягкой шерстью, особенно в нашем климате. Основное отличие от обычного, в XXI веке, меринаса, именно выносливость и высокая продуктивность. Так сказать, вершина советского овцеводства, как и советский меринос. 7–10 кило шерсти и почти 100 килограммов живого веса у барана, 55–65 у овцы. При этом не требует стойлового содержания. Учитывая то обстоятельство, что с мужичками у меня легкий напряг, основное население женское, то требовалось занять их работой. Мериносов завезу летом, их надо держать отдельно.

Вложились по-крупному, но в ту отрасль, которая уже осенью принесет отдачу. Как только потеплело, загнал людей на строительство дома и полностью его сделал. «Свою» землю, доставшуюся в наследство от бывшего губернатора Выборга, и землю под Пайлаа обрабатывали минитрактором и культиватором, а вот всех остальных освободить от рабского труда по вспашке земли пока нет возможности. Не возить же сюда бензин и соляр тоннами. Нефти в этой части земли просто нет. Поэтому я нашел чертежи и сделал шестицилиндровую паровую «звезду» с перегретым паром. Двигатель работал на любом топливе, в том числе на

растительном масле, для чего я и привез в этот мир рапс. Конечно, это была не родная машина: восемь шарикоподшипников SKF пока возможности сделать не было, да и цилиндры пришлось делать из готового алюминия, а уплотнители из кольца углепластика. Цельнотянутую стальную трубу для парогенератора и горелку с насосом высокого давления взял из XXI века, как и саму идею. Но это минимальные вложения при максимальной отдаче. Главное в этом вопросе: начать! Потом прогресс будет не остановить. Мы так радовались, когда поехал наш переделанный мини-трактор! В общем, зима и весна прошли в сплошной пахоте и мотаниях туда-сюда.

Ну, а вообще, не ожидал я такого! Когда все начиналось, все это по-другому выглядело. Либо они меня, либо я их. Привычная обстановка. А тут!.. Когда на площади собралось сорок-пятьдесят тысяч человек, бухнулись на колени и:

— Веди нас, княже!

Вот тут-то я и почувствовал, что любая моя ошибка будет очень, очень-очень, дорого стоить. И право на ошибку у меня отняли.

Мастерская в Пайлаа уже действовала и было сделано шесть двигателей. Два установлено на тракторы, два на винтовые ладьи, один на мой джип и еще один на машину Татьяны. Требовалось быть очень мобильными. Порфирий наладил торговлю с Новгородом, но ему очень мешает крепость-монастырь на острове Медведка. Это в самом устье Волхова. По договору 1617 года, Столбовскому миру, эта земля — моя, принадлежит Выборгу. И мы на 12 ладьях идем туда. Среди моего войска 60 «гвардейцев», упакованных в бронежилеты, кевларовые каски, с настоящим хорошим оружием. Есть даже «Шмели-М». Настроение у всех боевое. Остальные вооружены шведским оружием из крепости. Народ служивый в город идет потихоньку, слухами земля полнится. Гвардейцы — это уже регулярные войска, они живут непосредственно в крепости, в казарме, в город выходят с обычным оружием и в обычном снаряжении. Ну, а в поход, естественно, выступают в полном боевом. Пока меньше роты, но кои наши годы. Монастырь и крепость маленькие, их 56 лет назад немцы сильно пожгли, так еще и не восстановились полностью. Высадились ночью. Ни Староладожского, ни Новоладожского каналов еще нет, так что разведка прошла к самому рву крепости. В новом времени здесь территория судоремонтного завода.

Теперь немного истории: Густав II Адольф, который склонил Михаила Первого к миру, в 1632 году погиб во время кавалерийской атаки в битве под Лютценом. Наследников мужского пола у него не было, только две дочери родила ему Мария Элеонора Бранденбургская. Одна из них умерла

во младенчестве, вторая, 1626 года рождения, шестилетней девочкой была посажена на трон. Сейчас ей тринадцать. Правит Швецией риксканцлер Аксель Оксеншерна. Ему сейчас 56 лет. Это он старательно превращал Балтику в Шведское озеро. Отличался умом и сообразительностью. Блестящий переговорщик, он старательно избегал войны на два фронта и сосредотачивался всегда на главном противнике, что блестяще ему удавалось в войне против германских католиков. Три года назад он окончательно покинул шведскую армию и стал опекуном Кристины. После гибели на льду Выборга Юхана Шютте Аксель Оксеншерна попытался пристроить своего сына на его место. Он его куда только ни пихал! В том числе и в *Nya Sverigekompaniet* (в компанию Новой Швеции). Отличительной особенностью Акселя Оксеншерна была потрясающая скрупульность. Но к тому времени он уже вписался капиталами в освоение Америки, а датчане Крузиус и Брюгеман смогли заключить пока не реализованный договор с Москвией на торговлю с Персией через Россию. Швеция, которая не слишком дружила с Данией, этому всячески противилась, так как сама мечтала сидеть на этом месте. Но датчане побольше наобещали: не менее чем 600 тысяч ефимков в год. Активный грабеж Америки и Европы принес огромное количество золота в Европу. В общем, мой приход в Выборг прикрыл эту лавочку для риксканцлера, но он еще не успокоился. Конкурент у меня есть, зовут его Габриэль Густавсон Оксеншерна. Где он – я пока не знаю, но скоро будет. Поэтому поспешаем не спеша.

На стенах шесть часовых. Наш подход они не заметили, мы высадились у Птиного острова. Аккуратно всаживаю болт с зарубками и карабином в стену, проводником протаскиваем нейлоновую страховку и перебрасываем туда разведгруппу в шесть человек. Я с «Валом» контролирую стену. Группа поднялась по стене и доложилась, что часовые сняты. Перезакрепив страховку, обеспечили перемещение еще 20 человек, которые опустили мост и открыли ворота. Начались переговоры с заблокированным в казарме гарнизоном. Он наполовину шведский, наполовину состоял из монахов. Шведы понимали, что их не поджигают только из миролюбия. Я, правда, участия в переговорах не принимал и в крепость не входил. Разговаривал с ними член совета Выборга Олафсон, который в январе принес ключи и первым присягнул мне. Затем Пройда вышел на связь и доложил, что гарнизон сдался. У причала стоял шведский двухмачтовый кораблик «Фогель Гриб». Его тоже захватили без боя: солдаты одеты в шведскую форму и броню. Привез порох из Орешка. Капитану приказал выгружаться, затем вручил ему письмо на шведском

и русском с предложением коменданту Нотебурга перейти под мое командование. К сожалению, крепость и уезд носили звание графства, и комендант владел им.

Крепость – каменная, и находится на острове, поэтому у него был шанс сидеть там долго и муторно, как это не раз уже бывало. А нам надо действовать быстро, поэтому, получив отказ графа, высаживаемся напротив острова Орешек в том месте, где сейчас находится город Шлиссельбург, а тогда находилась деревушка Ноте. Население в основном русское. Так что никаких особых проблем нет. Обычные крепостные крестьяне.

– Маловато вас, княже! Ничего не получится, а нас пороть потом будут. Уходили бы вы. – сказал староста.

Ночи уже короткие и светлые, замеряю точную дистанцию: от мыса до башни 413 метров. Делаем пересчет и отправляем туда навесом двадцать ГВО-406 из подствольников. А противогазов в XVII веке еще не изобрели. Майское утро. Ветра нет, так что все условия. Товарищи шведы лезут на стены от такого подарка, а тут и я со своей СВД, ждем-с! Командиры этих армий имеют совершенно неправильную привычку выделяться среди подчиненных. Выстрел! Владелец шикарного шлема с пером получил небольшую пробоину в черепе. Еще один бежит буквально к тому месту, где лежит первый. Еще один выстрел. Ребята немного добавили газку! На причале появился мужик в броне и с белым флагом. Чихает, кашляет, машет флагом, предлагает переговоры. Зовем его к себе. Он – в лодку и к нам. Залит слезами и слюнями, я ему кричал, чтобы водой не промывал. Обрабатываем его слабым раствором уксуса. Очухался.

– Кто из вас князь Выборгский?

– Я.

– Херре Олафсон, вы можете подтвердить, что этот человек и есть «богоявленный»?

– Да, херре Кнудсен. Это наш князь.

– Граф Дарт де Ангуссон убит. Он приказал не подчиняться вам. Мои кнехты имеют иное мнение. Мы – ваши вассалы, херре Леший, – сказал он, припав на одно колено. В общем, местные шведы уже поняли, что власть переменилась. Гарнизон сменили, оставив минимум «местных». Ниеншанц и городок Ниен прислали делегации после этого и сами сдались. Часть городка пришлось расселить: самогон варили. А у меня с этим делом круто! Спирт изготавливается, но только древесный, чуть ли не 50 на 50 метиловый. Чтоб с ног валил насмерть. Это – топливо для паровых двигателей и яд. Пиво – хрен с ним, пусть варят и пьют, а здесь требуется быть жестким. Княжеский указ о пьянстве и пьяных выходках уже

действовал, вне зависимости от сословий. Нарушителей ждал кнут и добыча болотной руды. Озерная просто добывается, а на болоте там все сложно. Утопнуть – дважды два.

Открыв себе торговые пути, возвращаемся в Выборг уже через Неву и по морю. Еще одно «приобретение»: 12 капитанов морских парусных судов и сами парусники. Они, правда, совсем небольшие, где-то 100 тонн, чуть побольше парусных ладожских ладей, но двухмачтовые со смешанным вооружением. А в Паймаа уже работает лесопилка, и паровая сушилка. Лес здесь красный, но нужны медь и сталь. И остро встал вопрос с мелом. Со «взятием» Орешка в мои руки попали Путиловские карьеры, и каолин был в Никольском, так что проблема с производством цемента и кирпича была решена. В Выборге было много людей, знакомых с кирпичным производством, а производству цемента требовалось обучить всех самому. Пришлось согнать крестьян и прокопать канал, расширив реку Святка и соединив ее с Тосно, через шлюз. Ивановские пороги для парусных и гребных судов довольно серьезное препятствие. Заодно эхолотом промерил пороги и получил их точную карту. У устья Святки и Тосно приказал бить причалы. В общем, «здесь будет город заложен, назло надменному соседу!» Место очень удобное: река имеет большую скорость течения, это – возможность получать большое количество энергии. Рядом большие залежи торфа, а отопление – наше все, в нашем климате, и этот же торф используется для производства цемента и кирпича. Есть возможность вывозить кирпич как вверх, так и вниз по реке. Ну, а количество пароходиков придется увеличивать! А это потащит за собой всю экономическую цепочку. Главное – я эти карьеры хорошо знаю и знаю места, где лежит глина, из которой можно получать основной и кислый жаропрочный кирпич. А это то, что мне нужно для запуска сталелитейного производства.

Чтобы быстрее закончить работы, была изготовлена землечерпалка и грунтоотвозные шаланды. Шаланды делались из дерева, и особого изумления не вызвали, а вот на стальную черпалку специально приезжали посмотреть. Но, видя, как она легко вгрызается во влажную землю, все понимали, без нее выполнить такую работу за одно лето бы не удалось. Все-таки предстояло переместить 60 000 кубов грунта. А это – 7 512 000 лопат, причем полных, а так как местами общая глубина канала до 5 метров, то количество «лопат» круто увеличивается, так как один и тот же кусок грунта пришлось бы кидать много раз. Понижающий редуктор был изготовлен, конечно, не у нас, а в XX веке, и просто валялся на карьере. Цепь и ковши производства Шлиссельбургского завода на Озерной

улице. Они давно такие маленькие машины делают. Еще и землесос предложили у них купить. Пока обойдемся! На Леймановском острове, ниже Ореховки, поставили водяную турбину, большую лесопилку и мельницу. Тому самому старосте, который уговаривал нас оставить в покое Орешек, было сказано, что она должна работать постоянно. И его проблемы, где он лес возьмет. Но для села это манна небесная, поэтому в обиде он не был. Он же не знает пока, что это будущий судостроительный завод. Пусть пока лес пилит и муку мелет всей округе. Барин велел!

Людей в Ленинградской области оказалось довольно много! И все крепостные. Дело было в Столбовском договоре! По нему бояре и помещики России должны были в течение двух недель покинуть территорию края со своим имуществом, а крепостным и свободным крестьянам переход запрещался. Они попадали все в крепь. Перед подписанием договора ста пятидесятитысячный Новгород был практически обезлюжен, шведы переселили всех из него на эти земли и взяли в крепь. А Новгород, без людей, вернули Михаилу. Да еще и под беспошлинную торговлю. И это в условиях, когда на Руси никакого производства не существовало, кроме кустарного. Производились только продукты питания и орудия труда для него. Все остальное ввозилось из Швеции, Дании, Англии и тому подобных. Читаешь летописи и диву даешься! «Продано 320 возов мяса и 600 возов рыбы за 368 рублей 20 копеек. Привезли назад 120 мушкетов».

Я собирал людей на площадях и показывал, как сделать домницу, применив «китайский способ» догнать и перегнать Америку. Установил неплохую цену на крицу: сырое железо со шлаками. Главное – везите! Сдавайте ее князю, а я разберусь, что делать. И задымили домницы по всей округе! Те, кто посмекалистей, ставили домницы у воды и поддув устраивали от водяных колес. Нет речки? Гоняли по кругу лошадей, раздувая мехи, а кто и баб на это дело подряжал. Я же собрал группу мужиков и показывал им руды. Первый медеплавильный завод поставили недалеко от будущего Всеволожска. Есть там такое село, Медный Завод называется. Небольшое, но богатое месторождение давало медь два века!

Сварное железо отвозили в Выборг, где уже была механическая кузня, еще до меня. Как только получили кислый и основной кирпич, был заложен первый конвертер и начали укладывать бетон в фундамент небольшого мартена. Черкасовку перегородили плотиной и на месте будущего Выборгского судостроительного начали возводить сталелитейный завод. Еще я озабочился мелочью, расплачиваться с многочисленными поставщиками приходилось за мелкие партии. Серебра не напасешься!

Поболтал с нужными людьми на Ленэмальер и Монетном дворе и получил от них отличные чеканы. Гурт защищался сложным текстовым узором, так что подделать ее было бы очень сложно на имеющемся оборудовании в любой стране того мира. Опушка – четкая, выпуклая. На аверс я посадил Выборгский замок, вокруг надпись Водская пятна. Номинал был от осмушки копейки до полтинника. Первая пробная партия была изготовлена в Санкт-Петербурге из стали с гальванопокрытием желтого цвета и имела штамп завода, остальные имели штамп Выборгского монетного двора, который я расположил в цитадели крепости. «Задружившись» с художниками и руководством, получил от них чеканы и на остальные номиналы до 100 талеров. Талером назывались только золотые и серебряные монеты. Рубль был «табу» для монетчиков, у них могли быть неприятности, поэтому от названия рубль пришлось отказаться. Хотя я себе не отказал в удовольствии и наделал у них небольшую партию 10-рублевых биметаллических монет по образцу и подобию десяток 1991 года, только вместо Кремля там красовался замок Выборга.

Но, если на «моих» землях было все нормально то не все так гладко было в остальных частях планеты. Мое самоуправство не понравилось премьер-министру Швеции товарищу Акселю Оксеншерне, и от Нарвы подошли два 12-пушечных кораблика уже в начале июня. У острова Вихревого к ним подошел наш патрульный паровой пограничный катер и показал понятный всем морякам знак «лима», состоящий из двух желтых и двух черных квадратов: Требую остановиться! Ниже был выведен знак «кило», показывающий намерение установить связь. Шведы не отреагировали, так как ладья шла под парусом и довольно медленно, она шла против ветра. Ребята подумали, что им неслыханно повезло, и начали ворочать влево, пытаясь развернуться бортом. На мачту у них взлетел брейд-вымпел, означающий атаку, начали подниматься порты пушек. Наши пограничники срубили кливер, на мачту взлетел бело-голубой «Икс-рей», призывающий «Выполнить мои требования», и канониры заняли место возле сдвоенного «корда», сдернув с него чехол. Катер быстро смунировал и удержал дистанцию, заодно показав противнику второй пулеметной установке.

– Тысяча чертей! – прокричал адмирал Парсонен, когда понял, что катер не дает ему возможности сблизиться на дистанцию выстрела. Дал команду прибавить парусов, чтобы все-таки догнать «выборгских». То есть не подчинился. Носовой пулемет дал два предупредительных и поднял сигнал «Веди» или «браво», что означает: «ваш курс ведет к опасности». Но шведских кораблей было два, а тут – маленький одномачтовый коч.

Шведы не отреагировали и продолжили погоню. Катер быстро развернулся и описал циркуляцию вокруг неповоротливых чудаков. Вышел в корму, и обе установки заговорили по мостику и каюте капитана короткими очередями. Шедший последним корабль завалился под ветер и вышел из строя без управления. Кто-то на нем отдал команду спустить брейд-вымпел, паруса и флаг. Сдались. Пограничник продолжил погоню за вторым нарушителем, тот был вынужден остановиться, видя, что его быстро догоняют с кормы. А места для маневра здесь маловато. Да и не знали шведы, что в Высоцком проливе с обеих сторон уже стоят пушки. Старенькие, шведские, но есть! На груди убитого адмирала обнаружено письмо, кстати, написанное на славянском, полное угроз и обещания расправиться с самозванцем, от самого Акселя Оксеншерне.

Второму капитану повезло, его отправили обратно с письмом, где я предупредил Кристину и Акселя, что в связи с непрекращающимися провокациями со стороны властей Стокгольма, фашистующей хунты, незаконно сидящей на троне Великой Швеции (официально это так, Кристина не являлась наследницей престола), и неразумных действий бывшего губернатора Юхана Шютте, начавшего против меня боевые действия без объявления мне войны, святое явление освободило для меня трон княжества Водского, и я законно занял место, указанное мне Господом. Жители Пятины присягнули на верность мне, кровь в моих владениях не льется, свобода вероисповедания поддерживается. Притязания так называемого королевства Шведского мной отмечиваются, так как нет переговоров и нет законного представителя короля Швеции. Территория Пятины захвачена Швецией обманным путем и всегда являлась предметом спора между Новгородским, Московским и Шведским государствами. Господь долго думал и решил этот вопрос в мою пользу. Я не являюсь подданным ни московского царя, ни шведской короны. Водская пятна была, есть и будет свободным государством, в котором порядок обеспечивается князем и его войском. Такова воля Господа и населения Водской пятнины.

Немного витиевато, но вполне в духе того времени. Пусть пережёвывают, а я к тому времени успею накатать брони для еще одного корабля. «А там – посмотрим, кто кого». Взять Выборг – задача архисложнейшая, как говорил товарищ Ленин. Очень удобное место для обороны. Лишь бы мои «подданные» не подвели, а активно делали крицу. Флюс я уже приволок, горизонтальные автоматы – тоже. А мелочевку и вручную сварим. Это не «броненосец “Князь Потемкин-Таврический”», но пароходик совсем неплохой. Первый морской бой решился в нашу

пользу, это, конечно, не Гангутское сражение, и не Ютландский бой. Но зубы мы показали.

Татьяна летом сумела попасть в Новгород, он, правда, еще не восстановился после Столбовского договора, и народу там мало, но есть люди, связанные с Пskовом, поэтому удалось сбыть большую часть вышивки и украшений, часть из которых ушла в Москву, а часть поехала в Европу, пока в качестве образцов, для затравки. Женский «десант» вербанил в Новгороде мастерниц и купцов, которым стало интересней ходить к нам, чем в Стокгольм. Но именно Швеция была главным торговым партнером Москвы, мы пока маловато производили интересующей ее утвари. Пошли иглы, нитки, зеркала и пуговицы. Можно было и больше товара дать, но не заинтересованы мы в местных деньгах, а время сбора нашей продукции начнется через полмесяца-месяц. Об этих поставках Татьяна договорилась и будет принимать грибы-ягоды. Они ей в нашем веке стали нужны в еще большем объеме, так как нашла она место, куда можно засорять это, уже просто в промышленном масштабе. Отдала продукцию на экспертизу в немецкое «общество любителей пива» от партии зеленых, там, в Германии, все просто помешаны на экологии, и готовы платить за это. В общем, Таня теперь у нас предприниматель из Лихтенштейна, где она открыла свой филиал, набрала небольшую команду, арендовала склад и заключила контракты на поставки в Германию и ЕС, Лихтенштейн и Швейцарию. В санкционных списках она не числилась, товар под санкции не попадал. В Пайлаа полным ходом идет строительство большого морозильника. Там его уже можно подключать к питанию, я еще и мощность станции втрое увеличил и два трансформатора воткнул. Провод и кабель пока из Питера таскаем. Скупив у разорившихся предпринимателей несколько рефконтейнеров и воспользовавшись их морским прошлым, перебросили морозильники сначала к доту, а оттуда вплавь на причал в Пайлаа. В нашем мире я воспользовался экономической ситуацией в Суоярви, арендовал у зенитчиков бывшие их склады и небольшой причальчик с плашкоутами. Тяжелые грузы отправляли-получали как по железной дороге, так и автомашинами. Интенсивность невысокая, грузопотока нет, поэтому, кто в этом мире обратит внимание на какую-то фирмочку, занимающуюся грибочками в бывшей погранзоне? На словах все, что вплавь – уходило по рекам и каналам поставщикам. Зимой только автомобилем. Ближе к ноябрьским, используя послабления для жителей приграничной полосы с Финляндией и постоянную визу туда, плюс хорошо знакомый погранцам на обеих сторонах границы довольно

большой автобус с эмблемами экологической фирмы, Татьяна перебросила туда почти полторы тонны талеров (по весу) из казны Выборга. Далее мы взяли на подмену такой же мерседесовский автобус, а этот поставили на ремонт, и через Котку и Германию, маскируясь под любителей покататься на горных лыжах в Альпах, доставили их в Лихтенштейн. Разложили по разным ячейкам банка, и вышли на Сотбис, организовав работу с ним через нашего адвоката в Шоне. На все ушло всего восемь дней, так что, забрав починенную машину в Лаппеенранте, мы вернулись. Самой разорительной частью операции был ремонт и переоборудование автобуса. Зато теперь на нем можно возить замороженные грузы.

Глава 4. Вторая водьско-шведская война

Очень радовало то обстоятельство, что в XXVII веке все делается неспешно, к такому ритму, как у нас в XXI, просто не привыкли. Поэтому времени на все хватает! 21 сентября большая часть народа прощалась с летом на веселом празднике Нового года. Здесь его дважды встречают, как и у нас, только с разницей почти в три с половиной месяца. В ночь на 22 сентября наступил Новый 7148 год от сотворения мира, или 1640-й, как это принято у нас. Татьяне в подарок жители преподнесли корону, причем явно сделанную на востоке, скорее всего, в Персии. Она была в центре внимания, в том числе и из-за того, что стало немного заметно, что княгиня «тяжела». Здесь к этому относятся очень серьезно. Урожай выдался очень хороший, особенно на землях, где высевали новые сорта. Очень большую часть этого урожая сразу раскупили на семена. Народ здесь сметливый и понимает сразу, что хорошо, а что плохо, но вначале он должен увидеть результат. Любоваться полями приезжали отовсюду. Все поняли, что новые сорта более продуктивны. Денег в этом году было гораздо больше, поэтому в Пайлаа и Лоймаа организовали две МТС и курсы для водителей-механиков тракторов, которых стало уже 12, и я заказал рамы, подвеску и мультипликаторы для них еще. Будет поставлено более ста штук, и для них полным ходом изготавливаются паровые двигатели. Если затяянная операция по реализации золотых королевских талеров пройдет успешно, а предпосылки к этому уже тогда были – большая часть намеченного к продаже груза уже находилась в Финляндии, то проблем с поставками всего и вся больше возникнуть не должно. Поэтому на уборке вовсю использовались навесные косилки, копалки, скирдовартели и прочие приспособления и устройства, чтобы наглядно продемонстрировать, насколько они могут облегчить жизнь и труд. Порфирий и старосты близлежащих сел скрупулезно подсчитывали количество всего и вся, переводя все это в незнакомые мне меры веса, площади, объема и длины. Ну, и главной изюминкой праздника была демонстрация лимонадов и морсов со льдом. Я раскрыл секрет того, что находится за стеной рефрижераторного склада. Оттуда вынесли лед и охлажденные напитки. Старейшины сёл заглянули в камеры. Со словом «ледник» они знакомы, естественно, но летом самой большой проблемой была откачка воды, крови и всего прочего из помещения ледника, которое находилось ниже уровня земли. Работа грязная и неприятная. Поэтому к середине лета ледники

пустели и открывались на просушку и вентиляцию. Иначе в следующем году его понадобится снова сооружать всем селом или всей семьей. Здесь же в довольно жаркий сентябрьский день стоял сухой мороз.

– Это помещение для рыбы, это для мяса, соседнее для птицы, и крайнее для грибов, ягод и некоторых овощей. Пятое отделение – общественное. Там надо наделать камеры для членов общины. Ключника, грузчиков и сторожей оплачивать будет община. А все сторонние должны будут платить ренту.

Используя естественное устройство общества деревни, Татьяне удалось пробить недоверие крестьян и показать на примере наших угодий преимущество крупных полей и совместного ведения хозяйства. В городе, имеется в виду Выборг, она появлялась редко: требовалось находиться и в Питере, и в Москве, и в Лаппеенранте. Но довольно много времени она уделяла и ведению хозяйства здесь, и натаскиванию своих девушек-отличниц. Они выполняли работу учетчиц, а я или Татьяна переносили это на компьютер. В результате так получилось, что больше всех в селе заработали в этом году те люди, которые работали у нас. При этом прибыль они дали очень солидную. Хозяйство бурно развивалось. Так как и остальные крестьяне «принадлежали» нам, то к началу сезона у учетчиц не было отбоя от желающих получить наряд на работу. Часть заработка выплачивалась сразу, за сданную продукцию, например, молоко, сыры, масло, рыбу, грибы-ягоды, но основная часть заработка была оглашена сегодня. Установленная Татьяной система премирования тоже давала свои результаты. Так победителям «соцсоревнования» по сбору грибов в малолетнем возрасте тут же на празднике были вручены конфеты и шоколадки, средний возраст получил новые наряды, а старший – денежные премии. Все были просто в восторге и радовались, как дети. Кроме того, было объявлено, что основная часть заработка впереди, потому что после уборки зерновых последует уборка основного продукта – картофеля. И пробная уборка ранних сортов показала очень высокие результаты. Виды на урожай отличные.

– Барыня, светлейшая княгиня! Дозволь преподнести тебе подарок. Анка и Юлька уже разболтали про наши доходы, еще вечер. Да и сами мы видели, что деню и нощно печешься ты о нас и наших прибытках. Строга ты, барыня, но справедлива, за что и челом бьем. Прими от всего сердца. Всей общиной сбросились, да армяшки малость помогли. Вон их человек стоит. Челом бьет, просит его принять и не дать помереть от отказу. Прими корону византийскую.

Вот откуда взяточничество на Руси повелось! Корона как корона,

больше похожа на персидскую, но может быть, и из Византии. Ранняя Византия много из Персии подхватила. Армянина пришлось принять. Ему требовались зеркала, одно из которых он уже купил в Москве. Зеркала у нас были на складе. Еще он хотел купить трактор и давал за него золотом по весу.

– Самим нужны.

Обошелся часами с гирькой и кукушкой. Пятнадцать штук купил, все, что были на складе. Обещал на следующий год еще прийти и других за собой привести. Свои товары он распродал народу, нас они мало интересовали.

Тут из достоверных источников стало известно, что армия Швеции перебрасывается в Стокгольм и будет организована новая карательная экспедиция во взбунтовавшуюся провинцию. Денег королевский совет второй год с Выборга не получает, торговать со шведами я запретил, да еще и торговлю с русскими прикрыл плотно. Весь товарооборот у них идет только через Псков и Нарву. А шведские негоцианты рвутся в Персию. Там китайский чай, шелка и ткани. Новые сорта зерновых никому налево пока не продаем, у самих дефицит этих семян наблюдается. Как бы еще и закупать не пришлось. С появлением достаточных средств на той стороне решился вопрос о закупке владимирских тяжеловозов хороших кровей из нескольких непересекающихся линий. Завод по их воспроизведству разместили в Лоймаа. Дополнительно закупили семена овса высокоурожайного сорта. Люцерна, кукуруза и часть рапса заложены в силосные ямы, кормов с избытком. Осеню закупили дополнительно «голландок», порослят, часть из которых уже пошла по рукам на откорм. Железа произвели 400 тонн, с той стороны доставили обмотки для генераторов Выборгской ГЭС, плотина которой закончена, и установлен ротор турбины. В собранном виде генератор такой мощности мне не привезти, так что, кроме вала, все приходится собирать на месте. В ноябре отлили статор и попытались выковать вал ротора. Больше полутора месяцев ушло на поковку. Получилось не сильно качественно, когда стали «обдирать», вылезли непрокованые места. Пришлось отложить в сторону и все-таки везти из XXI века. Забахались его тащить на специально сооруженных санях! Но уже по снегу, так что дотащили. Весной будем с электричеством в крепости и на заводе. А пока, я и мой «Малютка Скуратов», гвардии сержант Усселинкс, у которого талант разведчика-агентурщика и знание пяти языков, расставляем наблюдательные посты: требовалось быстро сообщить о начале операции шведов. Помимо ребят

Томаса, я подготовил и две своих группы, снабдив их радиоаппаратурой и перебросив на Аланды. Но двух групп маловато, могут и пропустить что-то важное, так что сеть делаем более разветвленную. Жаль, что в самом Стокгольме явки ненадежные и аппаратуру туда не сунуть. Готовить людей надо, а где время взять для этого? Перед самым ледоставом из Стокгольма доставили письмо, риксрод единодушно проголосовал за войну, без ее объявления. Назвали это Пайлааским бунтом, меня объявили бунтовщиком. Так, чтобы не признавать, что провинция потеряна, и я находусь у власти. Командующим армией назначили старого генерала Бенгтссона, героя последней войны с Германией. Там он основательно потрепал богемцев и сорвал неплохой куш за подписание с ним мира. Армию собирали «большую»: аж целых 10 тысяч штыков! Хоть здесь уважили! Понимают, что малыми отрядами они ничего не добываются. Сразу после Рождества я принял радиосигнал от своей группы, что началось, и поднял гвардейскую роту. Армии сюда шлепать почти месяц, если не больше. Будем бить на марше. Цепляем к тракторам санки, и вперед. Запасы топлива по дороге уже сделаны, мы же знали, что гости будут! Места базирования подготовлены, Бенгтссону предстоит познакомиться с новым способом ведения войны: с помощью войск специального назначения.

Длиннейшую колонну мы обнаружили на льду Ботники. Она шла к шведскому городу Турку. Впереди довольно большой отряд кавалерии и несколько разъездов составляют боевой разведдозор. Грамотно наступает генерал, уже учений. А это – его карета, поставленная на лыжи! Комфорт любят все генералы. Прикалываем противотанковую ТМ-62. Как только карета поравнялась с миной, Пройда нажал на кнопку, и карета развалилась на части. До места сражения товарищ генерал не доехал. Отсюда до границы с Пятивкой добрых 250 километров. До Турку они добрались через два дня, неделю торжественно отпевали командующего, точнее, то, что от него осталось. Из Стокгольма прискакал новый генерал и, вместо того чтобы повернуть обратно, двинулся дальше. Дальше местность лесистая, снега выпало уже много, дорогу, естественно, никто не чистит. Скорость движения около двух-трех километров в час. Я же заранее подготовил хорошие туристические лыжи с пластиковой скользячкой и долго готовил людей к Первому Всескандинавскому чемпионату по биатлону с боевой стрельбой. Вооружены ребята были старенькими СКС с прицелами ПУ-М. И закружился отряд вокруг колонны противника. Сзади их поддерживали трактора на широкой пневматике, ну и я носился туда-сюда на снегоходе, оказывая и моральную, и огневую поддержку отряду. И мины, мы ставили их часто, в основном использовали старые добрые ОЗМ-72. Их можно

ставить чуть в стороне, и взрывать, когда требуется. Через две недели нервы у шведов не выдержали. Противник везде и нигде! Кавалерия была самой важной и первой целью, за первые четыре дня мы ее выбили полностью и увеличили выживших коней. Генерал Флемминг выбросил белый флаг и остановил движение. Почти сразу из ближайших кустов появился наш наблюдатель из отряда Томаса Усселинкса и вступил в переговоры. Генерал потребовал прекратить гуэрриллу и принять генеральное сражение, как подобает рыцарю и князю. Или пропустить его обратно с боевыми знаменами, обозом и деньгами.

Со мной переговоры от его имени вел молоденький прыщеватый офицерик, с очень выступающей нижней губой, сильно напоминал испанского короля. Так и оказалось, что испанские королевские крови у него были.

— Если генерал Флемминг не понимает, что он окружен, и не уничтожен только потому, что мне не хочется, чтобы это неуправляемое стадо разбежалось, то я здесь ни при чем. Воевать в лесу он не умеет. У меня потерь пока нет, противник ничего противопоставить моей тактике не может. Мое предложение: сложить оружие, боеприпасы и оставить обозы. Казну не забудьте передать. На обратную дорогу разрешаю оставить по два талера на солдата и пять талеров на офицера. Все остальное сдать. И все свободны. Отряд проводит вас до Турку. Лошадей не дам. Других условий не будет. Время на подумать — дотемна. А там продолжим, до полного уничтожения.

— Так войны не ведутся!

— А мне ее кто-нибудь объявлял? Швеция объявила меня бунтовщиком и послала карательную экспедицию наказать «взбунтовавшуюся провинцию». Я защищаю моих людей и не допустил вашу армию даже к границе моих владений. Получается, что и эту территорию Швеция не контролирует, она бесхозна. Может быть, в моих руках она будет более защищена? Я пошлю в местные советы такой вопрос. Мне только кажется, или вы, действительно, имеете отношение к Габсбургам.

— Да, князь Выборг, мое имя герцог Кастильский.

— Следовательно, вы имеете доступ ко двору, там хоть и сидит совсем молоденькая девочка, но мне говорили, что она достаточно умна. Вот и объясните ей, что Оксеншерна — сумасшедший. Он уже потерял провинцию, потому что попытался меня убить полтора года назад, без всякого объявления войны. Швеция проиграла ту войну, и эту кампанию — тоже. Если Флемминг сдастся, подойдите ко мне, герцог, я верну вам шпагу и дам коня, чтобы вы первым донесли известие до ушей королевы

Кристины. Если Флемминг откажется сдаваться, тем более уходите от него и ждите моих людей в этом месте. Вас проводят. Остальные отсюда в этом случае уже никуда не уйдут.

Не знаю, какими словами герцог передал это генералу. Трещал мороз, постреливали из-за него деревья. Шведы молчали, молчали и стволы моих людей. Лишь шум ветра да иногда осыпающийся снег с верхушек елей нарушали тишину. Через два часа запела труба. Еще раз появился герцог, на этот раз его сопровождали не только трубач и барабанщик, вместе с нимишли еще несколько человек. Впереди, чуть прихрамывая, невысокий человек в шляпе с большими полями, пером и наушниками.

– Генерал Отто Флеминг, командующий шведской армией. С кем имею честь?

– Князь Выборгский и командующий армией Водской пятины Святослав.

– Ваша честь! Я признаю свое поражение, и принимаю ваше предложение. Примите мою шпагу. – он припал на колено, наклонил голову и подал двумя руками шпагу в ножнах. Шедший сзади знаменосец наклонил до земли полотнище знамени, украшенное тремя коронами. Генерал понял, что из этого леса его не выпустят.

Герцогу, как я и обещал, дали коня, пистолет и шпагу и отпустили. Генералу оставили его сани с каретой, все остальное собирали несколько дней, около пятисот человек из шведской армии возвращаться в Швецию не захотели. Они – выходцы из Воды и решили вернуться домой.

Глава 5. Великое Выборгское княжество

Герцог Кастильский добрался до Стокгольма и сразу, минуя всех, направился ко дворцу. Доложился дежурному офицеру королевской гвардии, что прибыл с сообщением для Ее Величества. На все вопросы, последовавшие за этим, он, оттопырив еще больше нижнюю губу, молчал. Он не был бы Габсбургом, если бы не понимал, что за этим сообщением последуют огромные изменения в Швеции. Так позорно она давно не проигрывала! Наконец, ему предоставили возможность лицезреть королеву.

— Ваше Величество, попросите остальных покинуть нас, так как привез я новости очень тяжелые, которые передал мне князь Выборг. Он просил передать эти слова только вам.

Лицо Акселя Оксеншерна аж перекосило!

— Херре герцог! Вы забываетесь! Это предательство!

— Нисколько, господин риксканцлер! По поручению генерала Флемминга я вел переговоры с князем Святославом. Шведская армия разбита и сдалась на милость победителя, господин граф. Меня отпустили раньше, вернули мне оружие и дали коня. Генерал Флемминг и его солдаты в плену.

Оксеншерна побелел и схватился за сердце. Королева, которая откровенно недолюбливала канцлера и опекуна, а ее только что признали совершеннолетней, злым и звонким голосом она попросила всех удалиться. Канцлеру помогли выбраться из кресла и увезли его из тронного зала.

— Я слушаю вас, дорогой герцог! — милостиво и снисходительно сказал хорошо обученный ребенок, который уже много лет играет в королеву. Актёрский талант у нее был.

Габриэль начал издалека: он рассказал о том, что видел и слышал в течение всего похода.

— Ваше величество, эти варвары ведут совсем другую войну! В ней нет знамен, музыки и барабанного боя. Вместо этого тишина и далекие выстрелы из непонятного оружия. После сдачи в плен нас всех обыскали с помощью какого-то круглого кольца, которое обнаруживало любой металл, так что, к сожалению, я не могу показать пули и осколки, которыми убивали наших солдат. Их все у нас забрали. Пули не из свинца, а блестящие, длинные и с какими-то насечками на боках. Они пробивают любую броню, и спасения от них нет. И взрывы! Они преследовали нас со льда Ботники! Куда бы мы ни пошли, вдруг хлопок, что-то выпрыгивает из

снега и в воздухе повисает черный дым, из которого летят такие блестящие шарики, черные квадратики. Вокруг стоны, ранения просто ужасны, и от них не спасает ни броня, ни толстые доспехи.

– У них столько пороха, что они его в снег закапывают?

– Это не порох! Запах взрыва совсем другой. И, Ваше Величество, насколько я понял князя, он вполне здраво говорил о том, что лишь признание его правителем Выборга остановит эту войну. Если мы не остановимся, то можем потерять и Финский удел. Сейчас речь идет лишь о Выборгском уделе. Господина канцлера он назвал сумасшедшим и считает, что именно он виноват в том, что Швеция продолжает необъявленную войну с ним.

– Как жители относятся к князю?

– Этого я сказать не могу, но ходят упорные слухи о том, что большинство людей в Финском уделе завидуют выборгским и мечтают, что ими будет править, дословно вам говорю, «Великий князь Выборгский Святослав Первый». И все, абсолютно все, Ваше Величество, рассказывают о Богоявлении перед воцарением его на трон в Выборге. Если мы не остановимся и не закрепим положение договорами, я не удивлюсь, что мы потеряю значительно больше, Ваше Величество.

После аудиенции прошло несколько дней, из Турку приехал генерал Флемминг и дополнил рассказ герцога новыми подробностями. Он больше говорил о том, что ему не удалось заручиться поддержкой населения Финского удела, так как армия Выборга не была замечена ни в грабежах, ни в насилии. Поэтому беспрепятственно передвигалась по территории удела, не встречая сопротивления. Более того, многие крестьяне и землевладельцы укрывали их запасы, предоставляли им склады, передавали сведения о шведском войске. То есть позиции князя Выборгского в Финском уделе достаточно сильны, есть многочисленные шпионы и легионеры. С точки зрения тактики действия солдат князя напоминают действия стаи волков вокруг стада овец: его люди постоянно наблюдают за армией противника. Нападают и днем, и ночью, пользуясь скоростью передвижения и маскировкой. Из-за постоянных нападений очень снижается скорость передвижения войск, страдают обозы, на дорогах устраиваются завалы, и место, где скучивается противник, атакуется с разных сторон. Ему наносятся потери и следует отход. Отряды князя обычно не собирают трофеи сразу, не идут на место боя, а выходят из него, загружая тем самым и без того перегруженный, обоз ранеными и имуществом убитых. В конечном итоге все равно досталось им.

Причем мы сами это старательно собирали и укладывали на сани. Генерал подтвердил наличие у противника новых средств передвижения: широко используются лыжи, какие-то четырехколесные экипажи с очень широкими колесами, к которым прицеплены сани-волокуши. Противник быстро и точно стреляет на расстояние от 400 до 1 200 шагов. Отмечались и бесшумные выстрелы, чаще всего ночью. Сам князь передвигается на уже упоминавшейся год назад двухместной повозке, которая движется с очень большой скоростью и оставляет за собой странный ребристый след. Ни один всадник не способен догнать повозки выборгских солдат. К тому же они неплохо стреляют на ходу и взаимодействуют с друг другом, как будто между ними постоянно присутствует связь. В общем, подтвердил генерал слова герцога, мы столкнулись с непреодолимой силой, военными действиями против Выборга мы лишь усугубляем проблему. Здесь требуются другие усилия: политического и разведывательного характера. А независимость Выборгского удела придется признать. Захвачен он не так давно, население, вероятно, еще более враждебно нам, поддерживает своего князя, поэтому, чтобы не потерять большего, нужно уступить в малом. И разведка, разведка и еще раз разведка.

Собравшийся риксрод объявил недоверие риксканцлеру Оксеншерне, и он был выведен из состава Совета. Во время сессии его еще и удар разбил, к немалой радости королевы, которая давно желала избавиться от скрупульного опекуна. Тем более что уже несколько месяцев она имела полные права в королевстве, и опека с нее была снята. Но старый канцлер всячески ограничивал расходы мотовки, которой постоянно хотелось всего и сразу. На место канцлера уселся Габриель Габсбург, который тоже решил пополнить свой бюджет за счет собираемых налогов и участия в различных кампаниях. Он предложил, раз поход на восток откладывается на неопределенное время, сосредоточить усилия на западном направлении – на Америке. Опыт его испанских родственников говорил, что там можно неплохо обогатиться. В общем, вместо серьезного и последовательного противника Акселя Оксеншерне, против нас стали играть любители из низшей лиги. В середине февраля начались переговоры между Швецией и Выборгом в Гельсингфорсе. В результате граница между Швецией и Водской пятиной была установлена по Порккалла-Уддскому меридиану, от Балтийского до Студеного моря, включая Кольский полуостров, часть Белого моря до Кеми. Восточная граница не устанавливалась договором, об этом следовало договариваться с Москвой. ТERRиториальные уступки были сделаны для того, чтобы сократить размер контрибуции со Швеции за проигранные войны. Они уменьшились на два миллиона талеров, три

миллиона шведы обещали выплатить в течение трех лет. Наша война со Швецией была победоносно завершена. Установлены дипломатические отношения, подписано торговое соглашение, регламентирующее экономические отношения между странами. Сразу после этого зачастили послы из других государств. Швеция была одним из столпов Европейского мира, и, если она признала Водь и ее «вождя», то вслед за ней сюда потянулись и остальные. Тем более что мы перекрывали один из важнейших торговых путей на восток.

Глава 6. Кадры решают всё

Война немного отодвинула на задний план серьезные изменения в семействе: первого января Татьяна успешно родила сына в Санкт-Петербурге. Как только она установила, что она беременна, то через знакомого гинеколога получила «бюллетень на весь день», который автоматически, за малую мзду в виде «экологически вкусных продуктов», исправно продлевался для «Центроприбора». Затем начался декрет, и она рассчитывала еще и получить трехгодичный отпуск по уходу за ребенком. Этим она освободила себе время, чтобы без помех заняться компанией в Питере и хозяйством в Пайлаа. Женщиной она была обстоятельной, с опытом проведения научных изысканий. Поэтому основательно и неспешно она готовила тылы и подыскивала персонал. Основные усилия были сосредоточены на обучении первой группы будущих учителей. Им предстояло решить проблему практически поголовной неграмотности сельской части населения. В городе грамотных было больше, но язык использовался шведский и немецкий. Шведский тогда еще больше напоминал немецкий. Но заморачиваться со строительством школ для шведского населения мы не собирались. Большинство жителей понимало и использовало русский, так как сельское население говорило преимущественно на нем. Так как князь говорит на русском, то и заседание городского совета проводились на русском языке. В наших планах было полное освобождение от шведской зависимости, мы этого и не скрывали, поэтому учителей шведов мы не готовили вообще. Таня отобрала среди своих учеников наиболее способных, мотивированных и трудолюбивых и из них подготовила тех, кто поможет ей организовать на будущий год кампанию по ликбезу. Часто и охотно делилась со мной опытом в этом направлении. Жила она в основном в доте или в доме на «той» стороне, где заставало новолунье. После сентябрьского Нового года начала готовить себе помощницу по дому и для ухода за ребенком. Так в доме появилась Настя: длинноногая, немного нескладная, девочка-подросток.

Дело было в следующем: XVII век и XXI – «две большие разницы», об этом Татьяна знала, но что настолько, она даже не представляла!

Как только мы переехали в Пайлаа, стало понятно, что через некоторое время нам понадобятся помощники. И если мне повезло сразу, то ей пришлось несладко. Она решила вопрос поставить ребром и проявить чуткость к сиротам. Сирот одели-обули. В двух деревнях Татьяна объявила

о наборе в школу. Среди сирот все пришли, но лишь немногие смогли хорошо учиться. Одна девочка лет одиннадцати не пропускала занятий и всегда хорошо учились. У нее никогда не было отметок ниже 4. И те – редко. А стало это ясно после того, как поварихи обратили внимание Татьяны на Настёну – ни разу не пропустила ни завтрака, ни обеда. Момент в школе был: кто хорошо учился (на пятерки и четверки) – получал бесплатно стакан молока на завтрак. И выдавал это не князь, а повариха с раздачи. То есть сначала молоко поступало в школу, а потом – распределялось. Отличники и хорошисты получали завтрак (кашу и морс, иногда яйцо и булочку), отличники – обед (суп, кашу/лапшу с мясом или рыбой, булочку и морс). Отличников было немного, но люди стремились. Особенно из бедных семей и сироты. Настёна выделялась своей смекалкой.

Стоит сказать, что Татьяна решила перенять советский опыт, но с некоторыми изменениями. Муж приволок коров из современности, а куда их девать? Нужны «чистоплюйские» руки. Справки навели, Настёна была в списке в тройке лучших, точнее, двор ее бабушки. За коровой она смотрела – слов нет! И надей сдавала всегда честно. В конце сентября справили Новый год, и Татьяна сказала Настёне и ее бабушке, что берет ее в дом в качестве «домашней девочки». Да уж. Она не представляла, насколько будет тяжело девочке перестроиться с обычного быта на тот, который Татьяна организовала в доте. Хорошо, что приказала Настасье вести подробный дневник и записывать всё, что происходит. В том числе и то, что получается или не получается. Сказала дополнительно, что этот дневник она будет проверять, чтобы исправить ошибки. Так сказать, задала сочинение на тему «Как я провела день». Дневник, ручки, фломастеры она ей подарила. Однажды, когда Татьяна была в Питере по делам, Настя заявила ко мне с этим дневником, чтобы я его проверил и разрешил ей идти спать. Прочел воспоминания дикого вольного человека, которого засунули в стиральную машину XXI века и пару раз провернули. Вот кусочки ее дневника: «Я даже не знаю, как про это писать. Княгиня попросила все записывать. Так учиться легче. И приказала ей показывать, чтобы ошибки исправлять.

В малом доме у реки у меня комната. Небольшая такая. Когда князь с княгиней меня туда поселили – все показали: постель с мягкими подушками, теплым одеялом и постельным бельем, стол, стул, комод для вещей, шкаф. Свечей нет, вместо них лампа. Светит она ярче, чем множество свечей. Нажимаешь на рычажок – включается и светит, другой раз нажимаешь – перестает светить. Часам я не уделила сразу внимания – было светло и они не выделялись, но первую ночь я спать не могла – цифры

мелькали перед глазами и мне казалось, что это – волчьи глаза. Рядом с комнатой – уборная, там раковина, туалет и душ. Если бы я знала, как этим пользоваться! Княгиня сразу заявила, что, если мыться не буду – другую девку найдет. Мыться. Там не знаешь, как это все устроено! А тут мыться! Пришлось утром к княгине идти и спрашивать (в туалет-то хочется!). Оказалось, все довольно просто. Но в туалетходить страшно, из-за сливных звуков. А еще там “туалетная бумага”! Умываться интересно – можно и в раковину воды налить и мыться, а можно проточной водой. Над раковиной зеркало большое. Я таких и не видела! Кстати, в шкафу у меня тоже зеркало до самого пола. Свет над зеркалом постоянно светит и все видно. Княгиня помешана на чистоте, сказала зубы чистить (щетка какая-то очень странной формы и из чего сделана не понятно, и сказала использовать “пасту”, она во рту пенится, страшно, видно вид у меня был испуганный, она сама мне показала, как это делается). Ой, интересное дело – душ. Висит лейка, поворачиваешь ручку – льется теплая вода, ты стоишь как под дождем. Теплая может кончиться, тогда будет только холодная. Но чтобы во все стороны не брызгала вода, надо занавеску пользовать специальную. На полу коврик из какого-то странного материала, на нем ноги не скользят. Но это – не самое страшное. Княгиня порассказала, как мыться, показала мои мочало, мыло. И оно лежало куском! Просто так! Для меня одной. Еще была бутылочка, в ней шампунь (прямо так и написано), мыло такое, волосы мыть. Еще были расчески и щетка для волос (несколько разных). А самое-самое – ветродуй – феном барыня назвала. Волосы сушить, чтобы не простудиться, на кнопку нажимаешь – теплый ветер дует, убираешь – не дует.

Ночь было не уснуть, но сон все равно меня уморил. Утром я подскочила, так как начался гудок. И я не знала, как его остановить. Это были часы. Хорошо, что был кто-то рядом, иначе я бы их разбила.

Жизнь в малом доме князей очень странная.

После того как я чуть не разбила будильник, прибежала княгиня, сказала, что все хорошо, показала, как его выключить. Сказала, что здесь по дому можно ходить в спортивном костюме (это какого-то странного кроя портки и рубаха) и нижней рубахе с короткими рукавами, но с тапочками (то ли чуни, то ли лапти). Обязала носить трусы (это такие подштанники короткие)! Проверила, чтобы я умылась и причесалась, повела меня на кухню, завтракать.

Я многое о князьях слышала. И что барин Леший – странный. Барин завтракал. Пил “кофе”. Это он в чашку насыпал маленькую ложку темного порошка, залил кипящей водой, подождал, добавил “сахару”, съел 2

“бутерброда” (2 ломтя хлеба белого, с запечённым мясом), поцеловал княгиню сказал “пока, я побежал” и пошел заниматься делами.

А вот княгине со мной тяжело. И мне с ней. Княгиня. Стrogая она.

Мы все в школе удивлялись, как княгиня все успевает: мы только-только что-то сделали, а она в три раза больше. Оказывается, в ее доме множество разных машин. На кухне столько разных приспособлений! Столько и не запомнить: кофемолка, кофеварка, чайник, ножи и вилки разных мастей, стаканы, бокалы, тарелки, то ли слизер, то ли склизер, барыня его как-то так назвала – тонко режет на кусочки. Плита (черные блины оказались горелками, а там еще духовой шкаф есть!), посудомойка (ставишь туда посуду, кладешь кругляшок, нажимаешь рычажок, и она сама моет посуду! Достаешь и в шкаф укладываешь.)

Завтрак. Кашу, говорит, сварим. А печи-то нет! Буфет стоит и ничего более. Мойка есть. Как кашу-то сварить? Открыла барыня буфет, достала кастрюлю, поставила ее на блин черный на буфете, открыла другой буфет, а там – ледник и куча всяких продуктов, я таких и не видела. Достала молоко, налила в кастрюлю, повернула рычажок, молоко нагрелось, из другого буфета достала крупу, отмерила, засыпала, в общем почти мигом все было готово! Спросила, буду ли я чай или морс. А что такое чай? Попробовала. Понравилось. С медом или с вареньем – просто замечательно.

В деревне удивление было – почему барыня без прислуги в малом доме. В доме чистота, а барыня одна. И это довольно интересно: у нее есть пылесос и “стиралка”, это машина, которая стирает. Ох и опростоволосилась я с этой машиной! Это было в первые дни, когда я к ним попала. Барыня разбирала вещи для стирки, увидела платье с рюшами, убранством, определила его для стирки. Я предложила – давайте постираю. Взяла платье, засыпала золой, начала водой заливать. Татьяна Лександровна зашла, как увидела, что я сделала, у нее лицо побелело, она тихонько так спросила “ты что делаешь?”, ну я – “Платье стираю”. Она: “Мое любимое платье! Ну-ка, вытаскивай платье мигом, марш на речку, прополощи от золы, будем учиться стирать!” Подвела меня к шкафу с круглой прозрачной дверцей, показала на ящичек там, куда что класть и лить (есть стиральный порошок, ароматная жижка), круглый рычажок, на котором написано, как стирать (бережно, шерсть и другое) и какой водой, как отжимать. Сказала прочесть, что везде написано. Я прочла. Спросила, из чего платье, я ответила. Указала, на какие кнопки жать. Положила платье. Я все насыпала, налила, нажала кнопки, и в дверце появилась вода. А барыня развернулась и сказала, что через 40 минут можно доставать,

и ушла. Машина стирает сама! Я осталась смотреть, как это происходит. Когда второй раз уже стирала и стала смотреть, барыня подошла и недовольно сказала, чтобы я не тратила время впустую, а занималась делом.

Но вот что чудно – не порют они. Княгиня за платье ничего не сделала. Князь так только однажды подзатыльник дал, отругал, сказал, что все бы на воздух взлетели. Не помню уже, о чем была речь, что-то я уронила, но виновата была. Но потом долго извинялся. А так обращается только по имени-отчеству. “Настасья Гавриловна, вы что считаете, что я раков руками есть должен? Для этого щипцы есть!”

Барыня меня Настёной или Настасьей называет. Первый месяц отработала, барин с барыней пригласили меня в кабинет (комната со столами, шкафами, машинами какими-то), барин сказал, что это – моя первая зарплата, и вручил деньги, дал бумажку, где написано было, какие я работы выполняла, и месячный заработка, а барыня сказала, что еще и отложила мне на приданое.

На выходные я хожу в деревню, к бабушке, приношу ей гостинцы. Помогаю.

Мне говорили, что довольно тяжело будет учиться и работать, но у барыни не забалуешь: днем в школе, вечером – дома, еще и придёт, и проверит (она или барин), сделаны ли домашние задания, хорошо ли, крепко ли выучила. Барыня иногда вечером приходит, смотрит, что мне еще нужно, а днем часто после обеда берет меня на коленки или сажает рядом и рассказывает что-то интересное, а иногда просто по голове гладит и приятные слова говорит.

Из интересностей была духовка. Описать словами невозможно – слов не хватит. В нее можно ставить продукты, чтобы печь как пироги, можно подогревать, а можно – на вертеле, там еще есть условие – обдув ветром. И это в шкафу! Через стеклянную дверцу можно видеть, что происходит внутри.

Еще очень интересно было первое время – барыня и барин не жалеют приправ и соли. У барыни есть подвесная полка с банками стеклянными, на которых крышки, и каждую банку она для меня (!) подписала. Она знает банки с приправами по виду: зеленые, с горошком мелким, средним, крупным, листьями такими-сякими, порошок серый, красный, зеленоватый, коричневый. И необычно для меня было, что она спросила как-то: “Кушать хочешь?”, ну я привыкла, что еда будет через 2–3 часа, и никогда не отказываюсь. Барыня сказала бежать на кухню. “Ты на гарнir что хочешь? Картошку? Макароны? Салат?” “Не знаю.” – сказала я. “Давай тогда

картошку почистим". Научила меня чистить картошку, это очень быстро. Потом нарезали ее дольками, достали сало из ледового шкафа, сало растопили на сковороде, поджарили картофель, обильно посыпали приправами, потом барыня взяла сковороду, растопила еще сала, отрезала 2 куска мяса и мгновенно поджарила их. "Видишь серыми стали? Перчи. Переорачивай. Еще 3 минутки. Смотри на часы!" Очень быстро все было готово!

Вообще, у них отношение к специям другое: солят-перчат от души, но чтобы специально мясо засаливать или, наоборот, вымачивать – нет. Хотя нет, вымачивают в слабом уксусе, если мясо больше 3 дней в холодильном шкафу лежит. Тогда его в соусе делают. А сколько соусов пришлось выучить! И луковый, и томатный, и винный, и грибной, и прочая, прочая. И ведь все хозяйка сама знает и умеет готовить! И хозяин. Как-то было хозяйке нехорошо, хозяин меня на кухню призвал, сказал, что делать, сам половину сделал, будто сам на повара учился! И все так быстро! Но что их отличает – после хозяина кухню мыть надо полностью, а после хозяйки – ни одной грязной вилочки!

А барыня здорово умеет мариновать и консервировать разные продукты. После Нового года ей принесли множество всего. Столько стеклянных банок я еще никогда не видела. Но было здорово – берешь банку, на руку надеваешь, а руку видно! Банки потом в кастрюлю с кипящей водой клали, кипятили, а потом – в горячие банки вкусности клали. И еще крышки какие-то странные – надо попасть так, чтобы закрылась, а когда остынет – не открывается, не вздувается и год храниться может или дольше! Зато как мы этими банками купцов-бояр из других стран удивляли! Боярыня назовет, что принести, а я уже тут!

Очень интересный способ у барыни хранить маринады – каждая полка подписана, на ней – свой сорт, прибежала в кладовку и уже знаешь, где, сколько и что брать. И банки все подписаны, даже если что-то неправильно стоит – на банке написано. Только крышки открыть и в миски-салатницы положить.

Вообще, боярыня и простой работы не чурается, и починить что-то сложное может. Если знает, что барин нескоро будет – сама чинит, если барин рядом – его просит».

После этого стал относиться к окружающим немного по-другому.

Глава 7. «Советская власть плюс электрификация всей страны»

В том, что Татьяна и я в основном проживаем не в городе, а в Пайлаа, не было ничего удивительного для остальных жителей княжества. Так заведено давно, что князь жил в своем уделе и управлял городом и государством оттуда, и лишь в ответственные моменты он брал непосредственное управление в свои руки. Городской совет Выборга был достаточно сильной организацией. Возглавлял его Густав Олафссон, о котором я уже писал. Совет избирался, но не всем населением, а выборщиками общин и округов, и каждая кандидатура утверждалась князем. Само собой, что в первую очередь в совет стремились попасть именно богатенькие «буратино». Но пока не было надобности менять это устройство общества, так как опереться пока я мог только на них, своих гвардейцев и крестьян из собственного надела. Здесь торопливость смерти подобна. Предпочтение я отдавал, само собой, проверенным бойцам и людям, выходившим на меня с какой-либо разумной инициативой. Например, один из углежогов организовал бригаду, а затем и целую корпорацию по производству древесного угля, дегтя, скипидара, фенола и других «вкусностей», которые остаются после возгонки. Угля мне требовалось много, поэтому он получил от меня стальной лист, чертежи угольных печей, несколько резервуаров для горючего газа, который требовался на заводе для многих операций. Мы такие еще производить не можем, требуется прокатный стан, которым начали заниматься. Металла уже хватает. Так что ждем только запуска ГЭС, после этого можно будет приступить к строительству большой электропечи. Это уже на 2 тонны готовой стали, а не на 200 килограммов, как у меня сейчас в Пайлаа. Для той продукции, что сейчас производим: дисковые плуги, сенокосилки, клинки и прочие мелкие поделки, этого хватает, а для тяжелой промышленности приходится в основном таскать через портал. Готовимся спустить на воду наш «Потемкин», правда, у него еще нет имени. А я много времени провожу сейчас в XXI веке в Киргизии. Там готовится к списанию боевая техника со второго арсенала. Меня интересуют 36 орудий ОБ-25 и 12 ЗИС-3. Поэтому водка льется рекой, а люди здесь живут бедновато, прямо скажем. Контракт на утилизацию я подписал, орудия разобраны, и их отправили «на переплавку». Документы на стволы поменяли в дороге,

а «мелочевку» и так никто не контролировал. Выгрузка происходила на «зенитном» причале, там зеленые ящики ни у кого негативных ассоциаций не вызывают. В общем, начинаю обрастать приличными стволами. Благо что боеприпасы для одного из них с производства не сняты. Я еще и заработал немного на этом! Если не считать пропитого. Они мне требуются для двух фортов и в цитадель. Пришлось курсы открывать по стрельбе с закрытых позиций и использованию прицелов, панорам и буссолей. И со снарядами пришлось повозиться. В отличие от полковой пушки 27-го года, у которой арсенал одинаков с ЗиС-3 и большой выбор снарядов, ОБ-25 имеет только четыре различных выстрела. Снаряды у нее такие же, как у ЗиС-3, а гильзы в два раза короче. Больше бы подошли «бобики», но их сняли с вооружения и хранения еще до моего рождения. Выяснилось, что в самой Киргизии все снаряды к этому орудию имеют просроченный срок годности. Пришлось их тоже «утилизировать», просроченные снаряды подорвали на месте, а гильзы вывезли. Потом им заменили капсюли, благо что они выворачиваются и универсальны со всеми остальными 76-мм боеприпасами, и переснарядили. Много достать не удалось, только по 28 на орудие, то, что было в передках. Так что лишний повод начинать производство таких гильз и снарядов здесь. Со снарядами к ЗиС-3 чуть полегче было, но сложностей с доставкой гораздо больше. Зато «добыл» технологическую карту производства пороха для них. Там есть два пробела: неизвестно как изготавливать два компонента, придется еще рыть в этом направлении, но весь остальной процесс описан по операциям. Но это дело далекого будущего. А пока, с приближением весны, все больше времени провожу в Выборге: во-первых, на электростанции, во-вторых, запускаем гидравлический пресс на заводе. Еще раз портить большую заготовку не хочется. В конечном итоге ее еще нагрели и проковали уже новым молотом. На этот раз все получилось удачно, от раковин удалось избавиться.

Запуск электростанции прошел как-то буднично, дело в том, что «народу» от нее не жарко и не холодно. Просто князь перестанет выдергивать народ на работы возле речки. У них нет пока ни одного прибора, который бы был связан с электричеством. Для них это – непонятное сооружение, предназначенное непонятно для чего. Лишь несколько мастеров немного знают, что это даст. Убедившись, что генератор вращается и на обмотках есть напряжение, запираю станцию и еду на завод. Самый мощный двигатель сейчас стоит на прессе, до этого его вращали от водяного колеса с помощью ремней. Где-то на три-четыре процента мощности. Нажимаю на кнопку пускателя, двигун завращался,

давление подскочило до нормы. Из печи достают 600-килограммовый нагретый слиток металла. Это еще не сталь, это – крица. В шестером заводим заготовку на стол, и первый нажим прессом, 150 тонн усилие, брызги вылетающего шлака просто фонтаном. Старый кузнец Освальд восторженно поднимает вверх большой палец и орет остальным:

– Ворочай! – с удовольствием жмет на педаль, выдавая второй удар. Поворот заготовки выполняет сам пресс, у него шаговый механизм. Работают только три человека: один управляет молотом пресса, второй – проворотом, третий – подачей вперед-назад. Под умелыми ударами Освальда заготовка с двух нагревов превратилась в стальную болванку. Хорошо видно, что все ее тело равномерно прогрето и не имеет темных пятен. Ставим форму, кладем заготовку, накладываем овер, пресс опускается, горячий металл вдавливается в пресс-форму. Пресс поднят, снимаем овер, цепляем форму и вытаскиваем ее. Подмастерья наклоняют форму, и оттуда выкатывается вишневая заготовка вала нашего «Потемкина». Этакая трехметровая стальная катушка. Меня на руках вынесли из цеха. На изготовление такой «катушечки» ушло бы пять-шесть месяцев. При этом 80 % металла превратилось бы в стружку. Здесь же снимем на станках максимум десять процентов. Но и это еще не все! Ближе к вечеру первую жидкую сталь выдал конвертер: электропривод позволил поднять давление воздуха и получить необходимую температуру. Продувка идет от самого дна, и шлаки сами всплывают на поверхность. Отлили несколько валов и консолей для ворот шлюзов. Теперь готовим форму для киля нового клипера типа «Выборг». Теперь нам сам черт не брат. Эх, кислород бы! Но теперь и это будет возможным. Все упиралось в электроэнергию.

Больше всего возни было с большими станками. Их приходилось полностью разбирать, оставляя только корпус, потом перевозить их в Пайлаа или Выборг и там собирать. Правда, благодаря этому многие на заводе стали неплохими слесарями. Что-что, а сборка-разборка таких «игрушек» очень многое дает. Шесть больших токарных станков для проточки валов у нас были. С маленькими таких хлопот не возникало. Просто грузили на сани и доставляли целиком. А вот отлить и, главное, с большой точностью изготовить раму длинного станка в тех условиях было абсолютно невозможно. Поэтому и приходилось извращаться со сборкой-разборкой. Но основа производства создана, остальное нарастим по мере надобности. Теперь все стало значительно проще. От сельской кузницы мы шагнули примерно в конец XIX века. Теперь все силы завода будут брошены на прокатный стан и электропечь. Ну, и новая головная

боль: завод по производству электродвигателей. Хватит таскать их из Пайлаа.

С промежуточными валами для «Потемкина» успели вовремя. Он практически готов и достройки на плаву не требовал. Несмотря на то что со Швецией у нас подписан мир, не будем забывать об империалистическом и капиталистическом интернационале. Аксель Оксеншерна злопамятен и влиятелен. Если не удалось добиться результата в одном месте, он попробует организовать это каким-то другим способом. Желающих владеть этим уголочком мира гораздо больше, чем хотелось бы. Поэтому я и строю канонерскую лодку. Катаной брони у нас не было, пришлось ставить кованую. Проект я создавал сам, потому что таких двигателей никогда флот не использовал. Длина кораблика 36 метров, ширина – 6, осадка – 3,7. Двигатели были сдвоенными звездами, реверсивные, 12 цилиндров каждый. Суммарная мощность – 2 500 кВт. Очень удачный конденсатор сделали на «Физприборе». Три режима работы двигателей: экономичный – один парогенератор на две машины, обычный – два парогенератора на два двигателя, и максимальный – четыре парогенератора на два двигателя. Очень прочный набор корпуса, особенно в носовой части, где был таранный бульб, бронепалуба 30 мм цементированной брони. Невысокая боевая рубка, над которой установлена башенка с «Кордами», управляемая дистанционно из рубки, и две башни от ПТ-76. Прицелы – планшетные, с цифровым увеличением. Катер будет моим «персональным». Экипаж – минимальный. Для катера делаем сразу слип, чтобы на воде лишний раз не болтался. Стоять будет с восточной стороны крепости. Машинное отделение в корме. Двигатели стоят вертикально, снизу поворотный редуктор и промежуточный вал. Хотел сначала поворотную колонку сделать, но пришлось отказаться от этой идеи. У корабля балансирный руль. Назначение: броненосец береговой обороны. Для управления достаточно иметь на борту двух человек, понятно, что не в боевых условиях. Хотя в бой можно вступать и с таким экипажем.

При работе на спирту, с небольшим добавлением масла, практически не дымит. Если на чистом масле, то небольшой дымок появляется. Немного «поет» редуктор, особенно на заднем ходу. Тем не менее ходовые испытания пройдены успешно: 8 узлов экономического, 14 полного, и 20 узлов форсированного хода. Очень нужны хорошие стабилизаторы на орудия, надо будет что-то придумывать, так как у ПТ-76 этих вещей просто не предусмотрено. Говорят, что проект такой был, но мне не удалось найти такие башни.

Местные на мои «опыты» смотрят с одобрением, и вообще, после того, как вернулись из Финского удела с полным обозом трофеев, популярность гвардейцев и князя взлетела до небес, а после того как в Выборге появились посольства нескольких европейских государств, местные жители перестали практически упоминать старое название удела. Либо Выборгское княжество, либо Водская пятна. Понятно, что самим жителям больше было по душе первое название. Состав здесь достаточно смешанный. Очень много немцев, немного шведов, остальные русские и води.

Начало строительства клипера, наоборот, в отличие от электростанции, отмечалось пышно. Во-первых, более привычный праздник, во-вторых, был достаточно большой перерыв в строительстве судов и кораблей, а основной специальностью у многих людей здесь было кораблестроение и мореплавание. Вначале, когда было объявлено, что все усилия будут направлены на плотину и завод, корабелы приуныли и даже решили, что я человек сухопутный и мало интересуюсь этим вопросом. А город жил торговлей! Товар появился, и в избытке, а корабли я ни в аренду брать, ни строить не разрешал. Слишком многое и многие могли «уплыть» в неизвестном направлении. Временно я остановил строительство кораблей, обходился теми кочами и ладьями, которые имелись у меня. Остальные – гнили в порту, так как на экспорт мы не работали, а импортировать было нечего. Поэтому на закладку нового корабля пришли посмотреть почти все жители. И тут, вместо привычного толстого бруса из твердых пород древесины, они увидели мощную литую балку из стали, к которой были приварены и приклепаны места под установку шпангоутов. Но тем не менее неподалеку высилась гора пакетов с хорошо высушенным, уже напиленным лесом. Все поняли, что без работы они не останутся, и стали записываться у десятников в плотники, еще не понимая, что их основным инструментом станет не фуганок, а ключ и вороток, так как вместо гвоздей будут использоваться катаные оцинкованные или никелированные болты и гайки. Больше всего требовались коловороты и различные перловки. Для этого инструментальный цех в течение года ковал новый инструмент. После установки всех шпангоутов, бимсов и стрингеров корабль будет обшиваться несущим бортом в несколько слоев. В Новгороде для него уже закупают льняное полотно, так как собственного производства не хватает. Корабль – винджаммер, за приблизительную основу взят барк «Седов». Капитаном на него я подобрал самого богатого человека города, из капитанов, которому было что терять. Чтобы не было «неожиданностей» в виде взбунтовавшейся команды, вместе с ним, довеском, пойдут мои гвардейцы, которым строго-настрого указано, что

в случае чего – капитана насмерть не убивать, так, немного выкрутить причинные места и заставить выполнять свои обязанности. Иначе возвращение домой будет невозможным. В общем, работать в связке. Для пущей надежи в первый рейс с ними пойдет Пройда. Готовим пакеты с лесом, стальные изделия и заготовки, никелированные и оцинкованные дельные изделия для стоящего и бегущего такелажа, шерстяные ткани, расшитые бисером украшения и изделия. Посмотрим, что пойдет лучше, но самая большая партия груза – это пиломатериалы. Пойдут в Египет, мне хлопок нужен. В коммерческих объемах. Грузоподъемность судна – 2 000 тонн. Мы сразу готовим серию таких судов. По причине секретности невоенные корабли не будут иметь ни вспомогательного, ни ходового двигателя. Корабли, оборудованные ими, будут служить только в ВМФ Выборга.

Практически одновременно с закладкой клипера отлили еще один корпус генератора для второй очереди Выборгской ГЭС. Вал для него был перекован еще до пуска первого генератора, а из Медзавода подвезли обмоточный провод. На этот раз будем делать обмотки сами. Скипидар есть, живицы в избытке, лак приготовлен и пропитка проверена на сопротивление пробою. Работа в таких цехах почти полностью соответствует женскому характеру, поэтому туда набирали именно вдовых и незамужних. Теперь они – работницы, и толку от них гораздо больше, и заработка выше, чем в деревне, где полностью они всю работу выполнить не могли, поэтому и голодали, и нищенствовали. Ведь для того чтобы запахать поле сохой, требовалась недюжинная сила. Вот они и пробавлялись малыми работами, или нанимались на уход за скотом, таким образом зарабатывая себе на кусок хлеба. Свою землю они постепенно или сразу продавали другим людям. Именно сиротские земли являлись и яблоком раздора в деревне, и источником обогащения. В этих краях практически отсутствовали поля и луга, все давно заросло лесом. Все нынешние появились в результате вырубки, пожара или поджога и последующей корчевки. Почвы – бедные. Требуют подкормки и сложного севооборота. Пока мужик дома, поле держится, а если с ним что случилось или, там, шведы в солдаты загребли, а дети еще не выросли, то пиши пропало. Загонят бедную вдову детишки в долги, и пойдет земля за долги к «кулаку» или, как их любят называть наши дерымократы: к крепкому хозяину и эффективному менеджеру. И остается у нее единственный путь – в услужение в деревне или в город в работницы. В городе существовало несколько мануфактур, именно поэтому здесь немцы и оседали: там, в Европе, одна война за другой и жизнь медом не казалась, здесь, на краю

света, чуточку потише, тем более под охраной мощной крепости, и есть возможность создать собственное дело, например, канатное или бондарное. Существовали и портняжные мастерские, где за кусок хлеба и работали вдовы и их дочери. А как писалось выше, в kraе женщин было гораздо больше, чем мужчин. И в первую очередь требовалось организовать их труд, и само собой не в публичном доме. Несколько таких в городе было, созданы для солдат гарнизона в незапамятные времена, да и офицерики туда захаживали и просто состоятельные «кроты». Так что этот бизнес существовал. Поэтому мы с Татьяной и решили организовать труд одиноких женщин. Для этого требовались ткани, нитки, станки различного назначения и электропромышленность. Там, где требуется мелкая моторика, небольшие усилия, где не переносятся тяжести и есть возможность проявить свои художественные, организационные и прочие способности, просто трудолюбие. Первым пробным шаром была мануфактура в Пайлаа, по вышиванию бисером. Теперь мой ход: электротехническая мастерская, тем более что она не чисто женская, а со смешанным коллективом. Полного цикла никто не знал, все приходилось разбивать на этапы и контролировать исполнение: делай раз, делай два. Подругому – никак. Тем более что многие вещи приходилось изготавливать на месте, так как отдельных производств для них еще не было. Они выделяются из мастерской потом, по мере укрупнения. Например, производство картона, лака, оконечников, клемм, разъемов, фенольной пластмассы. Пока весь этот ворох проблем лишь моя головная боль. Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. И кроме образцов, у нас ничего не было. Так и приступили, уже давно мучаемся, как только медь с завода пошла, даже чуточку раньше. Организовал сбор сажи от трубочистов, наладил выпуск корпусов для переключателей, телефонных трубок, микрофонов. Куча такой, казалось, мелочи, а без нее – никак. В нашем мире все взаимосвязано.

Вот строим океанский парусник, а навигационных инструментов – кот наплакал, да еще таких, что проще за борт выбросить. В городе единственный мастер по ремонту часов, пришлось ставить ему задачу организовать производство секстанов и хронометров. Сдать ему в аренду зуборезный станок с ножным приводом от старинной швейной машинки, научить делать антифрикционную бронзу, лимбы и серебряные зеркала. Да еще и с таким видом, что он себя потом долго считал всем обязанным князю. Тем более что снабдил я его отличным алмазным инструментом, какого в том мире просто не сыскать, полировочными пастами и костяным маслом. И загремела слава выборгского мастера Иоганна Бреге по всем

флотам. Чтобы сделать хронометр, с известным суточным и месячным ходом, человечеству понадобилось почти 20 веков биться о прибрежные скалы. И пятизначные таблицы разрабатывались восемь веков.

Для сирот-мальчиков был создан морской кадетский корпус «Питония», где их с раннего детства начали готовить к службе на флоте. Там старые боцмана и капитаны должны были готовить морскую славу Выборгского края. Из них я буду черпать в будущем кадры, они составят основу армии, флота и государства. Сам тоже подрядился читать им лекции и проводить тактические занятия по нескольким дисциплинам. Сам такой заканчивал, так что понимаю, где куются кадры.

Ну, и, несмотря на то, что Татьяна кормит ребенка, она заложила первый камень в строительство здания Выборгского университета. И сама себя назначила его ректором. Начало занятий с 22 сентября. Ходит довольная и счастливая, потому что то, ради чего она ушла из нашего века, начало реализовываться, обретать каменные стены, она составляет список лабораторного оборудования для университета. В то время как университеты всего мира готовят в основном теологов, и наука находится в таком загоне, что хоть стой, хоть падай, «ученые» всего мира ищут секрет философского камня и пытаются превратить в золото все вокруг. Иногда из этого безобразия всплывают приличные открытия, но чаще всего алхимик либо травится, либо взрывается, либо его на костер отправляют. Или им из пушки палят, как это было модно на Руси.

Глава 8. Дела московские, или новый шелковый путь

Кстати, о Московии, как ее почти все здесь называют. Еще по льду Ладоги, ранней весной, в Пайлаа появился уже архимандрит Варсонофий. Так, чтобы в Выборг не ездить, он в Большой дом приехал погостить и денежки привез.

— Княже! Я тут в Москве побывал на Соборе, оченно нам твой черпак нужен, так как Большой Собор и патриарх порешили, что поможет сия машина возродить путь из варяг в греки, коим из веки Русь жила. В том октябре бывал я на твоем канале, благое дело совершил ты, княже. Богоугодное! Вот мы и решили Шексну и Вытегру соединить. Наш монастырь и Белозерский людишек и денежку выделят на сие дело. И патриарх, и царь Михаил в долю вошли. Поелику и тебя за толику малую в долю возьмем.

— Нет, святой отец, в вашу компанию входить я не буду, а черпалку и мастеровых дам на откуп, коли план работ предоставишь. А там и решим об оплате. Путь не близкий, работы много, еще и ремонты понадобятся, и буксир рядом держать потребно, и весь флот шаланд. И людей моих голодом морить не позволю. Все оговорить надобно.

— Дело говоришь, княже, вот план работ, инженер-мастером Клаасом Ларссоном Спрингом выполнен. 32 шлюза Михайловской системы он нарисовал.

— А что ж он, подлец, бревном все обшивает, а не камнем?

— Так Собор порешил. Уж больно изрядно запрашивал за камень.

— Ладно, присытай его в Выборг, Варсонофий. Он же подрядчик? С ним и говорить буду.

Вот стервецы! Деньги голландцам отдают, у меня на халаву решили землечерпалкой разжиться, за долю в прибыли от будущих перевозок! С такими в преф садиться играть не стоит! А вот с голландца надо подряды на ворота для шлюзов выбить. Капиталы, видимо, у него есть, не на деньги монахов и московского царя все это строиться будет, так как забито там 45 % голландского капитала.

Так оно и оказалось! Пятеро голландских компаний решили немного подзаработать на поставках в Европу чая и других товаров. Так как контракт подписан, а с его исполнением тянут уже несколько лет,

проводили всего несколько корабликов по рекам. Прибыль получали, но она нерегулярна и наоборот затрачивается почти два года. Доходят до Вытегры, там у них склад, выгружают все на подводы и по очень плохим дорогам добираются до Белого озера. Там грузятся на ладьи, уже русской постройки, и вперед на Волгу, оттуда в Персию. Их агенты закупают товар в Китае и гонят его в Шапур. И в случае, если все срослось и повезло, то зимуют в Астрахани, затем долго и упорно гребут против течения до Шексны. Чаще всего приходится еще раз зимовать. В общем, наплачешься, пока доберешься до Хавна. Лишь высокая стоимость чая покрывает все расходы. Голландец уже знает, что у меня есть самобеглые ладьи, и очень старается привлечь меня к этой афере, обещая сказочные прибыли. Денег у него, действительно много, но я сослался на неопределенность отношений с Россией, никаких договоров о торговле у нас нет, Москва своего посольства у меня не держит. Видимо, скоро попытается на зуб нас попробовать. Они пока не понимают, что произошло в Выборгском уделе. Причем местные князья и воеводы воевать с нами не хотят, даже Варсонофий не мечтает о реванше, платит с тех церквей, которые находятся на нашей земле, и время от времени, больше по привычке, пытается развить экспансию на север и запад. Но, его попытки не сильно успешны, так как население не рвется платить ему десятину.

Вообще-то я был сильно заинтересован подобным строительством и налаживанием нормальных отношений с Москвой. Единственное, что не хотелось делать – это уступок. Не настолько они и сильны, чтобы диктовать условия. Дело было в соли, да-да, в обыкновенном галите, который требовался мне во все возрастающих количествах. Самое обидное было в том, что я знал, где его взять. «Но за морем телушка полуушки, да рупь перевоз». Соль для населения возилась частично с Онеги, из Великой губы, там несколько соленых источников, туда я отправил несколько семей, снабдил их всем необходимым для вываривания соли, поставлял им муку, дал скотину, помог вырубить и выкорчевать небольшой участок под посевы. То есть создал полноценное поселение. Налоги собирал только солью и охранную грамоту вручил. Пару раз заходили русские челны, но народец там вооружен и настроен соответствующе. Две пушки у них есть, стрелять умеют. Так что мирно разошлись, пока. Местность здесь безлюдная. Но на южном берегу уже есть селения, и на западном – тоже. Так что – разовьются. Ближе соль можно добыть только озерную или морскую. Ну, и завоз из XXI века, конечно. Он покрывал часть потребности, но необходимо развивать собственное производство. Доступ в глубину России даст, конечно, совсем другие возможности для развития,

но сопряжен с большими опасностями попасть в зависимость от Москвы, а этого сильно не хотелось. Меня больше привлекала возможность присоединения Поонежской пятины к Водской. Один народец живет, с одинаковым устройством общества. Но Москва его просто так не отдаст, так что придется все решать явочным порядком, самозахватом, или... Вот этого бы не хотелось на настоящем этапе. Мне только войны с Россией не хватало. И вообще, у меня все усилия направлены на строительство барка. Землечерпалка в этом году мне не понадобится, пусть деньги зарабатывает. «Экономика должна быть экономной! Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev».

Тут еще выяснилось, что всего производства тканей в Новгородской, Псковской областях и Водской пятине не хватит, чтобы соорудить паруса для моего ненаглядного «самотопа». Скупленным по всей Ленинградской области и Карелии прямострочным «Чайкам», «Подолкам» и «Зингерам» не хватало сырья, девки начали маяться дурью в Пайлаа и Лоймаа, вместо того чтобы усердно строчить паруса. Пришлось закупить «немного» каландрированного нейлона для «малышки», всего каких-то 6 000 квадратных метров, плюс усилительных лент, и переделать его стоячий и бегущий такелаж на шхуну с полностью косым вооружением и полужесткими парусами. Излишеств неставил, все лебедки – ручные, на четырех человек рассчитанные. Вахта полного состава: 4 мачты по две лебедки – 32 человека, плюс два впередсмотрящих, рулевой и помощник. 80 человек экипаж, максимальный, и 36 – минимальный. Плюс – гвардейцы. Сойдет! Строят быстро, ковано-прессованные шпангоуты установили мгновенно, а композитную обшивку настрополились ставить с бешеною скоростью. Удобно и технологично. Лигрола у нас много, поэтому гнить ничего не будет. Выделил и бронзовые болты с гайками на последний слой обшивки, и поставили на смолу медную накладную обшивку. Чтобы не обрастало и морской червь не жрал. Мачты – стальные трубы на две трети, выше – kleеная мелкослоистая сосна, реи – стальная труба с оголовками под гипоидный привод, на которую накручивается треугольный парус. Для вант привез стальной оцинкованный трос. Сами производить еще не можем, но будем пытаться. Без него никак. В общем, к середине лета кораблик был готов к спуску на воду. Строили, соскучившись по корабликам, азартно и качественно.

Клааса я принимал в Выборге, в главной башне, он сразу же вперился в очертания «Выборга», ему уже ставили такелаж.

– В нем не меньше 350 футов. И 35–36 футов высоты корпуса, – пробормотал по-датски Спринг. Сержант Томас перевел мне его слова.

После этого Спринг перешел на русский, поняв, что его понимают.

– Это военный корабль? – задал он первый вопрос.

– Нет, это торговое судно.

– Очень большое, я даже не знаю, где он сможет ходить.

– Не по Волге, господин Спринг. Это – точно!

– Да-да, конечно, ваша светлость. Так, насколько я понял владыку Варсонофия, вы готовы предоставить вашу землечерпалку для работы на Михайловском канале.

– Принципиально да, готов. Но требуется договориться о сроках и условиях аренды. Лизинг – дело тонкое, здесь каждая запятая важна.

– А почему вы, князь, не хотите участвовать в проекте? Это же принесет баснословные прибыли, учитывая цены на чай в Европе. Мы провели всего шесть небольших кораблей, и все расходы окупились, при условии того, что мы заплатили в казну России полмиллиона талеров за эти годы.

– Вы радуетесь, когда ваш сосед заработал хороший куш, а вы – нет?

Клаас прокашлялся и слегка улыбнулся.

– Нет, конечно, князь. Что бы вы хотели?

– Я могу сделать у себя ворота шлюзов, по двести пятьдесят тысяч за шлюз, с доставкой и установкой. Думаю, что вы видели ворота на Невском канале. Точно такие же.

Голландец достал счеты из кармана камзола и начал перебрасывать косточки туда-сюда.

– Не трудитесь, восемь миллионов золотом в течение трех лет.

– Я понял, понял, очень серьезное предложение, князь, я считаю альтернативный вариант.

– От Бальсааса? Это несерьезное предложение! У него нет судов, которые могут доставить груз до места, и ему придется проходить через меня.

– Вы выкручиваете мне руки!

– Конечно! Но даю в аренду землечерпалку, буксир и шаланды всего за 5 тысяч гульденов в месяц.

Спринг защелкал на счетах и углубился в расчеты.

– Кофе?

– Я бы и от рома не отказался, ваша светлость, – окончательно обнаглел голландец. Жадность победила, общая скидка на километр канала составила почти 420 гульденов. Что в сумме выливалось в очень кругленькую сумму. Мы ударили по рукам, и сделка состоялась. После подписания он внес предоплату и попросился посмотреть на строящийся

барк, даже не подозревая, что его спуск на воду поставит крест на его прибылях через пяток лет. Чай будут возить «чайные барки» Выборга, господин Спринг! А вы – платите деньги за мой доступ в центр России. Успехов в строительстве! Я буду помогать!

Голландец с удивлением ходил по стапелю, присматриваясь к неизвестной конструкции. Стальные детали корпуса были скрыты фальшобшивкой и были не видны. Поэтому первое, что он спросил, а выдержит ли киль такую длину на волне.

– Это судно не для Балтики. Желаете в Вест-Индию наведаться? Тогда откровенно мало пушек. Там пираты целыми эскадрами носятся.

– Шести орудий на борт вполне хватит, господин Спринг, да и к берегам Америки ходить мы не собираемся. Больше интересует Средиземное море. Нужен хлопок.

– Там османы житья не дают.

– Ох, и не говорите, когда бабы берут власть в свои руки, то столько наворотят! Но торговлю не им остановить. К тому же корабль обещает давать неплохой ход, поэтому не так страшен черт, как его малюют. Капитан у меня опытный, в тех местах бывал, и не раз, так что справится.

– А почему у него такой непрятательный вид? Никаких украшений, даже растровой фигуры нет.

– Зачем тратить деньги на то, что не будет работать? Ну, прилепит кто-нибудь впереди полногрудую девицу, а толк какой от этого? Если вы обратили внимание, то у меня в городе все просто и строго. Хочет кто-то украсить свой фасад, я не запрещаю, но сам на эти финтифлюшки денег тратить не желаю.

– Как-как вы сказали, ваша светлость, финтифлюшки? Смешное слово. Так произведения искусства никто не называет.

– А я не такой, как все, может быть, я один такой.

Спринг раскланялся, пытаясь извиниться и смазать возникшее недовольство князя. Соваться со своим уставом в чужой монастырь не стоило. Корабль и в правду был выполнен в очень строгом стиле. Никаких резных украшений, мест для возникновения гнили, все выполнено рационально, и ничто ничему не мешает. Ручной гидравлический привод руля позволял управлять судном одному рулевому с помощью небольшого дубового штурвала. На этом корабле еще не ставили парогенераторы, но наверняка скоро капитаны просто потребуют его установки. Пока строим так. Судоходная компания должна развиваться постепенно. Но, на заводе уже готовят шпангоуты для новых кораблей. Первый же рейс покажет

основные недостатки судна и выявит слабые места. Придется доводить конструкцию до ума. Пока это темная и строгая лошадка. Мастер Тоомас Мур уже хозяйствует на корабле, готовясь стать полновластным хозяином на нем. Так повелось издревле. Кому бы ни принадлежал корабль, но капитан – он первый после бога на нем. Здесь же, на стапеле, я – владелец судна, поэтому мастер спешит спуститься с борта и встретить меня с гостями. К Спрингу он отнесся с большим недоверием и на борт гостя не пустил. И правильно сделал.

Я отдал распоряжение капитану буксира «Тулокса» следовать к порогам и везти землечерпалку в Вытегру.

– Вот подрядчик – господин Спринг. Это – копия договора и моя охранная грамота. В Орешке возьмете на борт десятника со стрельцами. Действуйте, Афанасий Петрович. И удачи!

Спринг с огромным интересом наблюдал за маневрами буксира. Кораблей, движущихся без паруса, он еще не видел.

– Вы совершенно напрасно, князь, отказываетесь от участия в кампании. Имея такие корабли, весь Китай и Персия будут лежать у наших ног, князь.

– Он не сам по себе бегает, для того чтобы он побежал, вон сколько винокурен стоит. Вон видите, девушка опилки и стружку собирает, все это пойдет на то, чтобы кораблик мог ходить. Там таких заводиков нет, поэтому встанет он там без хода и на веслах идти придется. Да и нет у меня с Михаилом никакого договора. Так, соседствуем, и каждый ждет, что другой придет к нему шапку ломать. Он же сам не приехал, а Варсонофия прислал. Дескать, не по чину ему какому-то князю Выборгскому кланяться. Ничего, мы подождем. Дел совместных у нас все больше и больше. А решит все и расставит все точки над «и» его величество талер. Ко мне его купчишки за товаром бегают, не наоборот. Вот спустим «Выборг», заведем торговлю с османами, там и поглядим, у кого карман больше.

Глава 9. Выборг – морской город

«Выборг» крестила Татьяна по неизвестной здесь традиции: разбив бутылку шампанского об его форштевень. Шумно отметили спуск на воду, и через два месяца, уже с полным экипажем на борту, «Тулокса» осторожно провела его Высоцким проливом. Глубины в самом Выборгском заливе едва-едва позволяли проползти кораблю с его пятью метрами осадки в балласте. На рейде будущего Высоцка приняли дополнительный балласт, так как абсолютно точных карт залива у нас не было. Служба гидрографии еще не организована, людей для нее попросту нет. Судоходная компания, которая существовала ранее, развалилась, заниматься этим вопросом было некому. Теперь, после появления большегрузного флота, это дело быстро тронется с места. Богатенькие «буратинки» замерли на нижнем старте, ожидая результатов, которые покажет новый корабль, и нервно пересчитывают имеющиеся капиталы. Так как выгоду свою никто упускать не хотел. Но флот – дело тонкое, новый корабль должен проявить свой норов, об этом с пристрастием расспросят Мура, и только после этого осторожно постучатся в мой кабинет. Сейчас рискую только я, а все ждут результатов. Даже Мур. Сегодня не он командует кораблем, а ему показывают основные приемы управления этой «коробкой». Бьют колокола громкого боя, вызывая наверх всю команду: «Аврал!» Матросы увлеченно крутят рукоятки лебедок, поднимая белоснежные паруса шхуны, отдан конец с буксира, и он начал описывать циркуляцию вокруг нас. Все ходовые он будет крутиться рядом, подстраховывая меня и мою команду. Рядом со мной в полной боевой выкладке стоит несостоявшийся жених Настасьи Гавриловны. Пройда перед рейсом посватался к ней, у меня и Татьяны выпрашивая разрешение на брак с нашей воспитанницей. Мы ему отказали, мотивируя как молодостью самой Насти, ей только 13–14 лет, ее бабушка точно не помнит, в каком году она родилась, она еще учится и собирается идти в университет, так и предстоящим походом. А Пройде – лишний повод проявить рвение и верность в довольно далеком и тяжелом походе. Сама Настя к сватовству отнеслась совершенно серьезно. Браки здесь ранние, даже чересчур. Но так заведено, и менять это надо постепенно. Отцы и матери сами стремятся сбросить «лишний рот». Изобилия пока нет, и еще долго не будет. Работы почти все сезонные. Вот откроем производство хлопчатобумажных тканей, станут люди достаточно зарабатывать на нем круглогодично, тогда и начнем говорить о женском

здравье, которое ранними браками и беременностями просто разрушается, и к 35–40 годам все выглядят старухами.

«Выборг» поймал ветер, паруса шелохнулись, набились ванты, шкоты и гордени, и под форштевнем зашумела вода, плавно обтекая бульб. Мастер Мур подошел ко мне, вежливо попросил у меня рукоятки штурвала. Я привел корабль чуть кручек к ветру, и, хотя самому хотелось немного постоять на руле, уступил ему место.

– Курс два два ноль. Так держать!

– Есть, сэр! – ответил мастер Тоомас и подхватил рукоятки.

– Господи, ею может управлять младенец. – Сказывалось то обстоятельство, что Мур учился кораблевождению в Англии, и у них к судну принято обращаться «She» (она). Он подошел к повороту и громко скомандовал боцману:

– К повороту! – Паруса быстро перебросили с борта на борт, и, выполнив оверштаг, мы легли на новый курс – на выход в открытую Балтику. Буксир давно отстал, такие скорости не для его чахлой машинки, но пыхтит сзади, еще видя наши высокие белые паруса. Ветер стал почти попутным и у каждой мачты развернулись стаксели, и спинакер, украшенный красной звездой, вздулся над морем. На бакштаге выдали 24 узла. Мур просто расплылся после подсчетов.

– Ваша светлость! Вы неправильно выбрали для нее имя! Это – «Ласточка»!

– Я не буду называть первый корабль моего флота именем пиратского корабля!

– Ой, да, я забыл! К повороту! – Рубятся все дополнительные паруса, судно готовится выполнить новый поворот, теперь попробуем погалсировать против ветра. Здесь кораблик немного показал свой норов! Требуется действовать чуточку быстрее. Не успевают матросы быстро переключать скорости и направление вращения лебедок. Немного запутались на фоке, парус захлопал на ветру, раздались ругательства боцмана, его оглушительный свист, и он пустил в ход плетку. Тоомас тоже выдал тираду, наконец, все настроилось, маневры получаются пока не очень. Галсировали долго, тренируя команду. К вечеру легли в дрейф, поставили плавучий якорь и зажгли якорный огонь. Я решил пока не рисковать, ночи еще короткие, а так побегаем днем от Кенига до Аландов пару-тройку суток. Погода – просто сказка!

За ужином обычно немногословный капитан расчирикался, говорил длинные хвалебные тосты, плескал себе из пузатой бутылки выдержаный бренди. Откуда взял, подлец? Но бренди был неплох, очень выдержаный.

Оказалось, что хранил он несколько ящиков французского коньяка с незапамятных времен и использовал его, когда отмечал дни рождения своих детей и кораблей. Вот сегодня, как он считал, «Выборг» и родился, а не когда килем воды коснулся. У каждого моряка свои поверья. Шхуна ему очень понравилась, легкая и ходкая, а экипаж он отдрессирует до полного автоматизма.

Гвардейцы живут в корме, и все считаются офицерами корабля. Кроме них, на борту еще и 36 бомбардиров к штатным двенадцати стальным гладкоствольным пушкам с клиновым затвором. Заряды расфасованы и упакованы в штатные картузы, ядра имели отделяемый деревянный поддон. Позволяют вести огонь в три-четыре раза быстрее, чем обычные. Установлены на наклонные лафеты, обеспечивающие нормальный откат и накат. Такие лафеты применялись уже в конце XIX столетия. Калибр пушек 12 фунтов или 120 мм. Вполне в состоянии нанести серьезные повреждения дубовым кораблям англичан и шведов. Тем более стреляя подкалиберными снарядами. Метровый дуб орудие пробивало с довольно большой дистанции в 400 метров. Порох, правда, дымный, и слишком большую скорострельность развить не давал. Орудие приходилось банить, но не после каждого выстрела, как у всех, а после пяти. Так что по скорострельности эти 12 орудий как 60 обычных. Экипаж отбирали тщательно, лично следил за этим. Но полной гарантии никто дать не мог. Одна надежда на вооружение и опыт гвардейцев. У них два «Корда» с бронебойно-зажигательными патронами, двадцать «Ксюх», двадцать СКС и у каждого пистолет Стечкина. Все в жилетах, упакованы по самое не хочу. Серьезная сила. Все проверены в боях и не имеют замечаний по дисциплине. Их я тоже готовил сам, разбирали действия в стесненных условиях и обучались приемам рукопашного боя. Не мастера спорта, конечно, но вполне за себя и за друзей постоять могут.

В течение ходовых испытаний несколько раз встречались и с ганзейскими корабликами, и со шведскими. Так же видели голландцев и датчан. Больше всего было ганзейцев. Новый флаг и новый вид парусов вызывали неподдельный интерес со стороны всех. Пару раз с нами пытались посоревноваться в скорости. Где уж им! Столько парусов они нести не могут, а время клиперов еще не пришло. Днем следующего дня отсемафорили шведскому галеону, что имеем почту на борту и просим разрешения подойти ближе, чтобы передать ее. С борта на борт летит выброска, и передаем небольшой пакет для посольства и для королевы Кристины. Требуется договориться о визите, теперь есть на чем зайти в гости. Этим мы немножко умерим пыл Акселю Оксеншерна, который, по

нашим сведениям, побывал в Туманном Альбионе. Очертания будущего союза против нас начали вырисовываться, «но теперича не то, что давеча». Посол в Швеции у нас есть, и он не дремлет. Послание не было секретным, и его можно было доверить обычной почте. Подходили с одним кливером, шведы, а палуба их галеона выше нашей, во все глаза смотрели на новенький корабль. Чуть отвалив нос, выставили полный набор, при этом ни один матрос по вантам не лазил, забрали у шведа ветер, у него обмякли паруса, он шел практически на полном ходу, узлов восемь, и стремительно заскользили на вход в Финский залив. Ветер дул с запада, хороший ровный бакштаг, опять выставили дополнительные паруса, и изумляли всех их ослепительной белизной и легкостью. Там встретили наш буксир, и я перешел на него.

Мур остался в море и продолжал тренировать экипаж, выбивая из него земную дурь. Они вернулись через две недели. Отметил, что не всегда хватает скоростей лебедок на маневрах, из-за этого некоторые повороты получаются слегка размазанными. Матросы побаиваются травить шкоты, отпуская стопор барабана, из-за громкого звука, который он издает. Были и еще некоторые замечания. В общем, он нашел недостатки в конструкции, и я обещал их исправить как можно быстрее. Капитан встал под погрузку в порту, а боцман с командой тщательно проверили и обвеховали фарватер от причала до входа в Высоцкий пролив.

Прибежал пакетбот из Стокгольма, доставивший письма королевы Кристины. Похоже, она заинтересовалась идеей визита, но собирается нанести его сама. В этом году это вряд ли состоится, она планирует посещение Выборга на будущий год. Так что время у нас пока есть. Еще год мы сумели вырвать у судьбы. Второй корабль «Татьяна» встал на стапель, он будет флагманом океанского военно-морского флота. Он встал на новую третью дорожку стапеля, так, чтобы не мешать строить коммерческие суда. Строить его можно неспешно, Оксеншерна не на ту лошадь поставил. У нас наступает 1642 год, и Карлу Первому будет несколько не до Выборга, свою бы задницу и шею спасти от палача. Так что совместной операции против нас пока не будет. Действовать надо было через Москву! Но Москва хочет денег и строит канал, ей ссориться со мной не с руки.

Глава 10. Первая в мире забастовка и экология индустрии

Проводив в конце августа «Выборг» в рейс, мы окончательно переселились в крепость. У Татьяны идут приемные экзамены, и она с головой ушла в университетские дела. Само здание университета находится в полуготовности, идут отделочные работы, а в Выборге произошла первая в мире забастовка домработниц! По сравнению с дотом наша резиденция в крепости практически не оборудована. Раньше мы здесь редко бывали. В городе я ничего для себя не строил, так что условия были даже хуже, чем в Большом доме в Пайлаа. Здесь не электрическое отопление, а камины, на кухне нет электроплиты, отсутствуют душ и ванная, есть баня, в общем, ничего не было. Татьяне сейчас было некогда этим заниматься, а у меня и руки не доходили, да и большого желания переделывать средневековую крепость на современный лад не было. А у Настасьи резко прибавилось работы. Надо топить плиту, надо мести веником, надо стирать на речке, при этом ютиться в довольно холодной комнате и спать на короткой кровати с очень жестким матрацем. В итоге через пару недель пребывания, она можно сказать, взвыла: когда «домой» поедем, потому что она одна все сделать не успевает: и еду приготовить, и к экзаменам готовиться, и постоянно стирать вручную. Плюс побаивается высоты и темноты в башне замка. Лестница там и правда неудобная, крутая и «громкие» ступеньки. Ребенку негде гулять, замок давит, постоянно холодно, и солдаты пристают, так как она пару раз выскочила на улицу в спортивном костюме. В общем, идет оно все лесом, так жить нельзя. Даже волосы высушить негде! К хорошему быстро привыкают, особенно женщины. Пришлось перебираться из башни вниз, в дом во внутреннем дворике, хоть и не люблю я жить в колодцах, загонять работяг в него, чтобы каменные (натурально каменные) стены оштукатурить, провести скрытую проводку, устанавливать парогенератор с генератором, вешать розетки, люстры, плафоны, делать канализацию и ванные комнаты. Через два месяца эти две курицы, вставив руки в боки, обследовали все уголочки, нашли кучу недоделок, так как ну не приспособлен старинный дом с расчетом на попадание крупнокалиберного ядра к проживанию, собрали губки в дудочку, убедились, что горячая вода есть, и нырнули в ванные, а меня оставили развлекаться с Сашкой, которому гулкие комнаты тоже не

нравились, и он разревелся. Но относительный комфорт был восстановлен, ежедневный пилеж прекратился. А я еще Настасью жалел, что ей, бедной и несчастной, всю жизнь поломали, засунув со скамьи в мягкую постель и заставив пользоваться мылом и зубной щеткой. Здесь же они объединились с Татьяной и провели качественную осаду крепости, ее взятие и перестройку.

Рабочий кабинет у меня остался в башне, теперь приходится «ходить на работу». А это – целое событие! Начинают дудеть в дудку, прибегает дежурный, палят из пушки. ««Их сиятельство» поднялись, оделись, побрились и на улицу выползли! Радуйтесь, люди Выборга!» Впрочем, жить стало удобнее, но в городе надо бы подумать о постоянном жилище, поближе к заводам. Их уже два, второй сделали механический и оружейный. Хаутоваарские халькопириты мы добывали уже вовсю, это рядом с Пайлаа, получая и медь, и серу. Получили и большую партию концентрированной азотной кислоты. Апатитов в окрестностях полно, поэтому теперь дело пойдет несколько быстрее. Тем более прокатный стан через несколько месяцев даст первый лист. Проблему получения водорода пришлось решать через Финляндию. Дело все в том, что старого оборудования для получения аммиака из апатитов методом Огре не сохранилось. Уж больно агрессивные среды использовались. Современные способы все используют природный газ для этих целей. Так дешевле и чище. Но газ рано или поздно кончится, поэтому наиболее предусмотрительные ученые ведут разработки водородных технологий. Водород в природе самый распространенный элемент, но в смеси с кислородом – это гремучий газ. Есть отлично работающие электролизеры, которые позволяют извлечь водород из слабых электролитов. Но все они, или почти все, немного склонны к взрывам. Поиск ученых привел к открытию так называемых адсорбентов и мембран. С их помощью сначала научились получать практически чистый кислород из воздуха, без помощи детандеров, с помощью которых впервые был получен практически чистый кислород. Адсорбенты позволяли серьезно удешевить процесс и обезопасить его, так как детандеры использовали очень высокие давления и много энергии и имели очень низкий коэффициент полезного действия. Тем не менее для XVII века изготовление детандеров много проще, чем создание мембран с заданным диаметром отверстий атомарного размера или массового производства адсорбентов, использующих обратимые реакции поглощения.

И я, и Татьяна прекрасно знали, что современная индустрия покоится

на производстве всего трех основных вещей: аммиака, водорода и кислорода, все остальное человечество получает с их помощью. Когда-то в Древнем Китае кто-то смешал навоз с известью и получил аммиак, а из него – порох, и понеслось! Кто-то в Древней Индии продул воздух через смесь угля и железняка, а из получившегося продукта сделал знаменитый железный столб. Но этим дело не ограничилось, вслед за столбом появились мечи и сабли, впрочем, они, наверное, возникли ранее столба. Вот так, огнем и мечом пробивая себе дорогу, человечество шло к собственному уничтожению, к смогу, кислотным дождям, вымиранию целых регионов. Так получилось, что в раннем детстве я помнил Арал, плескавшийся прямо у железнодорожных путей Туркестанской железной дороги. Озеро исчезло, и в образовавшейся пустыне замерли остыны рыболовецких корабликов. Я это знал и сейчас стоял у истоков этой экономики. Все необходимые компоненты за три года получены в промышленном масштабе. Это пока не миллионы тонн, а десятки, но из них складывалось могущество государств на протяжении многих веков. Так получилось, что самыми простыми способами получения могущества оказались самые грязные технологии. То же золото веками извлекали из руды при помощи ртути, которая травила все вокруг, но была самым эффективным и дешевым средством обогатиться. А об остальном эффективный собственник предпочитал не задумываться. После нас хоть потоп. Вот и приходилось потом ловить синебрюю щук в устье Вуоксы в Приозерске, по которому было трудно пройти без противогаза из-за запаха фенола от гниющих на мысу «отходов производства бумаги». Мы не могли поступать так, раз уж выдалась возможность все изменить. Так получилось! Один из самых дешевых способов получения водорода сам лез в руки, потому что добраться до природного газа и нефти мы не могли. Опилки и стружка. Отходы от строительства домов, мельниц, кораблей. Если нагреть их до температуры 350–500 градусов без доступа воздуха, то на выходе получим смесь водорода, угарного газа и метана. Шеелит, хромовые и никелевые руды были в избытке, наличие электричества от низконапорных гидроэлектростанций давала возможность добывать содержащиеся в них металлы и делать нагревательные элементы. Огнеупорные глины в Ленинградской области и Карелии совсем не редкость. Горючие газы по самой экологически чистой технологии мы имели возможность получать, и грех было не воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Как я уже писал, Тихон Афанасьев был углежогом, он организовал сначала бригаду по производству древесного угля. Человек он был деятельный и свободный, то есть вел

самостоятельное хозяйство. Быстро поняв, что я покупаю уголь в больших количествах, а в крае появились излишки продовольствия в первый же год моего пребывания в должности князя, он прекратил пахать и сеять на своем участке и стал сооружать «угольные ямы». Примитивные сооружения, позволявшие получить желаемый уголь, а за него деньги на содержание семьи. Семья у него была даже не большая, а просто огромная: 16 детей собственных, да еще и внуки подрастали. Собрав 40 человек команды, получили от меня разрешение на вырубку и корчевку леса, производство угля и поставку его как на завод, так и мелким держателям домниц. Лес обязательно сортировался. Пускать на уголь строевой лес – преступление. Есть куча ольхи, березы, осины, тополя, которые и растут быстро, и особой ценности из себя не представляют. Вместо угольных ям мы с Тихоном сделали печи с газоотбором, а затем и газогенераторы для отходов. Спустя год уже кооператив «Афанасьев и Со» носился на санях и телегах по всему краю и забирал отходы с лесопилок, стружку, сучья, листья, хвою и любые отходы деревообработки.

Я побывал на международном форуме экологов в Хельсинки и «достал» там газовые мембранные для двух видов газа: водорода и угарного, с ресурсом работы установок в 150–175 тыс. часов непрерывной работы. Резервуары для них сварили в Пайлаа, а затем начали выпускать их и в Выборге. К сожалению, подземных газовых хранилищ в этой местности просто не сделать. Всю эту работу «подбивали» по времени к пуску прокатного стана. Для его работы требуется газ, который разогреет металл до нужной температуры. Сделать стан для холодного проката пока было невозможно. Таких сталей для роликов мы еще не варили. Это дело будущего. В общем, вместе с Тихоном мы решили две важнейшие проблемы: обеспечили работу стана и Татьяну, с ее производством амиака, азотной кислоты и прочих химических гадостей. Она в химии сечет много лучше, чем я. Она же настояла, чтобы, кроме мембранных, мы закупили и адсорбционные установки, и адсорбенты, а она рассмотрит возможность их производства в будущем.

Глава 11. Первая англо-выборгская война

Пока возюкались с резервуарами, газами и прокатным станом, незаметно подползла осень, а вместе с ней и новые проблемы: Карл I все-таки заинтересовался Выборгом. Ему срочно был нужен внешний враг. Второй сын короля Якова и Анны Датской стал королем из-за смерти своего брата Генриха Стюарта, оба они были сыновьями «лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией». Но вши в то время прыгали в том числе и по особам королевской крови, надежда шотландской аристократии и жених самой Екатерины Медичи заболел тифом и умер в восемнадцать лет. Мыться чаще надо! И не страдать педикулезом. В итоге одного гомика на троне Англии сменил другой, даже не поменяв сексуального партнера. Его унаследовал от отца Карл I. Фаворита звали... герцог Бэкингем! Угу, тот самый, из «Трех мушкетеров», якобы любовник королевы Анны Австрийской. Вряд ли он ею интересовался как женщиной. Но оспаривать этот момент не станем. Все ж таки великий Дюма писал. Любовник короля требовал все больше и больше денег, сорвал намечавшуюся свадьбу с дочерью испанского короля, разорванная помолвка вызвала расторжение дипломатических отношений с Испанией, и в 1624 году еще король Яков начал войну в Голландии, которой тогда правила Испания, впрочем, с некоторым трудом. Женой королю определили Генриетту Марию Французскую, дочку того самого Генриха IV Наваррского и Марии Медичи. Свадьба состоялась в 1625 году, но по приезду в Лондон Генриетта обнаружила, что король не совсем мужчина и спит в другом дворце с другим мужиком. Какой облом! В результате кто-то подговорил некоего Фельтона, были это французы или этим делом занялась лично королева – неизвестно, но спустя три года в грудь всесильного герцога влетел кинжал, и король сменил ориентацию. Он воспыпал страстью к супруге, видимо понимая, что она ни перед чем не остановится, плюс подняла голову дворянская оппозиция, противодействуя попыткам укрепить абсолютную власть короля. Их до этого Бэкингем достал своими проделками. Король тратил много денег и постоянно нуждался в деньгах, поэтому выдумывал все новые и новые законы, стараясь ободрять всех до нитки, как считали остальные участники процесса. Сам король родился в Шотландии, там верховодили пресвитерианцы, религиозное течение, одна из ветвей кальвинизма. Пресвитерианская доктрина базируется на вере в верховную власть Бога,

в том числе и в вопросе спасения, божественном предопределении, непогрешимости Святого Писания, а также на догмате о том, что для ниспослания божественной благодати необходима исключительно вера. Пресвитерианство отрицает необходимость участия духовенства в вопросе спасения, и в связи с этим в пресвитерианских церквях отсутствует епископальное устройство, а церковная организация представляет собой совокупность приходов, управляемых пасторами и пресвитерами, избираемыми прихожанами. Основное отличие от англиканства состояло в том, что у них нет епископов. А с их помощью глава англиканской церкви Его Величество король Карл I собирал основные налоги. Они у него в налоговой системе работали. В общем, стремясь унифицировать государственную систему, за год до моего появления в том мире, Карл назначил епископа в Эдинбург и получил целую серию «епископальных войн». Фактически он находился в состоянии войны с половиной собственного государства. Требовалось отвлечь народ от этого, и для этого он выбрал Выборг, согласившись с Акселем Оксеншерна, что я покусился на самое святое: королевскую власть в протестантском государстве.

Так что вместе с черными тучами с запада в Финскую лужу надуло 15 вымпелов английского королевского флота, которые в конце октября подошли к берегам Ключевского полуострова (Киперорт). Из Манолы примчались три всадника, которые доложили, что видели многочисленные паруса, направляющиеся к острову Вихревому. Англичане были опытными мореходами, поэтому смогли найти приглубый проход к полуострову, напротив Заметной бухты, который находится между Северным Березовым островом и Ключевским полуостровом. Там начали высадку десанта. Оттуда примерно 48–50 километров до Выборга. И порядка десяти-пятнадцати моих деревенек. Если пойдут пехом, то беды не миновать. Так близко еще никто не высаживался. Отправил туда пограничный катер. Англичане разговаривать не стали, а при попытке сблизиться начали маневры и раскрыли батопорты. Катер не показывал, что может быстро двигаться. Шел под обычным рейково-разрезным парусом. Заметив приготовления англичан к стрельбе, дал одиночный холостой выстрел из старинной шведской пушки. Англичане выбрали якоря, Оксеншерна, скорее всего, сказал, что катера опасны. Осторожно лавируя довольно четким строем, пошли на сближение с катером. Высадку они прекратили. И это хлеб! Катер помогал себе двигателем, поэтому все маневры англичан оказались напрасными, хотя стреляли они часто и много. Командира катера я проинструктировал, что делать. Он мог уйти от англичан проливом между

Ключевским и Вихревым, но он поднялся севернее и крутился напротив Большого Маячного острова. Маяка еще нет, лишь несколько щитов из окрашенной доски выдают присутствие человека. Там есть каменистая отмель севернее мыса Маячный, англичане обогнули ее, четко выполнили разворот. Из дота на Игристом острове за ними наблюдали мои артиллеристы. Пограничник выстрелил уже ядром, и достаточно точно: под самым носом у флагмана взлетел фонтан от ядра. Англичане, не поднимавшие вымпелов до этого, наконец, все подняли брейд-вымпелы. Бой официально начался. И англичане залезли в залив. Между островами – миля, самый глубокий проход ближе к Игристому, но адмирал Тонвей держался середины пролива, им дали пройти и повернуть почти всем кораблям, когда последние три кораблика легли на курс в залив, из двух дотов по ним ударили ЗиС-3. Что делает осколочно-фугасный снаряд с деревянным бортом – это надо видеть! А стрельба прямой наводкой с расстояния 800 метров из нарезного, стационарно установленного орудия – это чистой воды удовольствие для наводчика и командира орудия. А из-за острова, скинув маскировочные сети, вылетает броненосец «Пайлаа», стоявший до этого у небольшого причала. Воет сирена, и, как она только замолкла, раздался мой голос из динамика:

– Паруса рубить, флаги спустить! На колени, сволочи!

Нестройный залп прозвучал только с одного из кораблей, по которому я ударил из носовой пушки. Взорвался порох на одной из палуб, и корабль вспыхнул, как свечка. После этого до англичан дошло, что плавание окончено. С такой организацией береговой обороны они еще не сталкивались.

103-й погранотряд в полном составе находился на островах, и когда упали паруса и спустились флаги, то раздался их мощный крик: «Ура!» Одиннадцать кораблей сдались. У адмирала не было с собой ничего, кроме каперского свидетельства. Его повесили. Остальных заковали в цепи и отправили добывать руду для медного завода. Не рассчитали «нагличане», что местность у нас очень удобная для обороны! Сплошные узкости, камни, мели, порывистый ветер. В общем, подвело их отсутствие видимых парусов. Впередсмотрящие не видели броненосца и других кораблей, считали, что противника за островами нет, вот и сунулись в узкость, выхода из которого уже не было: сзади пушки, и тут какой-то странный кораблик с очень мощным оружием. Тем более, гиростабилизаторы для моего красавца я достал. Штатные места были, а найденные приборы были полным новьем, правда, валялись на складах еще с советских времен.

Еще до ледостава вернулся «Выборг» из рейса, привез хлопок-сырец, 1250 тонн в кипах. Больше не влезло. Надо предусмотреть более вместительные трюма. Зато мгновенно получил 10 заказов на серийные кораблики. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Рассказов было море! Ради рассказа Мура собрался даже городской Совет. Всех богатеньких «буратин»-выборжцев интересовал вопрос: сколько удалось заработать и как ведет себя кораблик на океанской волне. Бородатый мастер неторопливо набил трубку, мода на табак уже давно в этих краях, выбил кресалом искры и раздул фитиль, (кстати, надо бы газовых баллонов и пьезозажигалок наделать!), раскурил трубку, чем вызвал некоторое неудовольствие княгини Татьяны, она курево недолюбливала, кроме дыма моих сигарет, все остальное она тихо ненавидела. С моим «Кэмелом» мирилась, но не по утрам и не в комнатах. Мастер Мур считал себя уже приближенным к князю человеком, поэтому рассказ свой начал как отчет о проделанной работе, обращаясь непосредственно ко мне. Остальные должны были просто слушать его рассказ.

– По твоему повелению, княже, вышли мы в кумпанию и взяли курс на Лангеландбельт. На выходе из залива полавировали пришлось, княже. Упорный ветерок был, однако шли ходко, всего за семь галсов управились, а там как легли на курс, так и полетели, аки птицы. Как и велел ты, княже, обходили все суда в море заранее, близко ни к кому не подходили. У Гедсера опять против ветра шли, но обошлось, много времени не потеряли. Пару раз палили датчане из пушек и остановиться требовали, но мы ходом, ходом, договора у нас, как ты сказал, нет, а ходов больше. Не стал я стоять и время терять. В бейдевинде, и даже в крутом, «малышка» идет ходко, лишний раз даже рулем пошевелить не требует. Устойчиво идет. Ну, а после Баллена, там широко, мы просто обходили всех, кто попадался. Малость поштормовали у Скагена, крутую волну западник нагнал, но «малышка» волну на себя не берет, да и коротко там, а потом довернули и пошли, ходко пошли, в бакштаге, и даже «помочи» выставили, звиняй, княже, стаксели подняли. Так до канала за сутки и долетели. Там малость сбросить ход пришлось, но в ночь проскочили, и в океан вышли. От Санта-Анны пришлось полностью все паруса ставить, ибо застилело, лишь у Бреста удалось хороший ветер поймать. Волн с галфвинда «малышка» не боится, но резковато встает, княже, многовато балласта взяли, хотя терпимо. Я бы убавил, укачиваются мужички. Ну, а после Коруны опять застилело, но шхуна ходкая, поэтому всех обгоняли. В Срединное море вошли, и ветер как рукой сняло. Но все стоят, а мы идем! Потом попутник

поймали, все распушили так и пошли. Просто летели, не то что некоторые! Но пока ветра не было, пострелять малость пришлось. Арабы на галерах попиратствовать решились. Зело быстро стреляют твои пушки, княже! Отогнали бусурман, многих побили, еще и в полон взяли сорок человек. Продали их в Александрии. Что хорошо было, вода, как ты и говорил, не тухла. Однако, княже, гвардейцы твои зимник имеют, а мы чем хуже? С солонины дюже пить хочется, так что не гоже так, княже. Всем зимник нужен.

— Есть некоторые сложности, Тоомас Рудольфович, но мы подумаем над этим вопросом. Меня больше беспокоит, что хлопка маловато привезли.

— Есть такое дело, барин. В общем, когда мы лес продавали, то договаривались о поставках хлопка. Нам сказали, что нас им завалят, и цену давали, ну, очень приятную. И кругляк, и баланс ушли мгновенно. Пиломатериал рассматривали долго, никак не могли решиться, потом стали хватать, просто от жадности, поняли, что много удобнее для строительства фелюк. А хлопок грузили-грузили, грузили-грузили, и он у них кончился. Погнали куда-то караван, притащили еще, а он плохо упакован, кипы разваливаются, и часть из них гниловата, я их и развернул с этим... — мастер Тоомас закашлялся, чтобы не ругнуться, как на судне. — В общем, княже, не дело просто так туда ходить. Требник я там оставил, и надо своего человека там иметь. Письмеца ваши я главному визирю передал, но ответа из Стамбула так и не дождался. Тянут бусурманы. Ой как тянут! А тут восточник задул, вот и пошли. Ждать больше сил не было. Глаголят, что в Бизерте есть хороший хлопок, надо бы и там побывать, но в грузу туда соваться боязно было, глубины там маленькие, а арапы все кипы в воду уронить норовят. Знают, шельмы, что горит этот груз сам. Так что, княже, надо концессию готовить и посольство слать. Люди они добрые, но скаредные. Там тебе Пройда много чего привез, сказывал, что заказывали. Еще и гроб приволок зачем-то!

— Какой гроб? Саркофаг, наверное?

— Верно говоришь, княже, так и сказывал. А внутри что-то завернутое лежит, говорят, фараон. Царь ихний.

— Так что, херре Тоомас, османы не против того, чтобы у них наша фактория была? — спросил его Струве, державший крупную канатную мастерскую и несколько менятьных контор.

— Зазывали, гутарили, что малость припозднились мы, и ушел крупный караван в Сеуту, а так его складировать надо, накрывать, чтобы ветром не разметало, дорого это, дескать, а те, кто до моря его довез, то продают

сразу по ходкой цене.

В общем, зацепились языками, в результате начала вырисовываться новая Ост-Индская компания, или товарищество «Рога и копыта». Будущие владельцы заводов, газет, пароходов не желали терять прибыль, а вступить в дело на подготовленных позициях. Сласти Востока маячили перед глазами, в которых уже крутились золотые испанские дублоны. Пусть поболтают, а мы с Татьяной изучали образцы, которые принес с собой мастер Мур. Хлопок был неочищенный, ручной, естественно, сборки и двух сортов, которые были промаркованы. Стоимость коротковолоконного была просто смешной. Но это – великолепный материал для порохов, чтобы, наконец, запустить переснаряжающий и патронный завод, и семя для хлопкового масла, достаточно жирного, чтобы из него получать глицерины и топливо. Цена за сырье получалась просто смешной. Фактически продажа доски и дельного металла многократно перекрыла расходы на их производство и, частично, на постройку корабля, еще один-два рейса и кораблик окупится, и металлургическому заводу выгодно. Так что торговать с югом требуется и надо расширять ассортимент. Очередная партия товара на продажу была готова, поэтому до ледостава пусть уходят и покрутятся в трампе. Гвардейцев с борта можно снимать: Мур за свою «малышку» сам кому хочешь голову отвернет. Но «вот что, ребята. А пулемета я вам не дам! Павлины, говоришь?» Самым ценным из всего, что было на корабле, был мотор-генератор. Точнее, не мотор, его скопировать невозможно, таких технологий просто нет, а сам генератор и приборы управления. Их скопировать и воссоздать в XVII веке возможность имелась. А это ключ ко всему. К сожалению, это ключ-генерал. Ко всему подходит. Так что, походите с солониной.

Пройда, с четырьмя телегами, уже стоял возле дома, их разгружали, а он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, дожидаясь нас с Татьяной. Настасья в университете, она теперь студентка первого курса физико-математического факультета, так что на шесть лет занята, но он этого еще не знает. Перед рейсом он получил от меня и Тани задание и внимательно рассматривал иллюстрированные музейные издания Берлинского музея Египта и других музеев. Очень многие раритеты пропали в то суровое время. Добывали их могильные воры, грабя захоронения времен фараонов, переплавляли все в звонкую монету, и исчезал на глазах целый пласт культуры человечества. Кроме золота, грабителей ничего не интересовало. Бум археологических открытий начнется в середине XIX века. А сейчас древние сокровища растираются в пыль. Но малую толику этого удалось

спасти и вывезти сюда, где их заботливо сохранят. Остальным займется наше посольство, если будет открыто. Все, что привезли, разложили в трех комнатах первого этажа. Несколько грубых подделок, а остальное вполне достойно любого музея. Пусть пока полежат здесь, музей при Выборгском университете будет, мы с Татьяной уже пригласили для его строительства архитектора Фергюссона из Стокгольма. Сам университет строим напротив будущего ковша пассажирского порта. Он будет в одном комплексе с музеем и займет два квартала. Мумия настоящая, и, несмотря на то что ее саркофаг вскрыли, и сперли оттуда благовония и какой-то знак, лежавший на груди, след от которого заметен на бинтах, не повреждена.

– Бусурманы говорили, что знают, у кого находятся жезлы отсюда. Обещали принести, барин. Но мы ушли раньше. Теперь пропадут. Мастер Мур торопился, чтобы вернуться до ледостава.

– Да-да, я знаю. Вот что, Федор, снимай все с борта, особенно генератор, и все, что связано с электричеством. Ты понял? Гвардия большеходить в коммерческие рейсы вместе с Муром не будет. Будете присматривать за другими. Кроме перестрелки с пиратами, другие происшествия были?

– Никак нет, княже. Вот только гвардии рядовой Аникеев себе девку купил, нашу, с России, из полона выкупил.

– Это ничего, это бывает.

– Вот его рапорт, просит разрешить ему жениться на ней.

– Пусть дом сначала построит, не в казарме же им жить.

– Так они сняли квартиру в городе, в деревню он возвращаться не хочет, хочет служить дальше.

– Ладно, ступай.

– Ваша светлость, а где Настена?

– Учится, она в университет поступила. Только к вечеру будет. Ступай.

– Есть! – вытянулся Пройда. Наверное, немного обиделся, что не стал я расспрашивать о бое с пиратами, но мне это не сильно интересно. Благодарность за рейс и денежную премию получит перед строем, как и остальной состав их команды. И отчитается предварительно об издержках. Порядок есть порядок. А сейчас выпроваживаю, буквально выталкиваю, Мура в рейс. Иначе вмерзнет и раньше весны никуда не уйдет. Поэтому нагнал кучу людей в порт, и погрузка-выгрузка идет практически одновременно и круглосуточно.

Глава 12. Глобализация «по-» и работа над ошибками

Еще в прошлом году Татьяна направила на одном из судов в Брюгге, центр текстильных мануфактур во Фландрии, довольно солидную партию льняного полотна, тканей из шерсти, вышивки бисером, нескольких моделей «европейского платья». Вместе с этой партией туда ушел и один из ее помощников: Гавриил Щелок. Вместе с ним я отправил и Томаса Усселинкса, где помочь, где послушать, где защитить. Задача: нам нужны мастера и мастерицы на швейно-текстильную фабрику, оборудование для которой начали изготавливать на машиностроительном заводе. На севере Франции, а Фландрия сейчас ею захвачена, производят высококачественный лен по специальной технологии. Затем из него вручную прядут очень тонкую нить, не скручивая ее, с помощью смеси крахмала с жирами и глицеринами. В общем, у нас и в Новгороде этими технологиями не владеют, и льняная ткань идет значительно толще, чем в Камбре, что под Лиллем. Татьяна, давая «цэу», так и сказала, что хоть женитесь, но доставить спецов. Плюс требовалось посмотреть, как отнесутся к продукции в Европе.

У станков шлихтовочный резервуар и сушилка имелись. Современные станки производят подобную нить достаточно легко, но управление у них электронное. Нашли старые фирмы Cambric, которые стояли у нас в Новгороде и делали нить для батиста и перкаля. А вот с составом шлихты полный облом! Новую шлихту они не воспринимают, а старой просто нет. Поговорив с пожилой работницей фабрики, которая работала на такой машине, выяснилось, что только два небольших заводика возле Иванова делали ее. А лучше всего работала импортная, бельгийская. От двух заводиков в Ивановской области даже цехов практически не осталось. «Не выдержали конкуренции!» Вот и решили предпринять экспедицию в мятежную Фландию. И требовалось поспешать: 4 декабря 1642 года умрет Ришелье, а 14 мая следующего года – Людовик XIII, и на долгие десять лет воцарится Анна Австрийская и кардинал Мазарини. Он вовсе не такой, каким его показал Дюма, он – умный, хитрый и pragmatичный политик. Сам Ришелье назначил его своим преемником и ввел в королевский Совет. В качестве премьер-министра сделает много полезных вещей для королевства Франция, но конкуренты, сыграв на

«иностранных» премьера, все-таки его свалят.

Во Фландрии буза, которая будет продолжаться еще много лет. Там постоянно кто-то с кем-то воюет, католики режут протестантов, одни других перекрестить желают. Масла в огонь подливает то король испанский, то французский, то английский. Нидерланды восстали еще в начале века и вот-вот получат официальное признание. Они активно действуют и распространяют свое влияние по всему миру. Но только Северные Нидерланды. Южные, а там влияние католицизма больше, да и язык другой, в объятия воинствующих протестантов не слишком рвутся. Все, на словах, стремятся к миру и покой, но покой у них какой-то кладбищенский, а дубы-колдуны украшают многочисленные «елочные игрушки»: со «столыпинским галстуком» на шее там болтаются те, кто не успел убежать. В войнах того времени какие бы то ни было правила поведения войск на территории противника отсутствовали. Грабили и насиловали всех, таким образом повышенная рождаемость и возмущающая человеческие потери. Волнами они накатывались на Фландию то с юга, то с севера, то с моря высаживаясь или со стороны Германии нападали. Люди сопротивляясь этому потоку насилия уже устали. В результате экспедиции были доставлены в Пайлаа двадцать прядильщиц, сорок ткачих и шесть мастеров. Большая часть девиц – беременны, так как в войну несколько месяцев назад вмешался Карл I и несколько раз высаживал десанты через расположенный неподалеку от Лилля порт Дюнкерк, который принадлежал Англии. С результатами десанта в животах и приехали бедные девчонки. Два мастера и три прядильщицы умели составлять шлихту. Почти все знакомы с методами выращивания льна для батиста. Все вырабатывали Lin Ram O, из которого делали носовые платки королю Франции.

Для девочек построили несколько двухэтажных домов в Пайлаа, которая уже больше города, чем деревня, больше 10 000 жителей. Они были дико удивлены тем, что на территории фабрики есть столовая, и носить из общежития ничего не надо. Что работают они не по 14–16 часов, а только девять, вместе с перерывом на обед. Выпустили глаза на рабочую одежду: халатики, фартуки и платки, на станочный парк, особенно в шерстяных цехах, и долго не могли понять: почему так светло в цеху. Нет пыли и вони, которая, как въедливая плесень, преследует всю жизнь работников мануфактур. Моечный и сушильный цеха отделены от основных зданий. Всех учили, как заправляются машины в специальном классе. Их поставили ученицами к уже работающим девушкам. А затем они увидели «летающий челнок», который создавал ткань большой ширины. В ткацком цехе довольно шумно, поэтому у всех на ушах наушники. Вся работа

состоит в том, чтобы заправить нить, сменить катушку на станке, который остановился. Это был просто шок для них и их мастеров, которых Татьяна собрала отдельно и каждому поставила конкретную задачу: есть то-то, хочу вот так. Бедному Томасу пришлось два месяца при ней переводчиком работать, каждый раз, когда она выбиралась в Пайлаа.

В Пайлаа их всех называли немками, хотя большинство из них говорит на фланандском диалекте французского. Но это слишком тонко для местных. Поселок обозвали Немецкой слободой, а Порфирий предложил вообще переименовать Пайлаа в Князево.

Георг ван Дамм был старшим мастером старейшей мануфактуры в Камбре. Семья сильно пострадала пять месяцев назад, британцы не только изнасиловали всех женщин, но и убили их, и сожгли дом. У мастера здорово рассечена бровь и щека, с одной стороны во рту не хватает всех зубов. Англичан просто ненавидит. Как старший мастер он отвечал за весь процесс производства, начиная с выращивания льна, поэтому он прошел по полям и с сожалением сказал Татьяне, что первый Lin Ram O она получит лишь через три года. Для этой ткани у нас нет льна. Лишь на одном из полей лен растет примерно в тех условиях, что нужно, но он не закреплен, поэтому в момент сбора урожая велика вероятность, что и эта партия будет повреждена. С другой стороны, он отметил, что с местными сортами он незнаком, а мы сменили их на «долгунец» из XXI века, поэтому будет вынужден проконтролировать весь процесс обработки, если княгиня даст такие указания. В общем, нашелся человек, который наведет порядок во всех углах его производства.

Все мелкие речки в округе давно задействованы для вымачивания льна и конопли. Для этого лучше всего подходят именно реки с проточной водой. Вымачивается лен три года, почему мастер и отметил срок получения конечного продукта. В течение этого срока лен не просто лежит в воде, его прополаскивают, чтобы водоросли не проросли, перекладывают слои. В общем, работы выше крыши. Лен для батиста не треплют перед замачиванием, и семя с него снимают вручную, стараясь не повредить растение. У нас такой порядок обработки не был принят. Семя выбивают, лен треплют, а потом замачивают. Оказалось, что не для всех тканей такой порядок годится. Но ван Дамму поставлена задача воспроизвести с максимальной точностью и Лин Рам О, и перкаль с плотностью 150–160 нитей на дециметр. Нам он нужен для парусов.

— Ваша светлость, я приложу все усилия для этого! По отношению ко мне господин Жебраэль выполнил все условия, и я просто поражен количеством и совершенством машин, задействованных в обработке на

вашей фабрике, ваша светлость. Господин Жебраэль неоднократно говорил мне, что все это сделано вами и вашим светлейшим мужем. Есть возможность начать производство практически немедленно, но нить и ткань будет немного толще необходимого и менее плотной, можно попытаться ее слегка подкрутить и закрепить шлихом в таком положении. Набив материал, можно вымыть шлих и ткань сама распределит волокна. По плотности материал мало чем будет отличаться от Лина, однако это не совсем Лин Рам О, но для парусов он несомненно будет лучшим.

На этом и порешили, и вскоре появилась сначала ручная, а потом и машинная нитка для перкаля. А когда ван Дамм увидел готовые паруса из каландера, он долго мял в руке материал, принюхивался, хлопал полосками паруса в руке и потом выдал:

– Ваша светлость. Это сделано не руками человека. Больше всего похож на шелк, но это не он.

– Да, это сделано машиной, но у нас нет сырья для такого материала, а возить его слишком дорого и очень грязно.

Тем не менее за зиму мастер выдал материал на четыре комплекта парусов и обеспечил строящиеся суда полностью.

Новый проект «Буки» скоро будет на стапеле и значительно превосходит «Аз» по многим характеристикам, правда, будет немного уступать ему в скорости и динамике в полном грузу, в связи с увеличением осадки. Первый же рейс показал, что заложенные в «Выборг» «спортивные» корни требуется частично удалить, в пользу большей грузовместимости. В корпус врезали еще два отсека и надстроили шельтердек. Корабль получил более высокий борт. Батопорты нижней палубы полностью заглушены, в полном грузу осадка до 8 метров. В Санкт-Петербурге в институте имени Крылова модель погоняли в бассейне и дали заключение, что 18–20 узлов гарантированно разовьет. Заказанные 10 судов будут построены по старому проекту, пусть носятся по миру. Но для себя любимого, как только освободится первая дорожка, буду закладывать «Букаху». Пока суть да дело, там глядишь и более дальние рейсы подойдут. А вояк будем делать по первому варианту, максимально используя именно скоростные и ходовые возможности проекта. В общем, все идет своим чередом, складывается не так плохо. Если бы не одно маленько «но»! По первоснежью в Выборг приехал, я бы даже сказал: прилетел, британский посол при королеве Кристине барон Уайтлок. Как он умудрился проехать через Аландский пролив? Угу, оказывается, в Турку сидел, ждал, когда непобедимый английский флот возьмет или осадит

Выборг. Не дождался и притащился. Типа, вы тут наши корабли не видели случайно?

Я сидел в кресле «Президент» из натуральной кожи, Татьяна привезла из Питера. Руки лежали на подлокотниках из красного дерева.

– Вон те, что ли? Уже месяца полтора мне глаза мозолят. Напали на наш пограничный катер, он их всех и повязал. Какого-то петуха, в шлеме с пером, повесили, как пирата. У него никаких документов не было, кроме каперского свидетельства, подписанного умершим королем Англии. Ваш, что ли? Так это Англия на меня напала? А вы что здесь делаете! Охрана!

Посол спал с лица. Так как понял, что ближайшие березы, дубы и ясени сейчас украсятся новыми игрушками из него и его охраны. Дипломатам воюющей стороны было очень опасно соваться в разборки.

– Нет-нет-нет, что вы! Это какие-то другие корабли! Англия без объявления войны ни на кого не нападает! Так эти наглецы представились нашими соотечественниками?

– Представьте себе, и флаг королевский у них на мачте висел, и брейд-вымпела подняли. Нападение!

– Но, ваша светлость, это какое-то недоразумение, иначе бы я не приехал выяснить положение. Наше величество король чтит признание независимости Выборга.

– А посольства так и не прислал. Нехорошо получается. Пиратов ваших, кто помельче, мы на рудники послали. Пусть кайлом помашут, небось ума наберутся.

– Несомненно, ваша светлость. О вашем желании установить дипломатические отношения между нашими странами я непременно сообщу Его Величеству.

– Ну-ню! Посмотрим! – я криво улыбнулся, и барон «Белый Замок», непрерывно кланяясь восточному despotу, удалился из кабинета. Вот так «Челси» проиграл «Зениту». «Какая боль, какая боль! Аргентина-Ямайка – 5:0!» Еще не успела закрыться дверь за Уайтлоком, как он с кем-то столкнулся на лестнице. Посышалось громкое чертыхание в прихожей, и в кабинет вошел высокий монах с золотым крестом поверх черного клобука.

– Пошто не встал, смерд?

– Сынок, ты давно с трапа не летал? Помочь? А ну, вышел и вошел, как положено! Башня у меня высокая! Летать больно! Марш отсюда. Кто такой?!

– Никон я! Ласково ты меня, княже, встречаешь, ласково!

– Ну, Никон и Никон, а кто такой?

– Игумен Кожозерский.

– А я здесь при чем?

– Дело у меня к тебе, князь. Недоброму ты потакаешь. Гневаются на тебя старцы и на Соловках, и по всему Северу аж до Вологды. Хлеба насущного нас лишить желаешь вместе с Варсонофием, покойным Иоасаофом, да будет земля ему пухом, чтоб его черти в аду дольше жарили, и Иосиф на поводу у вас идет.

– А тебе-то какое до этого дело? Сидишь в своей глуши, и сиди. Какой Кожозеру резон в это дело влезать?

– Так спокон веку Север торговлей держался, а энтот подлый план неруси придумали.

Никон в то время был крупнейшим рыботорговцем, коптил и поставлял рыбу к царскому столу, был знаком с наследником, который охоч был до рыбалки, и вкусную семгу, и осетрину в любом виде обожал. Собственно, передо мной сидел посланник будущего царя, который наверняка этот вопрос с ним уже обсосал и склонил дитя неразумное на свою сторону.

– Что, боишься, что рыбку покупать перестанут?

– Не так вопрос ставишь, княже, подорвет канал богоугодное дело, а ведь могли из Вожи в Андреевское копать! Так и короче, и важнее, сольто у нас!

Те, кто думает, что монахи несли слово божие в массы, тот глубоко заблуждается! Они селились по торговым путям и доили с них мзду. В данном случае монахи трех разных речных путей в глубь страныссорились между собой из-за того, через кого будут идти заморские штучки. Никон был представителем Онежского пути, Онега – это не озеро, а река, которая впадает в Белое море. По ней монахи и попали на Соловки. Архангельский погост был организован позже, и он составил серьезную конкуренцию Онежскому. Река Северная Двина позволяла морским судам проходить довольно глубоко в нее, а здесь уже в городе Онеге приходилось перегружать все на гребные суда. Так что не покой и уединение искали монахи, а перекрывали торговые пути, кабалили народ, не забываем, что они не допустили секуляризации при Иване Третьем, поддержав Палеологиню Зойку и ее потомков, которые чуть погодя и вымерли из-за слабого здоровья. Этим грешили и Романовы. Мерли как мухи от сердечной недостаточности. Через два года умрет от «водянки», то есть от плохой работы клапанов, Михаил, до 47 лет протянет его сын Алексей, затем сердечный приступ, и вечная память. В 20 лет скончается уже его сын Федор, и до 30 лет дотянет другой сын Иван. В общем, монастыри

выступали в роли «братьев» в наши девяностые: стояли на дороге, всех тормозили и дань собирали. Вот и приходилось ездить по Карелии с «пушкой».

– А ко мне-то что приперся? Я канал не строю, в их компанию не вхожу. Иди к ним и говори там.

– Так ведь твои людишки его копают. Мы хотели поговорить, так гвардейцы твои нас носом в грязь положили и отмутузили. Божьим людям увечья нанесли.

– Они деньги за это получают, что охраняют тех, кто эти деньги зарабатывает. Мне все равно, откуда и куда пойдет канал. Деньги платят, значит кому-то это нужно. Деньги платить перестанут, найду другую работу для людей и машины. Так что не вижу смысла в твоем визите. Не с того угла заходишь. И напраслину на меня возводишь. И видать, что не только ты, но и игумен Соловецкий Маркелл тут тоже подвигается.

– Так ты ж наш соляной промысел губишь, цены сбиваешь. И помогаешь тем, кто хочет наш край торговли лишить. Когда ты тут встал и перекрыл шведам путь, то все к нам рванули, и мы молились за тебя и твое здравие. Но тышибко быстро в силу вошел, а сейчас имеешь оборота больше, чем мы. А церкви от этого никакого прибытку. Никого к себе в удел не пускаешь, не даешь слово божие твоим людям нести.

– Десятину захотел? Так, что ли?

– Господь велел делиться! Не позволишь приходы строить – анафеме предадим. – сказал он так необходимые мне слова. Из подплечной кобуры выдергиваю «пернач» с удлиненным стволом под глушак и больно бью кончиком ствола по лбу священника. Щелкнул устанавливаемый на боевой взвод курок. По лицу попа густо полилась кровь из рассеченного лба.

– Козел, ты допрыгался! Я предупреждал всех служителей культа, что кто будет замечен в том, что натравливает паству на других, сожрет собственные яйца. Сейчас нажму курок, и твои мозги придется оттирать со стенки. – ногой нажал на звонок тревоги. По нему снизу всех блокируют или уничтожают, и в кабинет влетело два человека в полной боевой.

– Убрать!

Попу заломили руки, «спустили» по крутым железным ступенькам трапа и бросили к стене. Рядом вдоль стены, прислонив к ней руки и широко расставив ноги под сутанами, стояли его монахи, которых обыскивали на предмет оружия.

– Руки на стену, ноги шире! – Пройда пинками помог попу занять правильное положение, попытку заговорить пресек ударом приклада. Подошел еще гвардеец с металлоискателем, быстро облегчил попа от

кошелька, маленького двухствольного пистолета, сорвал крест, еще какую-то цепь. Я уже спустился, накинув меховую куртку на плечи.

– Худой смерд Никита решил меня учить тому, как мне обустроить мое княжество, и грубо нарушил главный закон о конфессиях и культурах в Водской пятине, потребовал пустить их сюда, пригрозив мне анафемой. На первый раз получает пожизненную каторгу. Никитка, ты слышал? Жить будешь! Радуйся! Будешь англичан перекрещивать. А начнешь хулу на меня возводить, я заставлю тебя съесть твои собственные яйца. Целуй ноги князю, мошенник!

Никону помогли поцеловать мне ногу и поволокли к кузнице.

– Так, теперь с вами. На колени! Кто сопротивлялся?

– Вот эти!

– В кандалы и тоже на рудники к англичанам. Кто старший остался?

– Я, ваша светлость, иеромонах Савелий.

– Вот тебе штрафная квитанция, 100 000 ефимков. Можешь рыбой поставить, можешь серебром. Твой игумен проштрафился, так что всей братии и платить. До лета заплатить. Всем по двадцать ударов и отпустить, коней и оружие не отдавать. Посохи пусть возьмут.

– Княже, волки пожрут.

– Значит, так тому и быть. Не будете следующий раз в чужой монастырь со своим уставом лезть. Уводите! Теперь с вами. Кто на часах стоял и почему пропустили без доклада?

– Я стоял, так он смиренно так, княже! Даже и не подумал! Монахи они смиренные...

– Десять суток ареста, а тебе, – я показал пальцем на секретаря, – пятнадцать карцера.

– Есть! – два гвардейца сняли ремни и сдали оружие подошедшему сержанту. Все, порядок восстановлен, представление окончено. Вечером Томасу Усселинксу дано указание усилить охрану границы и разведку на русском направлении. Ишь, блин, «крышевать» меня решили! Я вам покрышу!

В результате собственной глупости ко мне в руки сам пришел очень неоднозначный человек в нашей истории. Именно он пролил реки крови, перекрещивая население. Выходец из «простых» людей, мариец или мордвин по национальности, из-за злой мачехи ушел в монастырь послушником, есть-то требовалось. Стал попом и получил приход. После смерти детей заставил принять постриг свою попадью и сам постригся. Проявил себя именно на хозяйственной деятельности. Жаден был до денег

и власти. Познакомившись с будущим царем Алексеем Михайловичем, использовал его для достижения собственных целей. В конце концов, предложил царю разделить власть, то есть самому стать царем. До самого конца, пока его не извергли из патриаршества и священства, лично владел тремя монастырями, стоявшими на торговых путях. В общем, вверг страну и церковь в раскол, и это очень долго потом аукалось. Кстати, перед этим выбрал неприкосновенность священников за дела мирские. Неподсудными они, как наши депутаты, стали. Впрочем, братки в депутатах – это наш конек!

Глава 13. «“Зенит” – “Спартак” 1:0»

Наследник мне этого не простит, будем ждать ответной реакции. У его отца хватило мозгов в драку не лезть. Ему еще полтора года править. Трон под ним не раз шатался, но он усидел каким-то чудом. Сейчас южные рубежи укрепляет в районе Белгорода, как будто крепости помогут против легкой кавалерии татар. И сильно надеется на активизацию торговли из-за Волго-Балта, он – совладелец канала. Поэтому Соловецкие и пытаются воздействовать на наследника, лоббируют свои интересы. Тульские заводы, открытые в 1635 году выходцем из Голландии Винниусом, составить конкуренцию мне не могут, они, конечно, сняли зависимость России от шведского железа, но не решили самого главного вопроса: отсутствует инженерная школа. У нас же этот вопрос стоит на первом месте, мы с Татьяной львиную часть своего времени проводим в университете, фабзаке и в корпусе, где по ускоренным программам готовим пока узких специалистов. Нашли в городе старых капитанов и кораблестроителей, которые организовали при заводских школах кружки, где изготавливаются модели, дети учатся держать в руках инструменты, пользоваться различными станками. Это позволяет рабочим и работницам не беспокоиться за своих детей и работать с полной отдачей. В Пайлаа, теперешнем Князево, даже детский сад предусмотрели. И набор в университет не зависит от происхождения родителей, вероисповедания и национальности. Учим всех, и второй год работает зимняя программа ликбеза. Ее ведут 60 девочек и мальчиков, которых набрала Татьяна в первую школу. Они учат грамоте, арифметике и гигиене.

Важнейшую роль сейчас имеет небольшая река Шуя, извилистым кольцом пересекающая межозерье от Суоярви к Онежскому озеру. Деревеньки вдоль реки – вольные, и сами присылают челобитные взять под длань, так как Олонецкий погост слаб и малолюден. А основная торговля идет вдоль реки. С дьяком Елагиным у нас «мир-дружба-жвачка», пару раз помогали ему мукой, и народец от него к нам переходит свободно: язык-то один, а он и до Киева доведет. Возрождать могущество Новгорода московским и некогда, и не с руки, поэтому большая часть Новгородского удела уже включена Татьяной в оборот льняного производства. У нас избыток зерна, и мука дешевая, поэтому новгородцам выгоднее производить лен и продавать его нам, чем мучиться с рожью. Большая часть крупных землевладельцев таким образом и поступила, как только

образовался стабильный спрос на лен. Это батист мы производить не умели, а крученая нить и ткани из нее изготавливались в больших количествах. А тут еще и хлопок подоспел, из него нить ровнее получается. Тот самый армянин, что у нас зеркала покупает, поставляет и коконы тутового шелкопряда, и нитки у Татьяны идут на шелковой основе. И шелковые ткани замечательно получаются. Обилие цветов пока создать не можем, требуются органические красители, здесь есть проблемы, которые связаны с их поставками из других стран. Но вопрос решаемый, главное – сделано: производство действует, пользуется успехом как у потребителей, так и у работников и работниц. Мастерская, организованная мной в Пайлаа, полностью специализируется на выпуске ткацких и швейных машин, лишь небольшая часть цехов занимается производством быстрорежущего инструмента и электрикой, которую тоже в основном поглощает Татьянина фабрика. Зимой начали перекрывать Шую для строительства еще одной ГЭС, фабрика требует все больше и больше электроэнергии, и тепловыми двигателями уже не обойтись, да и дешевле построить ГЭС, чем тратить драгоценные подшипники на вспомогательные механизмы.

Очень быстро растет швейный цех, который выпускает рабочую одежду, которая пользуется особой популярностью. Есть у Татьяны и «модный салон», там шьются «модели», заказ на которые приходит из Европы. Благодаря проводимой Швецией политики глобального шпионажа, в Выборг потянулось и грамотное население из Германии, которой владеет Швеция, и из самой Швеции. У Усселинкса море работы: вычислить среди переселенцев шпионов и диверсантов. Пока – справляется. Тем более что копают шпионы не в тех местах, а мы подсказывать не собираемся. Зато в университете появились неплохие инженеры-механики, математики и химики из Сорбонны, Левена и других университетов. Здесь же появился и главный «конкурент»: врач, фармацевт и алхимик Иоганн Рудольф Глаубер из Карлштадта. Так что открытие европейцами азотной кислоты немного откладывается. Все они едут через Швецию, проход через Россию закрыт. Одни через Нарву по льду залива, другие через Стокгольм и Турку. Так что университет получил «международное признание». Еще бы толк от этого был!

Впрочем, Татьяна свое дело знает туго! Ректор – она, желающих заниматься теологией и шпионажем она спиной чувствует, да и многих «знает» по истории науки. Так что отбор серьезный, и марш на курсы по повышению квалификации. А подписку о невыезде и допуске «001» у них Томас собирает. Затем клятва верности «Его светлости князю

Выборгскому» и добровольный отказ от распространения знаний по теологии. Все, что необходимо, мы засекретили, и выдаем только в стенах универа. Рабочие тетради прошнурованы, и сдаются по окончанию занятий. За шпионаж в пользу иностранного государства у нас смертная казнь полагается. Желающих пойти по лезвию ножа резко убавляется. Люди еще не так развращены, как в XIX веке, и к словам клятвы относятся весьма серьезно. Так что уже в феврале состоялся первый совет университета: двадцать пять профессоров отчитались об окончании курсов по переподготовке и показали курсы лекций, которые будут читать. Очень мало специалистов по сопромату, к сожалению. Приходится читать самому, а потом проверять их работы. Но всем нравятся практические работы в лаборатории, где рвутся образцы, гнется консоль, сминаются пробники. Весь цвет европейской науки слетелся на огонек в Выборг и влип в цепкую паутину секретности. И у меня, и у Татьяны богатый опыт работы в секретных НИИ и разведке. А этот опыт не пропьешь! Так что ставка генерала Флемминга на шпионаж оказалась битой, прикуп мы забрали себе в виде 25 профессоров, развязав себе руки, сильно повязанные на образовательных процессах.

Получен, наконец, артиллерийский порох и мелкозернистый бездымный ружейный. Провели испытания и совместили выстрелы по баллистике путем перестрелки и подбора веса заряда. Артиллерийский получился немного слабее и с меньшей скоростью горения, будем дорабатывать, так как вес заряда пополз вверх. А винтовочный, наоборот, слишком мощный, убавили вес пороха в патроне. А затем флегматизировали его воском, так как контрольная серия выстрелов выявила прогар хромового покрытия ствола. Теперь по большому счету мы от XXI века не зависим в плане обороны. Жаль, что подшипники до сих пор приходится таскать оттуда. Заняться подшипниками стальными не сильно удается из-за дефицита времени, и поручить некому. Два старых станка для производства и предварительной шлифовки шариков работают, но в основном для производства готовых осколочных элементов к минам. К тому же массового производства паровых машин пока нет, так что вполне успеваю поставлять подшипники «оттуда». С этим можно и подождать, не горит. В сумме получается пока дешевле импортировать. Технология изготовления достаточно сложна для XVII века. И не требуется пока столько паровых машин. А вот цельнотянутую трубу уже пытаемся получить. Но не все сразу получается. Очень много брака, особенно по толщине стенок. Где-то какая-то хитрость закопана, которой в учебниках

нет. Так что предстоит «командировка» на завод по производству этих труб. Сварные уже освоили и активно применяем. Газовая сварка стала обычным явлением, обжиг известняка для карбида кальция организован, кислородные детандеры и адсорбера дают сжатый кислород. При строительстве металлических кораблей, а заложены еще четыре броненосца, применяем и кислородо-водородную сварку, и сварочные автоматы, но флюс я привожу. Сами пока не делаем. К весне на рейде достраивалось четыре торговых корабля и четыре стояло на стапеле, из них два – военных. А из Москвы пришли сообщения, что царь Михаил против нас экспедицию готовит. Уговорили его все-таки соловчане. Рыбы кожозерские прислали только два обоза, на смешную сумму в пару тысяч, так что придется за долгами идти. Такое прощать нельзя.

Землечерпалка находилась на ремонте в Князево, осенью пришла туда по Шве. Вся эта возня затяяна была, чтобы она не возвращалась на работу на канале. Я отправил письмо Варсонофию, и мы встретились с ним в апреле. Он подтвердил, что Москва готовится к войне. Я развел руками и сказал, что отправлять в мае машину не буду из-за форс-мажора. Кожозерские отсидеться решили! От нас до них довольно далеко и прямого водного пути нет. Точнее, монахи о нем просто не знают. В середине мая отряд в 60 гвардейцев при двух полковых пушках на четырех самоходных парусно-паровых ладьях тронулся в путь. Командовал ими молоденький лейтенант Федор Тимофеевич Лисин, он же курсант второго курса морского корпуса, он же Пройда. Ради такого дела я ему досрочно лейтенанта присвоил. Монахи Кирилловского монастыря сказали, что препятствовать не будут, а валаамские с нами проводниками пошли. В Шальском погосте Ферапонтова монастыря к отряду присоединилось еще двадцать послушников и восемьдесят погонщиков коней и бурлаков. Отряд двинулся вверх по Водле до Кугнаволока. По Водлозеру вошли в порожистую и бурную Илексу, протащили корабли через несколько порогов, и попали в небольшое болотистое озеро, в северный берег которого врезается безымянный ручей, в некоторых местах перекрытый лесоповалом. Пошли в ход электропилы, гвардейцы и монахи расчистили его и в его истоках прорубили всего километровую просеку. Сделали наволок и перетащили ладьи и собственные шлюпки в реку Подломку, оказавшись в Шидозере. Оттуда где на веслах, где волоком прошли по Подломке в Жилозеро и оказались под стенами Кожозерского монастыря. Высадились на перешейке, перерезав единственную дорогу. Чуть ниже истока Кожи выставили пост, который перехватил гонцов, отправленных иеромонахом Савелием за помощью в Онегу. Савелий сдуру попытался из

пушек палить и попробовал на себе точность снайперского огня из СКС и мощь осколочно-фугасных снарядов полковых пушек. Ворота разбиты, стены горят, внутри крепости уже работают штурмовые группы. На обратном пути самой большой проблемой было перевезти казну монастыря: более трех миллионов ефимков. Поделились с Валаамом и Ферапонтовым монастырем. Все как положено. В челобитной трех монастырей три игумена слезно просили вернуть землечерпалку под их честное слово, что с ней ничего не произойдет, а на ее экипаж и гвардейцев даже комары не сядут. Но полтора месяца на этом потеряли.

Оставалось разобраться с войском, идущим от Твери через Новгород. Они вышли из-под Москвы, долго собирались, так как большая часть из них иррегулярное войско. Наконец появились под Новгородом и двинулись в направлении Медведково. И снова пешком! Потому что оказалось, что все ладьи и весь флот находился в рейсах, и еще не вернулся, кто из Выборга, кто из-под Нарвы. Шли они долго, притомились, к ним присоединилось ополчение нескольких монастырей. В один из августовских дней ко мне приехал Томас с письмом. Несколько воевод просят встретиться с ними в Златынке, в трех километрах от моей границы. Томас довольно показал большой палец вверх и хитро улыбался. На машине, так быстрее, выехали к Орешку. Там на новом броненосце направились к Медведкову. Крепость уже давно укреплена, взять ее ни у кого не получится. Тем не менее московский «Спартак» назначил матч там. Они к Чудово подходят. Поприветствовали старых знакомых новгородских воевод и нескольких незнакомых хорошо и богато вооруженных воинов. Томас здесь совсем свой, со всеми раскланялся и перечеловался. Мне отданы положенные княжеские почести, даже к руке прислоняются. Заходим в большой шатер, гвардейцы его окружили и охраняют. Стол от разносолов просто ломится: в центре стола лежит жареный олень, по краям кабанчики, на вертеле крученные. Кстати, и картошка молоденькая, и помидоры есть! Разговор под мед и пиво начали издалека, что, дескать, живем мы мирно и богатеем вместе с вами. Весь товар у нас Выборг скупает, инструмент и дельное железо чуть не вдвое дешевле, чем Москва и Тула, поставляют. Поля наши забиты льном, который весь скупит княгиня Татьяна. Так что ссориться нам не с руки, совсем. В общем, княже, мы тут покумекали с кем надо, это свои, наши сродственнички, поговорили с отцами-старцами, благословенье получили. Мы же знаем, что счет будет 10:0 в твою пользу, видали мы, как твои пушки бьют, и как один гвардеец двадцатых за раз кладет. Поэтому предлагаем разойтись 1:0 в твою пользу. Москвичей мы в ножи ночью возьмем, обозы пополам, и по домам. А ты, княже, черкни у себя

в «Правде», что состоялась битва под Юшково, где ты разбил московских, а остальные бежали, бросив обозы.

Удалили по рукам, и первый договорной матч «Зенит» – «Спартак» закончился со счетом 1:0 в пользу «Зенита». Публика неистововала! Особенно болельщики из Москвы, но, их на матч не пустили! Билеты были распределены заранее в нужные руки. И раздались вопли: «Судью на мыло!», тоже не без участия Томаса. «Какая боль! Какая боль! Аргентина – Ямайка: пять – ноль!»

Глава 14. «Тяжела ты, шапка Мономаха», да и померить не дают...

В середине августа все устаканилось, если не считать «рыбного бунта» в Москве, установилась хорошая погода, и мы втроем: я, Таня и Сашка, переместились в дот. Здесь мы могли почувствовать себя нормальными жителями XXI века. Только браслет электронный носить требуется с автоответчиком «Я – свой», иначе охранная система тревогу объявит. Территория у дота расширилась, мы прихватили два пляжа: на протоке и на верхнем озере. Народ сюда не ходит, совсем. Татьяна приспособилась в неглиже загорать и купаться. Я же со спиннингом на катере ношусь по обоим озерам, ловлю рыбу и охочусь. Сашка шлепает босыми ногами по пляжу и строит қуличики из песка. Было желание вообще мотнуться на Сейшелы и отдохнуть там, но в условиях кризиса в Москве требовалось не отлучаться далеко, а быть на стреме. А Сейшелы? Кстати, а почему они до сих пор Выборгу не принадлежат? Курорты надо чалить заранее, тогда дешевле получается. В общем, в октябре будет готова «Татьяна», она пойдет в Тихий и Индийский океаны. Пора столбить островок на старость. Сообщил об этом Татьяне и получил немного неожиданную реакцию.

– А я еще совсем не старая. Я еще ого-го. И вообще, я тебя хочу!

В общем, отпуск удался. Приехали в Выборг отдохнувшие, посвежевшие и помолодевшие, но экспедиция все же состоится. Требуется застолбить месторождения аммонийной селитры. Места я знаю.

Конец отпуска был смят появлением Настасьи. У нее, единственной из посторонних, был браслет, позволявший приблизиться к доту без обстрела из пулемета и снайперских винтовок, ее и послали к нам члены Совета с известием, что Михаила удар разбил. Ее звонкий голос уведомил, что у нас гости, Татьяна кинулась искать куда-то запропастившийся халатик, мне тоже пришлось футболку и штаны на себя натягивать. Обрадовался только Сашка, с которым Настя всегда играла, качала его, и они в друг друге души не чаяли. Сашка побежал с пляжа наверх, а мы принимали приличные позы и надевали на лица маски дум о государстве Выборгском, стараясь казаться серьезными. Я даже удочку в руки взял, делая вид, что занят важным делом, а не приставал только что к жене, щекоча ее травинкой подмышкой.

– Княже Святослав! Мне херре Густаф и члены Госсовета попросили

уведомить вас, что Совет просит вас прибыть в город. Вести из Москвы пришли: царь Михаил при смерти, его удар разбил, в Москве бунт, прибыли послы московские и новгородские.

– Вставай, Таня, отпуск закончился! – грустно сказал я, сматывая леску, но у меня ее перехватила Настена, которая до смерти любила побросать спиннинг.

– Дозволь, княже, пока вы собираетесь! – она просительно уставилась на меня своими глазищами. Испортила отдых, и еще удочку забирает. Впрочем, уже ничего не изменить, да и не привык я ей отказывать, уж больно послушная и хорошая девушка из нее выросла. Отдал ей спиннинг, хлопнув ее по заду, дескать, не сломай, иду одеваться в очень неудобную средневековую одежду, которую приходится носить большую часть года. Татьяна уже в доте и собирает малыша в дорогу.

– Где Настена?

– На реке, рыбу ловит.

– Ух, я ей задам! Настена!!! Помогай собираться! Чем ты там занимаешься?

Настена появилась со свежевыловленным хариусом, на лице написано и удовольствие, и отчаяние, что в такой клев ее оторвали от любимого занятия.

По дороге назад Настена рассказала, что ее жених на полученную премию за Кожозеро в Гвардейском дом каменный заложил. Грозится к зиме закончить и еще раз заслать сватов.

– А как же учеба, Настенька? – спросила у нее Татьяна.

– Буду учиться, барыня, пока полный курс не закончу, замуж не пойду! – ответила зардевшаяся Настя. Понятно было, что мысли у нее были не только об учебе. Возраст такой, что гормоны бегут впереди паровоза. Жаль, конечно, что так получается, девушка она способная и умная, но против природы не попрешь. Вон, кровь с молоком, тугая вся, налилась и округлилась, где надо. Груди аж к подбородку поднялись и готовы вырваться из-под платья. Созрела девка. Так что отказывать второй раз Пройде не будем. Сама пусть решает, как жить дальше.

В Выборге не обошлось без прибамбасов. С посольскими приехала баба Яга с клюкой, мерзкая и противная. На Руси так повелось, что старое всегда сопротивлялось новому, причем упорно, истово и с полной самоотдачей. И слухи!!! Они расползались со световой скоростью, как радиоволны, скорее всего, быстрее, чем по Интернету. Царь, Романов Первый, умирал, наследник нафлудил и сумел поссориться с одним из

важнейших торговых партнеров. Короче, у него возникли большие проблемы, тем более что военного пути их решения не было. Тут же подняли голову люди старой веры, еще дохристианской. Тем более что в моих пределах они чувствовали себя вполне уверенно: праздновали Иванов день, играли в колядки, наряжались в козлов и леших. Мы с Татьяной, правда, некоторых праздников избегали, через костер не прыгали, так как потом такой сексодром в лесу открывался, что хоть стой, хоть падай. И еще там вместо пива отвар из мухоморов предлагали испробовать. После него абсолютно все равно с кем что делать. Один раз побывали, вовремя свернулись, поняв, что добром это не кончится, больше на эти праздники не ходили. Но корни этих верований сидели глубоко внутри народа. Медведь и росомаха были гораздо более почитаемыми богами, чем Христос. А Перун с собратиями, кстати довольно веселый и добрый бог, почитался в каждом селе. Монахи за это дело всех гоняли, но и сами были не прочь в Масленицу блинов с икоркой вкусить. Масленица – праздник языческий!

В общем, приезжаем в город, у нас народ уже привык, что князь без лошадей обходится, а тут пришлых полно, рассматривают «колесницу», хоть по рукам бей, того и гляди, что что-нибудь нацарапают на капоте. Пришлось машинку в амбар загнать, чтоб не захватали руками. Поведение у всех странноватое: в ноги валятся, что-то причитают. Организовали карету, чтобы до дворца Совета добраться. Там заседание идет, вторые сутки подряд что-то обсуждают. Это мне Томас по дороге поведал. Москвичей интересует все: как, сколько и почему так. Посольство большое, одних бояр человек тридцать. Их высоченные бобровые шапки везде и всюду. Вопросики каверзные задают. Вдруг чувствую, что кто-то меня под контроль взять хочет. Причем отменной силы внушение идет, блокировку я поставил, а потом и бабу Ягу увидел и перенаправил эту мощь на нее саму. Ее всю заколотило, она взмыла от напряжения, стараясь изменить, в свою очередь, поток сознания, да где уж ей против хорошо обученного человека справиться. Забилась в судорогах и уснула. Но прецедент создала. Народ вокруг нее забегал, раз волновался. Я на ухо Татьяне сказал, что произошло, дескать, гипнотизер у нас в Совете, еле отбил атаку, мощная старушка. Татьяна подошла к Яге, дала той нашатырь понюхать, привела в чувство, и вывели старуху из здания. Находиться рядом с таким человеком не слишком приятно, да и опасно. Но вместе с ней выскочила и половина бояр. Они, оказывается, спецом ее притащили. Слухи по Москве поползли, что Святослав, внук Рюрика, вернулся и сел в Выборге. Вот они вещунью и приволокли. Ведунья очухалась и уже на

площади рассказывала свои видения, а все, раскрыв рты, ее слушали. Дескать, «не шмогла я! Шо я, шнайпер, штоле? Не пустил меня князь в себя, на саму себя оборотил. Так может только воин, самим Сварогом обученный, так что верно говорят, что “Он вернулся”!» Откуда ж ей знать, что этому не Сварог, а психологи разведку обучают. Но дальние подступы моего сознания бабулька обстрелять смогла. То, что Рюрики нам родня дальняя, в семье предания ходили. Несколько источников, в летописях, это дело подтверждали. В общем, московские вернулись в Совет со странной просьбой съездить в городище под Новгородом. Там был лабиринт, внутри которого меч был спрятан. Последовала просьба вытащить из тайника меч Рюрика. Дескать, только по прямой линии это место передавалось из уст в уста.

— Так, а зачем мне это нужно? — задал я вопрос Долгорукому, который возглавлял посольство.

— Сердечно просим, княже! Ходют по Руси слухи, что все невзгоды наши оттого, что не уберегли мы Рюрика, всех отроков его погубили, а на трон, по наущению Филарета, его сына посадили. Найди меч Рюрика, и мы тебя на трон московский посадим. Мы знаем, что ты, как и князь Святослав, веры дедов наших не предавал, не перекрецивался. Дружины твоя тоже Христу не поклоняется, и силища от этого имеет.

— Ты, знаешь, боярин, мне и в Выборге дел по горло, а брать на себя еще и Москву мне совсем не с руки. Вы от рук отбились, бузите постоянно. Вместо того чтобы дружить и работать, войной на меня пошли. Совсем из ума выжили. В сказки еврейские верите, постоянно бунты какие-то. Совсем загордились. Думаешь, что если шапка высока, то и ума палата? Не так это! Боярин — это воин, а вы обабились.

— Знаем мы это, видим. Потому и приехали. Рюрику Москву отдадим. Думай, княже. Не гоже землицей нашей и народом разбрасываться. Слезно просим.

— Дай время подумать, боярин, а то так вот с панталыка: раз-два и русский царь. Взвесить все нужно. Я ведь не знаю, нужно ли вам это! Не поздновато ли спохватились.

Собрал я бояр, заставил шапки снять и пройтись по заводам и верфям, выехали на поля, съездили в Князево. Посмотрели на все своими глазами, увидели, как рождается на прокатном стане рельс, как из-под пресса выскакивает практически готовая стальная лопата. Увидели, что со мной простой люд здоровается, шапку не ломает, что руки у меня у самого в мозолях, и все это ими сделано.

— В общем, так, бояре, в Москве сидеть я не буду, заранее

предупреждаю, что столица будет здесь, в Выборге. Будем учиться и жить по-новому. По старинке уже не проскочит. Запад бежит впереди нас, и вот-вот захочет силой помериться. Не случайно они заинтересовались нашими землями. Армия нужна регулярная, и флот, сильный флот. А для него ученые люди нужны, и не в церковно-приходской школе обученные. Образец вы видели у меня в Выборге. Устраивает такая жизнь? – тогда по рукам, и идем меч-кладенец доставать, нет – я никуда не поеду, выбирайтесь из смуты сами. Сами заварили, сами и расхлебывайте. Думайте, если согласны, приезжайте после смерти Михаила. Сейчас, при живом царе, я в Новгород не поеду. Не хочу дополнительную смуту в дурные головы вносить. Вот так вот. Так что бывайте. Доброго пути.

– Дозволь посольство оставить, княже, и рабов твоих, детишек наших, в корпус и в университет записать. – поклонившись, сказал Долгоруков.

– Посольство стройте, а прием в корпус и в университет уже произведен. Только в следующем году. И без подготовки туда не поступить оболтусам вашим. Пусть в школу пока походят.

Распрощались по-доброму. Но тишь да гладь в Москве редко проскаивает! Бабка оказалась с «двойным дном». Посыпал ее лично наследник, она должна была заставить меня сказать вслух, что я – самозванец. Заплатили ей за это большие деньги, а задание она провалила, да еще и слова про Сварога сказала. Посему по приезду Алексей приказал казнить ее, и заполыхала вся Москва. Русский бунт тем и страшен, что абсолютно неуправляем. Наследник был поднят на копьях, и туда же отправилось все семейство. Вошли к Михаилу, а тот уже мертвый лежит. Сердце отказалось. В ноябре, уже по снегу, опять посольство заявилось, и пришлось ехать в Новгород. Из Волхова в Мсту прорыт канал в незапамятные времена, там и жили князья новгородские, а не в крепости. А неподалеку и стояло это древнее городище. В нем крытый деревянный лабиринт сделан. Таких довольно много по всему Северу разбросано. Кто и для чего делал, неизвестно, назначение исчезло в веках. При Рюрике его еще и закрыли сверху полностью. Где-то там внутри, по преданию, его меч лежит, который землю нашу берегает. Наследник Рюрика должен знать, где он лежит, и клясться на нем берегать землю русскую. Вот эту традицию и пытаются возродить бояре, чтобы со смутами покончить. Ну, правда, где он лежит, мне никто не говорил, и вообще об этой славной традиции мне стало известно совсем недавно. Одно хорошо, я в полной боевой, и под «лешаком» у меня висит ноктовизор и хороший металлоискатель. Три монаха с трудом раскрывают вход в лабиринт.

Зрители остаются у входа, из лабиринта сильно несет пометом летучих мышьей, целое облако которых выпорхнуло оттуда. Видок у лабиринта несколько мрачноватый. Вхожу. Внимательно осматриваю стены. У входа они заплесневели, никаких следов, кроме штришков от крыльев насекомоядных. Отойдя чуть подальше от входа, гашу дымящий и дающий неровный свет факел, надеваю ноктоворизор и еще раз осматриваю стены. Есть! Есть отметины. Очень аккуратно и незаметно нанесены под самым верхом. Иду по отметкам. Удивительно, но ни разу не зашел в тупики. Очень качественный путеводитель. Почти как нить Ариадны. Тут пискнул металлоискатель. Я поводил им по стене. В одном месте пищит гораздо сильнее. А никаких отметок или лючков нет. Замечаю наверху что-то вроде надреза. Тут меня осенило, буквально пробую повернуть бревнышко. Поддалось! Вращается! Пахнуло чем-то прогорклым, неприятным. Внутри какая-то пакля, пропитанная протухшим салом, и в нее завернут небольшой, чуть больше 80 сантиметров длиной, прямой клинок. Довольно аккуратно завернут. Скорее всего, это и есть меч. Возвращался по следам, нашел факел, опять зажег его и вышел из лабиринта. Там почти скора, мои гвардейцы заволновались, потому что отсутствовал я почти час, и уже собирались разобрать по бревнышку древнее сооружение.

– Тихо всем! Этот? – А его же никто никогда из присутствующих не видел! Визги восторга, все кинулись его рассматривать, а я выбирал слизняков, налипших на «лешак» в подземелье. Пройда помогал их со спинами снимать. Довольно мерзкое сооружение. Вот же придумали где раритеты хранить. Его место – в музее. Меч мы забрали с собой и уехали обратно в Выборг. Боярская дума практически в полном составе постановила просить князя Святослава занять московский трон, но не тут-то было! Патриарх Иосиф встал в позу, дескать, трон православный, посему нехай Святослав крестится, и только в этом случае он получит право сидеть на этом троне. Хотя Рюрики сели на него несколько раньше, чем крестилась Русь. Поэтому я ответил таким же категорическим отказом и перестал принимать и бояр, и попов. Все зашло в обычный в этом случае русский тупик.

Глава 15. Польско-крымская провокация. Враг у ворот

Зима не принесла никаких изменений, мы активно строили флот, который приносил стабильную и высокую прибыль, и начали изыскания по прокладке железной дороги в Костомукшу, чтобы перейти от сбора озерной руды и сильно сернистых пиритов на нормальную обогащенную руду. Но дело это муторное и долгое, особенно в условиях отсутствия тяжелых средств механизации. Поэтому пока ведем изыскательские и топографические работы. Местность сложная, множество естественных препятствий, требуется взрывчатка, а она, возможно, прибудет с первыми кораблями из Вест-Индии и Индонезии. Ближе ничего пока нет. Из-за «малого ледникового периода» на Балтике замерзают практически все порты, и зимой проливы забиты плавающим льдом, поэтому зимой все только на санях. Как мы и предполагали, в феврале сыграли свадьбу между Федором и Настей, и уже к весне стало ясно, что Настена ждет первенца. Но в университет бегает, Пройда тоже учится, с ним удалось поговорить, чтобы не обращал все в домострой, а уделил жене должное внимание и нанял домой помощников для нее. Так они и поступили, во всяком случае оба пока уделяют должное внимание учебе, и больших проблем не возникает. Денег у них хватает, чтобы содержать слуг.

В мае, с началом навигации, я отказал в землечерпалке Иосифу и Варсонофию и поставил ее копать канал в Сайму, у меня, правда, было еще три таких же машины, но зачем людям делать добро, если они отвечают злом. Такое положение, впрочем, продолжалось не так долго, так как около 40 тысяч крымских татар вторглись в Путивльский, Севский и Рыльский уезды. В плен попало около 50 тысяч человек. И все прошло совершенно безнаказанно, и всего в сотне верст от трех новых крепостей, которые усиленно строил Михаил целых двадцать лет. Поэтому не смог я отказаться принять полную делегацию боярской думы, которая прибыла не в шапках, высотой в метр и более, а в шеломах и панцирях. Шапки свои они в обозе оставили, а в крепости появились в броне.

– Хан Богадур-Гирей обошел наши засеки и атаковал три уезда. А войска нет, белгородцы даже подмоги не прислали. Так и отсиделись за стенами. В уездах даже петухов не стало, все вычистили. Мы свое слово еще осенью сказали, зараз последний из нас, кто был против, стал по нашу

руку. Прикажи принести Рюриков меч, крести им нас, прими присягу нашу вассальную и царствуй, царь Святослав. Спаси землю русскую. Твои условия мы знаем, и как скажешь, так и будет. Земский собор так решил. – за сорока двух бояр говорил князь Ромодановский, самый пожилой из всех.

– А что патриарх?

– Земский собор так решил. Рюрики от веку нами правили, так тому и быть. – твердо ответил еще раз старец. То есть в стране очередной переворот, патриарха от решения вопроса просто отстранили. Чисто формально никакой я не царь всея Руси, а как был князем Выборгским, так им и остался, но принял присягу всех членов Госсовета, который тогда назывался Боярской думой, то есть членов правительства государства Российского. Среди них были люди, которые отвечали за армию, за полицию, за финансы и за внешнюю, и внутреннюю политику. Причем во времена Михаила частенько дела велись параллельно. Вон сидит Милославский, так тот в прошлом году, чтобы умиротворить турок, им Азов отдал, Михаил это дело поддержал, и тестя его сына получил немалую мзду. А сейчас неоткуда войско послать, чтобы перехватить громадную колонну, идущую в Крым. А действовать требуется быстро. Или вон, Сицкий, астраханский воевода, известен тем, что дал дозволение беспощадной рыбной ловли под Астраханью, Троицкому, Преображенскому и Вознесенскому астраханским монастырям и причту тамошнего собора; и объявил ногайскому мурзе и его улусным людям, что государь «вины их велел им отдать и велел по-прежнему принять их под свою высокую руку», отдал им государево жалованье и отпустил по улусам. Сейчас в Разбойном приказе сидит, жалобы разбирает. Однако часть людей вполне стоящих и о государстве думающих. Упремся – разберемся. Ромодановский был ключником и сохранил от бунтарей казну царскую. Привез полный отчет. По нему получалось, что в руки мне попало государство-банкрот с кучей злостных неплательщиков налогов и алиментов. В казне Выборга деньжат поболее будет. Так что не любовь к Родине-матушке их к моим ногам бросила, а обычная меркантильность: спешили прислониться к более богатенькому, мож чего и урвем.

– Так, кто винокурнями занимается? Есть такие?

– Я, думный дьяк Щербатов, Димитрий.

– Так, показать на карте, где находятся, можешь? – Он остолбенело смотрел на меня, не понимая, что от него хотят. Я его подтолкнул к своему столу, где лежала карта Европейской части России.

– Показывай, где винокурни стоят. Сюда не лезь, вот тут показывай.

Дьяк вчитывался в названия городов, а они написаны с другим

правописанием. К нам подошел князь Долгоруков и вызвался помочь несчастному дьяку, которому экзамен по географии устроили. Ну, а когда он увидел курвиметр, которым я покатил по карте, он чуть остатков разума не лишился. Я же карандашом выписывал расстояния и пересчитывал все на тонны.

— Так, Иван Владимирович, спросите у него, что требуется, чтобы получить с государевых винокурен вот такое количество спирта, и требуется примерно полторы сотни пудов масла, любого, кроме сливочного: конопляное, льняное, горчичное, просо, подсолнечник, абсолютно любое. Просто мне самому быстро столько не перебросить на такое расстояние. И примут ли там выборгские деньги.

Князь расспросил растерявшегося дьяка обо всем. В общем, если срочно перебросить в Новгород спирт на обратную дорогу и организовать его переброску по Днепру, то даже назад батальон вернется без особых проблем. На глазах у всех снимаю телефон, который стоял у меня в ящике стола, чтобы глаза никому не мозолил, и звоню в Гвардейское. Из аппарата раздается довольно громкий ответ дежурного.

— Второй батальон поднять по тревоге! Командиров ко мне, срочно. Двойной комплект заправщиков. Боекомплект полный. Тревога — боевая. Исполнять.

— Есть, княже! — и, даже не повесив трубку, заорал: «Второй батальон, боевая тревога, выходи строиться! Бегом!», трубка, наконец, прекратила кричать и загудела короткими гудками.

Притихшие бояре осторожно поглядывали на меня, перешептываясь: что происходит?

— Что происходит, что происходит? Избрали меня? На царство посадили? Меч Рюрика целовать заставили? Вот я и принял командование. Второй гвардейский батальон армии Выборга сейчас получит приказ выдвинуться в район Белгорода, и оттуда перехватить колонну пленных, которым в Крым идти 350 верст. А татарскую конницу — уничтожить.

Через 12 минут в кабинет ввалилось командование батальона и придданной батареи. Все в такой же форме, как и я, старший лейтенант Стрешнев доложился, что батальон поднят по тревоге и вышел в район сосредоточения. Идет погрузка боезапаса. Вторая полевая батарея вышла из парка, следует в район сосредоточения.

— Здравствуйте, товарищи командиры. Отряды крымского хана Богатур-Гирея две недели назад атаковали несколько районов на юге России. Силы противника оцениваются как 40–50 тысяч сабель при

нескольких орудиях. Атакованы и взяты города Путивль, Севск и Рыльск. Противник действует тремя большими ордами. В настоящее время рейд ими завершен, захвачено большое количество пленных, и он имеет большой обоз из награбленного. Смирно! Слушай боевой приказ! Батальону изготовиться к маршруту: Гвардейское – Ниен, где будет организована переправа и пополнен запас горючего. Далее следовать на Новгород – Валдай – Тверь – Москва – Тула – Курск – Белгородская крепость. Возимый запас топлива не должен опускаться ниже 1200 километров на каждую единицу техники до самой крепости. Произвести разведку местности, обнаружить противника, который отходит сейчас в сторону Перекопа, отбить пленных, противника уничтожить. Вот письменный приказ от боярской думы, призывающий комендантам и воеводам оказывать вам поддержку и обеспечивать снабжением. Стрешнев, главное в этом рейде связь и взаимодействие. Получи деньги, вот приказ. Действуйте с максимально возможной скоростью. Все свободны. Исполняйте. Водород и оболочки не забудьте.

Иван Владимирович Долгорукий, а он считался главным воеводой объединенного войска московского, рукой поправил отвалившуюся челюсть, оправил бороду:

– Государь, дозволь на войско твоё глянуть, и пошто нас не задействовал?

– Вы за ними не успеете. Ну, а гвардию? Посмотрите, посмотрите, но не сегодня. Днями. – я снял опять трубку телефона и приказал начать погрузку запланированного количества топлива и боеприпасов для отправки их в Новгород. Оказался я в положении Николая Первого перед Крымской войной! Транспорта нет, горючего на той стороне практически нет. Поляки Днепр перекрывают. Древние наволоки не действуют. Все четыре землечерпалки отправляю заканчивать Волго-Балт, причем одну из них по прошлогоднему пути пробивать канал из Онеги в Онегу. И чтоб в этом году каналы были закончены.

Дорога батальону предстоит тяжелая и долгая, наши дороги по сравнению с теми выглядят как хайвэй! Если у себя я немного порядок с этим навел, то на остальной части России плохих дорог и дураков в разы больше, чем сейчас. Одно хорошо: гаишники отсутствуют. Так что максимум двадцать кмэ в час, пылища и полное отсутствие указателей. Ну, разве где камень-вещун попадется: налево пойдешь – убитому быть, направо – коня потеряешь, а прямо – туда лучше не ходить. Поэтому ориентироваться придется методом опроса местных жителей, а среди них

запросто какой-нибудь Сусанин мог затеряться или затереться. До Новгорода не заблудятся, а там провожатых возьмут. Все равно скорость противника еще меньше: километра три-четыре в час. Так что догонят. На расстоянии в 200 километров я их отслеживать могу, а чтобы ничего подобного не произошло, выгоняю «Татьяну» в море, пусть пеленгует радиосигнал оттуда. Я на месте, а еще на буксир передал, чтобы пеленговали от себя на КВ. Какое-никакое, а навигационное обеспечение. До Ниена у батальона было даже 35 км в час, затем скорость упала до 25 км/ч. У них есть шары, чтобы высоко поднять антенну. Так что морянкой все смогут передать, что нужно, а мы за это время придумаем, как им топливо и БЗ подбросить. Будем искать варианты. Я этот вопрос несколько запустил: морских кораблей хватает, а с речными, кроме деревянных ладожских ладей, ничего не строим, только баржи. Удобные они, правда, не для боя. Топлива в самом Новгороде много, его под сбор урожая туда засунули, так что почти без остановки батальон двинулся дальше. Первая заминка произошла уже под Москвой: двое суток на переправеостояли из-за сломанного парома. Непосредственно через Москву не пошли, обошли ее от греха подальше, а за Тулой и скорость прибавилась, и топлива больше стало, меньше времени стали терять на бункеровках. Ведрами ведь самогон в цистерны переливали, и перед этим проверяли: горит – не горит. В Белгороде сказали, что поляки пропустили татар через себя, и возвращаются они той же дорогой, через Полтавскую крепость. Сейчас под Полтавой идет большой базар, распределяют рабов и награбленное. Стрешнев рванул туда, уже не жалея ни топливо, ни технику, через Дьяков острог.

Но уже в Остроге стало известно, что орда из-под Полтавы снялась, движется на юг к Днепру и переправе через Орель. Стрешнев взял восточнее, форсировал Орель у Лычкова, решил встретить противника на переправе. Разведка доложила, что атака с ходу невозможна, и все из-за баб. В колонне практически не осталось мужиков, их продали в Полтаве (пойдем назад – разберемся). Девок и женщин ведут дальше, там на них цена выше. На шею у каждой накинут аркан, который крепится к луке седла. Если татарин пойдет в атаку или лошадь понесет, то сзади будут болтаться один-два трупа. Местом для засады выбрали междуречье Орели и Заплавки. Ниже по течению река глубокая, до шести метров, а здесь обе речки разливаются до ста метров примерно, дно песчаное, так что волны пройдут. Воды где-то по пояс, так что сушиться будут. Два соленых лимана не дадут никому уйти. Разведка видела, что при переправе через Коломак женщин отгоняли чуть в сторону под небольшой охраной, а сами в это

время крутились на конях и джигитовали. То есть орда временно разделялась на «мирняк» и орду. Заманивать вызвались казаки из Белгорода. Гвардейцы оборудовали позиции, замаскировали их, разложили путанку в густой траве, закрепив ее стальными костылями. Орда появилась ближе к вечеру, перешли через Орель и начали разбивать лагерь. Из засады выскочили казаки, дали несколько выстрелов и пустились наутек, увидев, что многие татары прыгнули на коней. Двадцать казаков и несущаяся вслед за ними конная лава на фоне красного заходящего солнца. И тут навстречу лаве вылетают ВГ-40СЗ, и начинают работать «печенеги» и «корды» с фланга, лава на разворот, а там «путанка» и мины. А сверху шрапнель рвется. В десять минут было все закончено. К Стрешневу подъехали казаки.

– Барин, да как же так! Ты что, чертей выпустил?

– Их самых, выборгских. Знай наших! Добивайте оставшихся и подтягивайтесь к их лагерю.

Татары сбились в кучу, окружают себя подводами, возками и арбами. Разведка во время боя успела положить из «Валов» охрану женщин, и те сбежали через переправу на другой берег. Внутри круга есть немного пленных, но совсем немного. Стрешнев через усилитель приказал сдаваться. Уже темнело, и татары в темноте не опасались атаки, считая, что хорошо укрепили позиции. Пришлось опять бить из СЗ, и внутри круга начали биться в бешенстве и панике кони. Они как неуправляемые торпеды носились там, сминая все вокруг, ломая себе и людям ноги, пробивая головы.

– Урус! Не ситиреляй! Тавоя визяла!

Пошла обычная работа по взятию пленных: по одному, руки наверх. Иногда раздавались почти неслышные щелчки «Валов», которые подбирали тех, кто решил в темноте тихонечко смыться.

Отсюда до польской крепости Полтавы двое суток пешком, или пара часов езды. Но пришлось идти двое суток. Чтобы не тратить топливо, в квадроциклы запрягли уцелевших татарских коней. Часть погибших коней и волов разделали и засолили, кормить требовалось освобожденных, ну и пленных, которых далеко решили не вести. Добрались до крепости на четвертые сутки. Женщины устали и еле плетутся, обоз загружен так, что оставшиеся лошади и волы его еле тянут, а это имущество освобожденных и трофеи, которые продать можно, чтобы выжить, ведь все «дома» сожжено и разграблено. Белгородцы вызвали на переговоры какого-то пышно разодетого гуся, который якобы кроме как на польском не говорил ни на

одном языке, и начал откровенно хамить старлею Стрешневу. Стрешнев, он не дворянин, он – наш, водьский, из Князево, в шведской армии дослужился до лейтенанта. Послушав, как шипит «парламентер», не задумываясь, двинул ему в зубы.

– По-русски говори, а не шипи, как гусь, морда твоя литовская. – национальность переговорщика он угадал абсолютно точно. – Ты и твои люди купили краденое. Времени у тебя до обеда, чтобы вернуть всех наших людей. После обеда ни тебя, ни твоей крепости не станет. – Голос у него был хриплый, сорвал, оравши на пленных, которые русского не понимали. Злющим был из-за того, что белгородский воевода опаздывал со своим войском, и батальону приходилось заниматься конвоированием.

Вытерев кровь с губы, литовец перешел на русский:

– Мы купили пленных, это по закону.

– Моих людей вернуть, всех. Сколько вернете, столько татарвы получите. Все, пошел вон.

– Кто ты, чтобы так говорить с дворянином?

– Командир батальона гвардии его светлости князя Выборгского, нового русского царя. У тебя времени мало. Я ждать не буду!

Обеда поляки решили не дожидаться, подняли боевые флаги, выстрелили из пушек, и получили в ответ шесть шрапнелей над валом. Боевые стяги сменились на белые, опять переговоры. Наконец, появились первые освобожденные, но женщины Стрешневу в ноги бросились, сказали, что мужиков купили в три раза больше. Пришлось осколочно-фугасными заряжать, но, увидев приготовления к штурму, поляки вывели остальных мужиков. Ближе к ночи обмен закончили, так и остались лагерем стоять неподалеку от крепости. Ночью была попытка провести разведку, которую жестко пресекли. Утром тронулись в сторону границы, и наконец появилась конница из Белгорода.

– Задержались, чтобы, как оговорено было, водку тебе привезть! – попытался оправдаться воевода. Но глазом он косил только на обозы. Кроме трофеев, его ничего не интересовало. Казаки сказали, что пока они не приехали и не сообщили, что орда разбита, никто никуда выступать не собирался. Из Выборга пришло приказание передать все белгородским и направляться в сторону Курска. Время разбираться с белгородскими еще не пришло. Смена караула очень не понравилась бывшим пленным, дескать, на кого бросаете! Так, под слезы освобожденных ненадолго женщин и мужчин, батальон, отдавая им воинскую честь, пропылил по дороге в сторону Курска. Запасов топлива хватало только, чтобы добраться туда. Обоз с топливом вышел из Тулы. Эту проблему еще только

предстояло решить. Свободных людей, может быть, и отпустят, а крепостных ждет очередная продажа.

Глава 16. Выборный царь и Госсовет в место боярской думы

Обо всем этом Стрешнев рассказал мне в августе 1644 года, когда батальон вернулся в Выборг.

— Я понял, Яков Михайлович. Спасибо, отлично сработали. Отдохните пару недель. Заодно привет дядьке своему Порфирию передадите. И выбирайте место службы: либо в Белгород градоначальником и губернатором области, вместо думского дьяка Медынского, либо в Царицынский погост. Там в следующем году начнем канал строить, чтобы Дон и Царицу соединить. Надо людей собрать и порядок там навести. Есть еще одно место: остров Брентон. Но это только через год.

Он выбрал Царицын. Не хотят служивые заниматься госслужбой, хоть убейся. А жаль, на месте белгородского губернатора был бы в самую тему. И еще он заинтересовался поездкой в Новый Свет. Есть такое уникальное место на Земле, где все природой сделано для строительства мощного сталеплавильного производства. Пока эти места почти пустуют. Есть несколько семей, которые считают себя акадийцами. Территория спорная между Англией и Францией. Но в сумме там сейчас и пятисот человек не проживает. Самое время прибрать к рукам. В Англии — революция, а французская «компания 100 акционеров» вот-вот разорится. Кораблей достаточно, чтобы поддержать колонию. Тем более что не верю я в то, что ситуация в России изменится в мою пользу. Так и буду неприкаянным сидеть, пока не помру. Не отдаст церковь свои наделы. Это удалось сделать только Екатерине Великой, и после ряда блестательных побед нашей армии и флота в европейских войнах. Даже если возить сталь из-за океана, она там дешевле получается, чем в Выборге. Здесь коксующегося угля нет, руда далеко и местность сложная. А народу, чтобы проложить железную дорогу, попросту нет. Едва на заводы хватает. Так что запасная площадка нужна. Больше всего интересует уголь! Да и руда не помешает. Тоннажа хватает. В ближайшее время, скорее всего, предстоит с Гиреями в войнушку играть. И поляки подпишутся. Пленных будет много. В этот раз всех пришлось отпустить, фактически «подарить» Медынскому. В итоге и народ в пострадавшие уезды не вернулся, и сами ничего не обрели. Татьяна, правда, сказала Госсовету, теперь он так официально называется, чтобы переезжали в Выборг, но пока здесь никого нет. Бояре уехали, меня

в Москву и калачом не заманишь, а патриарх будет продолжать агитировать думу сидеть в Москве и ждать. И его, и думу бывластие устраивает. В мутной воде ловится самая большая рыба. Так что появляться они здесь станут только в крайних случаях, типа нападения неприятеля.

Самому надо развивать торфодобычу, это и газ, и жидкое топливо после перегонки, и сухой торф неплохо отапливает помещения. Если людей на переселение набрать не удастся, то даже не знаю, что делать! Уголь есть в Кизеле, это на Косьве, притоке Чусовой и Камы. Но и сама Кама порожистая и Косьва – тоже не подарок. В сумме более трех тысяч километров водных путей набегает. Так что вот, набрал максимальную мощность, вот и сиди, и не кукарекай. А развиваться надо, иначе все потеряешь. Собственно, я злился еще и потому, что денег на экспедицию вбухано совсем немало, могли бы их и с большей пользой потратить. Пришлось еще и ставить три землечерпалки, и за свой счет пробиваться на Волгу. А оно мне надо? Конкурентам помогать?! В общем, сам на себя злой, спускаюсь по трапу из башни, смотрю, возле Татьяны стоят шесть членов Госсовета, откуда взялись, не понятно, и фигли они здесь делают. И снова в броне, а не в кафтанах и шапках. Не иначе, как опять кто-то напал! Язви их душу. Повернулись ко мне, откланиваются. О боярской стороне вопрос стоит. Их семейства прибудут после сбора урожая, а они решили первыми лучшие места себе отхватить. Ромодановский поздравляет с победой и говорит, что привез деньги, собранные для ополчения, которые потратить не пришлось, так как воевать ходили мои люди, и тратился только я. А он еще и честный мужик! Он же сказал, что Госсовет отставил думного дьяка Медынского за трусость и злоупотребления, приговорил его к ссылке в Березов, пожизненно, с конфискацией имущества в казну. Так что не все потеряно в России. Еще потрепыхаемся. Поднялись ко мне. Госсовет заседал по поводу Крыма и решил следующей весной Крым воевать. Владиславу, королю польскому, подготовили письмо, где его обвиняют в нарушении мирного договора и науськиванию татар на Русь. Злое письмо, просят подписать. Хорошо, ничего против не имею. В общем, расхрабрилась бывшая дума. Уже и Азов им взад подавай! Здесь пришлось их остановить.

– Вот что, пока Царицу с Карповкой каналом не соединим – дергаться не стоит. Азов наш будет, когда запасы для войны сможем создать в достаточном количестве. И быстро их перебрасывать, вместе с войсками. Рельсы у меня на заводе видели?

– Видели, конечно, государь.

– Вот такие рельсы надо по всей стране проложить. Работы не на один

год. И прибыль с этого будет немалая.

Постановили создать Дорожный приказ, это что-то вроде Министерства путей сообщения, но без выделения в Москве или Выборге отдельного здания или квартала. Впрочем, кое-какой опыт из старой советской практики в этом вопросе не помешает. Госсовет по этому поводу уже высказался и постановил: «Обязать товарища Фергюсона с сотоварищи из Выборгского университета предоставить Генеральный план развития Выборга как столицы СССР, и положить ему оклад как министру». Что-что, а раздувать штаты и бюджет они мастера. Но предложение дельное, действительно, масштабы теперь совсем другие, а Выборг город маленький, ему еще расти и расти. В Москве роль зданий министерств выполняли башни Кремля. В каждой башне располагался свой приказ, некоторые башни делили между собой несколько приказов. На эту мою недоработку тоже указали пальцем, поэтому озадачились выбором места под здание «Верховного Совета», для себя любимых, Зимнего дворца, это, видимо, для меня и окружения, и восьми зданий под постоянно действующие Приказы. Плюс Посольскую деревню и Боярскую сторону. В общем, размахнулись очень даже некисло, рекомендовали из Италии выписать архитекторов, о чем составили мощное письмо во Флоренцию российскому послу.

Ромодановский, как министр финансов, быстренько все посчитал, подбил дебет с кредитом, ввел монастырский налог, отменив все льготы монастырям, в отместку патриарху, который зажал шапку с дубинками. Недолюбливал он Иосифа. В общем, дело закрутилось, не без перегибов, как водится, но в карман Выборга не лезли, а так пусть решают.

В целом, не считая некоторых деталей, разговор мне понравился, главное, что Госсовет работать начал, и появились люди, из старых кадров, которые желают работать и понимают, что присягу требуется выполнять. Конечно, себя, любимых, тоже не забывали, тут же договаривались о поставках зерна, пушнины, мяса с моей судоходной компанией. Все жили не только службой, но и торговлей, в том числе и с Европой. Наличие флота у Выборга было мощнейшим фактором для сотрудничества всех и вся с нами. Тем более что элеваторы в порту имелись, и погрузка шла при помощи пневматики. «Букашки» имели стальные трюма, предназначенные для сыпучих и навалочных грузов, а это здорово удешевляло поставки, так как не требовались мешки для упаковки. По осени нам предстояло выдержать просто бешеные скорости обработки судов в порту, так как в Европе неурожай, и цены на зерно поднялись значительно. Сейчас все суда компаний идут под выгрузку, чтобы накопиться к концу года (к 22

сентября) в порту. И у нас, и в России урожай в этом году неплохие. Мы свое зерно не продаем, только муку, а Россия торгует зерном, по старинке. Заодно сбываем довольно большое количество мешков, выпуск которых давно налажен в Князево. В общем, экономики обеих стран уже довольно тесно переплелись. Несколько ранее мы с Татьяной надеялись перетянуть к себе северные области именно за счет кооперации и распределения севооборота, но так получилось, что теперь требуется многое пересматривать. В частности, плотно заняться речным транспортом и баржами. Самая крупная судоходная система Европы сама пришла к нам.

Если удастся соединить Дон с Волгой, то придется делать котлы под твердое топливо. Топить углем – это, конечно, варварство, но заниматься его переработкой никто не станет. Максимум, может быть, удастся переработать на жидкое топливо бурый уголь Подмосковного угольного бассейна, и то сомнительно, что дворяне и бояре что-нибудь, кроме торфа, смогут там добывать. Не захотят они этим заниматься, тем более что их дома и поместья стоят прямо на месторождении. Ходят по золоту, а золото ищут в другом месте!

Князь Воротынский, назначенный в Дорожный приказ, он до этого занимался торговыми сборами, поэтому был в курсе событий, показал примерную потребность в речном флоте. Получалось, что требуется пара миллионов тонн тоннажа. В основном это баржи, которые бурлаки будут тянуть туда-сюда по всем рекам. Основной экспортный грузопоток через порты Онега и Архангельск. Здесь на Северо-Западе сильно мешают два больших озера: Онежское и Ладожское. Они никуда не были включены, потому что мы, Водская пятна или Выборгское княжество, полностью покрывали потребности в тоннаже. У нас почти 600 парусно-паровых ладей построено, поэтому в Таможенном приказе мы не фигурировали, так как пошлину с нас не собирали, а мы вывозили все из Понежья и Новгорода, не считая собственных грузов. Сейчас к ним и белозерские подключились, большая часть канала готова, монастыри от сборов освобождены были, поэтому ни копейки с этого дела в казну не поступало. А по нашим данным, только через Ниен в навигацию проходит почти полмиллиона тонн сторонних грузов, с которых мы получаем пошлину, а Россия нет. Мы еще и на фрахте зарабатываем. Воротынский хочет заложить в бюджет строительство двух «обводных» каналов: по южному берегу Ладоги и по югу Онеги. До Медведково пусть кладет, от него канал в Орешек уже три года как закончен и работает, тем более что это хорошие «зимники», и, конечно, было бы проще все сразу грузить на баржи в 50,

100, 200 и 400 тонн, 600 и 1000-тонные лихтера Орешекского судостроительного завода. Это уже серийная продукция завода на Леймановском острове. Все стандартизировано, есть мысль лихтеровоз построить, вот только линейное судоходство пока не развито, поэтому приходится перегружать дважды. Очень мешает Невская губа: там всего 4 метра глубины до самого Кроншлота, поэтому перегружаемся на рейде острова Шепелевский. Ближе к Ниену крупные корабли подойти не могут, только стотонники. Есть мысль построить причалы и склады на Кроншлоте, но людей маловато. Поэтому в Ниене все перегружаем на лихтера, у них осадка чуть больше трех метров, и один или два буксира тянут караван с ними до Выборга. Схема до конца не отработана. Малые баржи по Вуоксе следуют в Выборг, минуя Ниен и Финский залив. Но Ладога осенью совсем не подарок. Так что страховые риски довольно высоки, выручает то обстоятельство, что сильные ветра в основном западного направления, поэтому вдоль берега буксиры могут проводить баржи в Корелу и Соловьевку довольно свободно. В общем, крутимся, как можем. Появление у нас аммонита и аммонала кардинально решили этим летом: как возить грузы. Очень жаль, что порога для тренировок у водных слаломистов не будет. На Вуоксе теперь четыре шлюза, которые скрыли все пороги, и строится низконапорная ГЭС. Когда-то здесь провели административную границу и отдали в 1816 году эти места обратно шведам. На месте административной выросла настоящая граница, потом война, и появилось место для тренировок на месте шлюза и ГЭС. Больше этих ошибок мы не допустим.

Тот канал, который четыре года приносил мне прибыль в виде строительства Михайловской водной системы, я забраковал: датчане и голландцы хотели, не перегружаясь, на своих корабликах на Волгу бегать, для этого и возводили целых тридцать два шлюза. Так как я в компанию не входил, то мне было все равно, что они делают, лишь бы деньги платили. Проект довольно основательно подорвал экономику и России, и трех монастырей, фактически обанкротив их. Я же, когда подключился к нему, был вынужден искать максимально быстрый способ обеспечить проход кораблей на Волгу. Для этого были соединены через два шлюза реки Андома и Кема в районе Кемского озера через еще одно озеро. Общая длина рукотворной части канала – 1 600 метров. Все остальное – дноуглубительные и спрямляющие работы. А продолжение работ на основном канале назвали второй очередью. Пусть копают и украшают. Мы же врезались в уже готовую часть Белозерского канала и осенью объедались астраханскими арбузами. Для поддержки водного баланса

в Кемское озеро дополнительно сбросили еще две реки, сняв ограничение по частоте шлюзования. Заодно вывезли через себя все зерно, которое четырнадцать монастырей приготовили для экспорта в Европу. Отделили рожь от пшеницы, потому что монахи умудрились «достать» «Безостую-1», ее пустили на муку. Снабжать Европу посевным материалом не стоило. После этого Иосифу остальные «святейшие» намекнули, что зря он в Выборг на поклон не едет. Поклонился бы, глядишь, и налоги бы остались в церковной казне, а так – одни убытки!

Путь в Европу резко сократился! И Соловецкий монастырь, Архангельск и Онега смогли лишь вывезти только то, что сами произвели, причем часть урожая через Вологду и Куганаволок все равно пошла «южным» путем. В конце навигации успели «протолкнуть» на Волгу два земснаряда. Их ждут в Царицынской засеке. По зиме я отправился в Санкт-Петербург присмотреть на разборках подвеску от большегрузных автомобилей и шины для них. Покупать машины целиком было бесполезно и дорого. Для реализации задуманного вполне хватало снятых с разбитых машин передних и задних мостов. Паровой двигатель не нуждается в коробке передач. Управление им гораздо проще. Тормоза могут отлично работать от пара. А вот подшипники и сами мосты с рессорами и раздаточным устройством достаточно компактны и внешне похожи на обыкновенный металлом. В несколько приемов 60 мостов от армейских КАМАЗов перекочевали под Выборг, и в Князево приступили к их сборке. Швеллеры мы уже выпускали, поэтому собрать раму не представляло никакой сложности. Кабины открытые, как на «шишиге». Стекла и дворники не ставим. Смысла ездить под дождем никакого нет. Еще зимой устроили нескольким машинам небольшое ралли по дорогам Водской пятины, вполне ничего, не хуже, чем Париж-Дакар по сложности трасса. На двадцать машин ставим цистерны и насосы, а десятку оборудуем под перевозку БК. Чтобы совсем не рисковать, кузова бронируем от безболовечных пуль. К весне колонна машин была готова. Из водьских осенью набрали второй гвардейский полк. Вооружен он похуже: только СКС местного производства и револьверы «наган» Выборгского оружейного завода. Он останется в Выборге почти в полном составе. Ташить на второй полк «броники» не было никакого желания, но Татьяна сказала, что несмотря на то, что все компоненты для изготовления бронежилетов получены, в сумме они значительно уступают стандартному «Ратнику». Так что, дорогой, езжай и договаривайся. Мы такое пока делать не можем. Так как партия большая, пришлось разбивать ее на несколько, а это время и тяжесть. Но все позади, наконец, и хотя я не понимаю: зачем

в этом мире ББ43 со всеми «довесками», хватило бы и штурмовых ББ13, но дражайшую было не уговорить! Ей пластины для опытов нужны. Говорит, что следующий полк будет экипирован в Князево. Врет, небось! Впрочем, сомневался я напрасно! Как я уже писал, нефти у нас не было и получить высокомолекулярный пенополиэтилен было невозможно. В большинстве легких неармейских брониках применяется именно он. В армейских там сложнее материал, он еще и негорючим должен быть. В общем, с амортизирующим материалом у нас намечалась огромная задница. Но когда в первый раз говорили о бронежилетах, я обмолвился, что в Японии в этих целях в древнем мире использовали крапиву, у которой был единственный недостаток: она плохо переносила влагу и огонь. Татьяна заинтересовалась, списалась с любителями всего древнеяпонского, выяснила некоторые нюансы. Да, в XXI веке никого не заставить работать с крапивой. Засмеют и снимут финансирование. Оказалось, что если с ней работать так же нежно, как с льном для батиста, использовать некрученую нить и многослойное плетение, положить сверху несколько различно ориентированных слоев арамида СВМ, затем залить латексом, смешанным с мелкодисперсной серой, и завулканизировать при температуре 320 градусов с добавлением закиси углерода, то получается великолепный, легкий, очень прочный, упругий, и одновременно гасящий и перераспределяющий динамическую энергию материал. И все делается из натуральных материалов! Полиамидбензимидацолтерефталамид – без приставки «поли», продукт сухой возгонки древесины, если туда добавить обыкновенный ацетилен, нагретый до 400 градусов в присутствии активированного угля, то есть бензол. А потом полимеризовать. Татьяне требовался анилин, чтобы делать красители для тканей. Как побочный продукт получался СВМ, который получают из другого полимера и по иной технологии, чем волокна кевлар, но по свойствам эти волокна близки. По механическим свойствам он превосходит знаменитый кевлар.

Весной первым выступило иррегулярное войско во главе с Иваном Долгоруким. В походном строю, с обозами они двинулись по уже знакомым дорогам, собирая вокруг себя все новые и новые части. Так у них армия устроена: дворянин или боярин обязан по призыву, распространяемому заранее, прибыть в указанное место со своим отрядом. С собой иметь все необходимое для дальнейшего следования к цели. Одеты все кто во что горазд, и только шесть полков «нового строя», по два каждого: рейтарские, драгунские и солдатские, были в единой форме, обученные, могли держать строй и четко выполнять команды. Рейтары вооружены пистолетами

и палашами или саблями, драгуны – мушкетами, шпагами, бердышами и пиками. Солдатские полки вооружены тяжелыми мушкетами и длинными пиками, причем вперемешку, чтобы отражать атаки кавалерии. Командовали новыми полками в основном голландцы, но были и французские гугеноты, и шведы. Католиков среди командиров не было.

Гвардейский полк впервые действовал целиком, логистика показывала, что и топлива, и боеприпасов должно хватить. Заранее, еще зимой выполнили несколько забросок продовольствия, так что всего вдоволь. Использовать и московское войско решили потому, чтобы на шею не садились и привыкали действовать по-новому. Гвардейцы тоже не сразу новую технику и тактику осваивали. Начинали они со шведским оружием и со шведской тактики. По мере обучения перевооружались и меняли снаряжение. Из новенького у них сейчас сборные понтоны, весь май учились их собирать и использовать. Служат здесь подолгу, поэтому проблем с обучением и сменой личного состава практически нет. И что еще хорошо: к своим квадрациклам и машинам относятся как к боевым коням, а не «дяденька Сталин дал покататься». У этих все смазано, все ухожено, чуть где чихнул, сразу куча вопросов. Остановились где, сначала «коней» поят. А уж потом сами. Сложный ремонт им пока не по силам. В каждом батальоне есть три механика и шесть ремонтников. Их специально учили. В общем, командовать такими людьми гораздо приятнее, чем... сами понимаете кем. И к учебе относятся по-другому! Гоняешь их до седьмого пота, уж с ног валятся, а все: «Спасибо, барин! А если так попробовать?» Знают, что «завтра в поход», а там как повезет. Люди все бывальные, большинство – семейные. Это для них работа, хлеб и деньги домой, почет и уважение окружающих людей. Целый класс выпестовывается. Живут они отдельно от остальных, им разрешается брать землю под строительство по поданному рапорту, но 5 дней в казарме и два дня выходных по скользящему графику. Провинился – лишаешься выходных, если что командиры могут и штраф наложить. Телесные наказания я запретил, в гвардии не бьют, а изгоняют. Правда, такого наказания еще не применяли.

6 июля их подняли по тревоге с задачей форсировать Неву. Чуть ниже порогов успешно переправились, там стали лагерем и устроили строевой смотр. После этого объявили о начале Крымского похода. Полк доукомплектовали, так как один взвод разведки оставался в Выборге, и 24 сержанта из полка были переведены во второй полк для ускорения приведения его в полную боеготовность. Второй полк находился не в Гвардейском, а в Лебедевке и в Кравцово, где охранял Выборгскую ГЭС, то, что называется сердце города. Немного времени назад там, в Кравцово,

квартировался 3-й батальон первого полка. Уход в поход выполнен обыденно и скрытно. Заночевали в Чудовой Луке. Здесь уже почти год базируется инженерно-саперный батальон. Его задача – дороги и переправы. И еще одна «сверхзадача».

Глава 17. Проблема болот и «великих» городов

Теперь немного истории: существовали некогда два «великих» города, Псков и Новгород. Великими они были не потому, что большие, а потому, что заложены были в нужном месте и в нужное время. Ибо оба стояли на «великом пути из варяг в греки». Их было два. Начала этих путей и контролировали города. Некогда существовал и водный путь между Псковом и Новгородом, по которому в навигацию проходило тысячи ладей туда-сюда. Но время шло, управление городами несколько разладилось, тут еще и соседи буйные нарисовались. Важнейшую роль в жизни городов играли озера. Особенно одно: Полисто. Теперь его ни на одной карте не найдешь! Имеют озера одну нехорошую привычку: заболачиваться. Ежегодно в определенное время распускается водная растительность, бурно плодятся сине-зеленые водоросли, затем наступает осень, вода остывает, водоросли падают на дно, и начинают разлагаться при малом количестве кислорода. Образуется вначале торф, затем по мере старения – бурый уголь, а если его тектонически сдвинуло вовнутрь земной коры, то образовывается каменный уголь. Так вот, из озера Полисто истекали две очень важные реки: Уда и Шелонь. Шелонь впадала в Ильмень-озеро, оттуда берет начало Волхов, который становится Невой и выходит в Балтийское море. Уда – это приток Сороти, а она впадает в Великую. Через два озера превращается в реку Нарва, и тоже становится Балтикой. Города ссорились между собой, кто из них более крутой и Великий, воевали. Воевать приходилось много. А тут еще и экономика вмешалась: лес – более дешевое и энергетически более выгодное топливо, чем торф. Добывать его дешевле и удобнее. Дрова тоже сушат, но по отношению к торфу, а тем более не слежавшемуся, который почти одна вода, они сохнут мгновенно. И еще один нюанс: сухой торф склонен к самовозгоранию. Процессы, происходящие внутри него, дают метан и одновременно высокую температуру. Торф возгорается изнутри, и потушить его сложно. Требуется создавать целую индустрию, чтобы качественно эксплуатировать это огнителевое богатство. Мы у себя эту индустрию создали, получаем и жидкое топливо, и газы, необходимые для химии и металлургии, и фенолы, и, даже, сверхвысокопрочные материалы – СВМ. Но все это требовало и знаний, и предварительных

капиталовложений. А кто это будет делать? Новгородское вече? Псковский посадник? Им бы вложить поменьше, да получить побольше, здесь и сейчас. В общем, заросло озеро, заболотилось, водная поверхность от величины 3 700 квадратных километров, больше Ильмени и Псковского озера, вместе взятых, сократилась до пары десятков разрозненных озерков, самое большое из них Полисто в целых 40 квадратных километров. Водный путь из Новгорода в Псков, на радость псковичан, прервался. Объединяться и вместе решать возникшую проблему не стали. Каждый из городов содержал собственный путь из варяг в греки и грел себе душу тем, что он им владеет. Не забывая при этом палки в колеса вставлять соседу. Тут еще Литва с Польшей подсуетились...

Оба этих пути сходятся в одном месте. Сейчас это место особо знаменито: Катынь. Произошло оно от глагола «катить». Здесь, чтобы не строить шлюз, просто перекатывали кораблики из Балтийского бассейна в Черноморский и обратно. Если внимательно присмотреться к космическим картам, то еще видны циклопические усилия нашего народа содержать этот путь: видны заросшие каналы, заболоченные озера, соединенные между собой. Один водный путь ведет к истокам реки Великая, второй – к Ловати. Налево пойдешь, коня потеряешь и в Псков попадешь, направо – убит под Смоленском будешь, прямо потащишься, все потеряешь и в Новгороде тебя шведам продадут. Для новгородцев путь начинался в Городце, и через Холм и Великие Луки вел к берегам Западной Двины. У Сурожи поворачивали в реку Каспля и через Демидов попадали в Катынь.

Но после «великой смуты» – Смоленск под Владиславом, попытка отбить город в 1634 году была безуспешной. Смоленские князья не в первый раз выпадают из-под влияния России. Появившийся как столица кривичей, славянского племени, в 882 году город был взят князем Олегом Рюриком, и там был посажен малолетний князь Игорь. За 106 лет до «крещения» Руси. Затем, из-за междоусобной борьбы, князья смоленские, уже «мономаховичи», сошлись с князьями литовскими, Гедеминовичами, из другого раннекняжеского рода, тоже из «варягов» и говорящих на русском языке. Как показали генетические исследования, Гедемин и Рюрик – не родственники, от слова «вообще». С этого момента Смоленск болтался между двумя государствами, как... пытаясь урвать как можно больше самостоятельности. В итоге, после того как княжество Литовское было поглощено Польшей, хотя там и там правили имеющие варяжско-русское происхождение литовские князья-короли, город и крепость стали яблоком раздора между Москвией и Польшей. Смерть предпоследнего из

Рюриковичей подвигла поляков к активизации усилий, и на полвека, город стал «польским». К тому же в начале XVII века крепость москвичи сделали каменной, строил ее тот же архитектор, который строил Московский Кремль – зодчий Федор Конь. Крепость очень неплохо укреплена. И хотя она не помешает полку выйти в Днепр, мелким отрядам и обозам постоянно будет грозить и сильно мешать. А держать возле обозов достаточно сильное охранение сложно. Поэтому только одна рота и пара трелевочных тракторов Онежского тракторного завода занималась расчисткой этого пути, начиная с августа прошлого года. Если Польша вмешается, то быстро и скрытно перебросить войска сможем. Привлечено значительное количество крестьян, работы идут ударными темпами, и даже зимой не прекращались.

Две другие роты занимались дорогой на Москву. Здесь работает десять трелевочных тракторов. Их приобретение в бывших лесхозах и даже на заводе ни у кого недоумения не вызывало. Мало ли для чего приобретаются основные машины для лесозаготовок. Несмотря на то что двигатели у всех дизельные, а не паровые, этих замечательных, выносливых и очень нужных «лесных коников» я переделывать не стал. Попробовали погонять их на искусственном жидким топливе, и они нормально заработали, не хуже, чем на соляре. Немного легких бензоловых фракций пришлось добавлять, чтобы на пуске зимой не барахлили. Чем удобны? Лебедкой и длиннейшим тросом. Великолепной проходимостью, им дорога как класс не нужна. Выносливость на уровне. В лесхозах крутых мастеров отродясь не бывало, и ничего, все работает. Они освобождают просеку и занимаются корчевкой. Мало свалить дерево, его еще надо переместить к дороге, обрубить сучья и ветки, обрезать и погрузить. Все это делает это замечательное изобретение человека. Самую трудоемкую работу берет на себя. Плюс в поход с нами пойдут четыре таких машины. На них поедут понтоны, они будут обеспечивать работу паромов, с помощью которых будут переправляться тяжелые грузовики и спиртовозы. Ведь ни один мост по дороге их не выдержит. А если понадобится срочно заготовить лес для моста или чего еще, то будет кому вытащить их из чащи, закинуть себе на горб пару десятков деревьев и притащить их к переправе. Когда ходил на юг легкомоторный батальон, то всего этого не требовалось. Вес у машин небольшой, и мосты их держали. Для тяжелых «вроде-КАМАЗов» этот путь непроходим без серьезного инженерного обеспечения.

Даже сейчас поездка на юг – это серьезное испытание для техники. Вот и представьте себе, что через каждую речку на пути требуется искать и разведывать брод, городить мост или паромную переправу.

Глава 18. Крымский поход

Утром катер (квадроцикл с навесными понтонами) перебросил через Волхов блок с креплениями, саперы вкрутили и вбили их в землю, протащили за проводником трос от трелевочника, подогнали и закрепили причальчик, и переправа заработала. Я переправлялся почти последним, за мной только саперы спустят на паром трактор и его перетащит его собрат на тот берег. Пока они собираются, колонна начнет движение. Они догонят нас. Идем по трассе будущей железной дороги, минуя Новгород, прямо на Концы, так тогда Вишера называлась. Было решено совместить работы и вести просеку для железки напрямую, чтобы сэкономить время и деньги. Раз уж надобность для «поездки» на юг подвернулась. Через Мсту переброшен железобетонный мост: две береговых и одна срединная опора, чуть смещенная к левому берегу. Видно, что внизу пакет железобетонных свай, а выше – монолитная опора. Съезд с моста – временный, но пакет с бревнами стянут, и грузовики держит. Несколько саперов и куча народу делают насыпь. Крестьяне уже отсеялись и вышли на отход. Работы идут. Всего за 9 месяцев пройдено 240 километров просеки, наведено шесть мостов. Штаб батальона сейчас в Бологом. Уже вечером были там. За 9 часов весь участок прошли. Но это – легчайшая часть пути. Дальше с нами пойдет одна рота саперов, еще одна продолжит работы на трассе. Командира батальона лейтенанта Шварцроде ждала премия в 5000 рублей. Работы ведутся аккуратно, по дороге видел, что все ветки, сучки и комли идут на переработку, газовые фракции, к сожалению, почти не используются, работ по сварке немного, и хранить газы негде и не в чем. Но жидкие фракции перерабатываются полностью. Изготавливаются и тут же пропитываются и складируются шпалы, строевой лес аккуратно сложен на просушку. Голодных лиц крестьян я не увидел. Всюду дымят кухни, все организовано. Молодец!

Он приложился к руке, пожалел, что не идет с нами.

– Ничего, Марк, у тебя работа и сложнее, и нужнее. Главное – порядок! Темп работ меня устраивает, и продолжай в таком духе. Думаю, что по окончанию работ ждет тебя работа в Дорожном приказе. Заслужил!

В деревне Бологое не пересыпают озеро, как это было сделано в нашей истории. Дорога пройдет по его восточному берегу. Передохнув и приняв целую делегацию окрестных жителей с хлебом-солью, они неплохо, очень неплохо заработали на строительстве, сворачиваем на «Московский тракт».

«Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева сразу показалось книжкой по альтернативной истории! Где он тут нашел дорогу? Какие придорожные трактиры? Разбойничьи гнезда, грязь, ямы, шатающиеся мостики, завалы через дорогу, неизвестно ком и зачем сделанные! Как дорога из леса выйдет, так вроде ничего, колея, правда, и тракторам постоянно приходится «КАМАЗам» помогать, но как в лес сворачивает, так и жди свиста бандитского. На нас, понятное дело, не свистят. Хоронятся. Деревушки бедные, окна непонятно чем затянуты, топятся по-черному, сейчас, летом, все готовят еду на улице. Стены вросли в землю по самые окна. Люди выходят на обочину и кланяются, кланяются. Любой из проезжающих – барин и начальник. Скотины почти нет, во всяком случае, хлевов не видно, скорее всего, всю в доме держат, потому что поля засеяны. Точнее, не поля, а клочки земли, чуть побольше современных нам дач.

Тroe суток добирались до Вышневолоцкого Яма, небольшой крепостицы на острове на реке Цна. Сейчас этой крепости вы не увидите. Вокруг около сотни домов. И на каждый десяток по церкви. «Градонаачальник» обиделся, что его не приняли и не приласкали. А за что ласкать? Ему так через адъютанта и передали, что если дороги будут в таком состоянии, как сейчас – в Тобольск поедет, каторжником. Там еще одна речка есть, Тверца называется, так что провозились с переправой довольно долго. Дальше дорога пошла наезженная, по правому берегу Тверцы. По ней барки и баржи таскают. Здесь и случилась первая авария! Испуганные лошади воткнули какую-то баржонку в берег, оборвали постремки, и умотали от погонщика-пацана. Дал ему полтину выборгскую. Ему от роду лет десять, а барки таскает. Вдоль реки люди живут чуточку богаче, но все равно нищета так и прет, и только златоглавые стоят ухоженные, во многих местах «каменные», а кирпича на печки нет. В районе Новгорода и по Поонежью такой нищеты не встретишь. Но там люди в основном свободные, а здесь все давно под барином или монастырем. Так, петляя вдоль Тверцы, прибыли в Тверь. Здесь уже и каменный княжеский дворец, и дома двухэтажные встречаются. Есть торговые и мастеровые люди. Более того, мои гвардейцы спали в казарме. Тверские солдатский и драгунский полки ушли на юг. Так что новенькие казармы в деревянном кремле нас ждали. Моста через Волгу, понятное дело, нет. Пока полк переправлялся, совсем молоденый Матвей Апраксин, комендант крепости, стольник царя Михаила, пригласил командование и меня в княжеский дворец на ужин. Крепенько комендант ужинает и винцом заморским балуется. И концерт художественной

самодеятельности учудил. Апраксины пока род не очень известный, они только начинают. И начнётся все с его, Матвея, приемной дочери-красавицы, у самого Матвея детей никогда не было, которую выберут в жены Федора Алексеевича Романова, но в «этой» истории Федору Алексеевичу родиться не удалось, по причине убийства его отца во время Волхвовского бунта два года назад.

Очень аккуратно ведут себя священники: их как бы нет. Только в Торжке затеяли крестный ход, дескать, целуй, княже, ихний крест и грязную икону. Мне только сифилиса или дизентерии не хватало! Организаторов я не обижал.

— Ребята! Спасибо, что встретили! Это замечательно, что вы понимаете, куда и зачем мы идем. Южные степи грозили нам всегда. После того как разбили половцев, на их место другие кочевники пришли. Или те же самые перекрасились. После захвата Крыма султаном турецким, не стало на югах покоя. Идем освободить Русь от набегов с той стороны. Хватит платить дань людьми, нашими, русскими людьми. Их теперь и в Мадриде купить можно. Не дело это, совсем не дело. Ну, а водой брызгать не надо. От воды оружие ржавеет. Тех, кто Христа помнит и любит, вызови и приголубь. Но в нашем Выборгском княжестве все люди, вне зависимости от веры, равны. Есть язычники, верящие в древних богов славян, водей и других народов, есть православные, есть лютеране, есть мусульмане. Есть те, кто в богов не верит вообще. Но все они идут освобождать Русь от набегов. Здесь народ русский, имеющий общего врага. Выборгский ты, кривич, москвич, все едино. Мы — русские! И это — наша земля. Земля наших предков. Мы говорим на одном языке.

Попы еще немного помахали своими кадилами, и крестный ход остался позади нас, так как мы продолжили движение. Я, на всякий случай, через адъютанта записал их имена и должности. Церковь на Руси существует, это — объективная реальность, и требуется подбирать среди этих сумасшедших наиболее адекватных людей, чтобы максимально снизить их влияние в государстве. Они должны понимать свое место. Кстати, Никону англичане быстренько такое место подобрали: он парашей во всех бараках заведует, как мне сообщили. Общего языка с протестантами он не нашел, лишился большей части зубов и теперь живет возле отхожего места и следит за его чистотой. Шестерых каторжников я освободил, преподают в кадетском корпусе парусное дело и навигацию. Остальных еще перевоспитываем. Но на руднике под Питкярантой, где кормежка зависит от выполнения нормы выработки,

перевоспитание идет довольно быстро.

До Москвы добрались за 6 дней, в Туле со складов пополнили запасы топлива и масла. Заодно я посмотрел металлургический и оружейный заводы Винниуса. Благодаря «мощному» знакомству с боярами Морозовыми, Борисом и Глебом, и умно построенной политике, Андрей Винниус был монополистом по производству железа, сталей и оружия в России. Два года назад Глеб Морозов сменил в Новгороде воеводу боярина Буйносова, с которым у меня и Татьяны были очень хорошие отношения, и стал потихоньку палки в колеса мне вставлять с металлом. Дескать, пошлина есть на ввоз. Все решилось очень быстро: вместо того чтобы платить мзду, я перенес свои склады на границу, там все и покупали металл. Глеб быстро смекнул, что обмишурится, затем переговорил с местными, и когда Татьяна в очередной раз приехала заключать договора на поставку и распределять площади под посевы льна, набился в гости и попал под личное обаяние княгини. Они с братом были бездетны и очень богаты, самые богатые бояре на Руси. Его брат Борис был последним из Госсовета, кто присоединился ко мне. Долгое время именно он блокировал обращение ко мне и действовал заодно с Иосифом. Совершенно понятно, что, обладая такими капиталами и имея непосредственное влияние на царя и его наследников, он больше рассчитывал на старые, уже установившиеся связи. Но именно Глеб уговорил Бориса снять свои возражения и войти в соглашение с остальными членами боярской думы. Лишь после этого оба Морозовых появились в Выборге. Сравнив две большие разницы, они впоследствии оказали немалую помощь в распространении нашего с Татьяной опыта на всю территорию России. Правда, Бориса постоянно приходилось одергивать: он был последовательным прозападником и постоянно искал советников там. Глеб же быстренько переключился на Выборг, одной из причин этого была Татьяна. При малейшей необходимости он обращался к ней, писал длиннющие письма, одним из первых перебрался в Выборг и постоянно присыпал приглашения на праздники в свой дом. Похоже, что был влюблён в неё.

Так вот Винниус в свое время с их помощью получил патент и разрешение и построил завод в Туле, использовав ближайшее к Москве железнорудное месторождение. Все оборудование он заказал в Голландии, а чтобы не испытывать конкуренции, через братьев Морозовых создал тяжелые условия для привозного железа. Наша сталь буквально просачивалась первое время через границу. Лишь добрые отношения с Олонецким воеводой и тяжелый и долгий путь из Тулы на Ладогу и Свирь позволил нам обойти эти пошлины. Плюс, мы крайне мало торговали

боловками и слитками. В основном шли готовые изделия, которые не требовали перековки и дополнительной обработки. Это тоже позволяло обходить пошлины и акцизы.

Завод построен по давно устаревшей технологии домниц. Есть две небольшие домны для производства чугуна. Объем очень небольшой, но мастера у него вполне приличные, если на таком оборудовании могли получать даже пушечный чугун. А вот приводы всех механизмов у него до сих пор деревянные и кожаные. Поэтому ни о каком точном литье, литьевой стали и речи быть не может. Даже шведское оборудование, которое стояло в Выборге ранее, было более «продвинуто», что ли. Было видно, что при строительстве приходилось сильно экономить, и все тяжелые части оборудования изготавливались на месте, из имеющихся материалов. Речка Упа, после Тулы, долго крутится по Русской равнине, впадает в Оку между Мценском и Калугой, поднимается на север и только потом поворачивает на восток. У Коломны в Оку впадает Москва-река. То есть завод мог поставлять металл в Москву, а через окские и волжские пристани практически по всей Европейской России. В экономическом отношении место практически идеальное. Андрей Винниус встречал меня у входа в управление завода. На нем бархатный атласный кафтан, несмотря на жару, одет по-голландски, но носит по-русски нестриженую бороду. У голландцев борода короче и ровнее обстрижена. Говорит по-русски с небольшим акцентом. Оказывается, уже бывал в Выборге, но его на завод не пустили. Ко мне или княгине он не обращался, а старался разглядеть все из-за забора. Был пойман охраной и получил пятнадцать ударов и 100 рублей штрафа. Роль этого человека в реальной истории стоит гораздо выше, чем многие предполагают! Именно два Андрея Винниуса оказали огромное влияние на слабенький умишко внука царя Михаила, привили любовь у того ко всему голландскому, тот выучил голландский язык, имел многочисленные половые связи в голландской Немецкой слободе, а затем заставил всю Россию одеться в голландское платье. Построил по голландским проектам свой флот, Новую Голландию в Санкт-Петербурге. Выучил латынь он с помощью сына Винниуса. В общем, Винниус и его сын были генераторами идей в Петровской Руси. Сидим в его кабинете на третьем этаже каменного здания заведоуправления. Он старается произвести хорошее впечатление на меня, хотя внутренне этому сопротивляется ужасно. Я испортил ему бизнес, и его изделия проигрывают как по качеству, так и по количеству, моим. Он, как никто, понимает, что я намного опередил его. Он видит, что мои стали ему не воспроизвести, от слова «совсем».

– Ваш металл, ваша светлость, не имеет следов ковки, это не сварное железо. При этом цена на него много ниже, чем у меня. Вы хотите меня разорить? Особенно теперь, когда все прочат вас в цари Московские. Вы уже свободно перемещаетесь по Московии, несмотря на сопротивление церкви. Могу я поинтересоваться судьбой моего завода? Ведь я немало сделал для того, чтобы Россия сама производила железо.

– Почему, я ценю ваши усилия, господин Винниус, но для меня, а я – металлург и оружейник, ваш завод – не конкурент. Цены я устанавливаю много выше себестоимости и получаю неплохую прибыль. При этом мой завод так не дымит, как ваш. Вы – выбрасываете деньги на ветер и отапливаете воздух. Я – произвожу металл дешевле и лучше вашего. В условиях прямой конкуренции вы, конечно, разоритесь, рано или поздно, но мне не хотелось бы, чтобы это произошло. Правда, есть одно обстоятельство, которое мешает мне показать вам, как делать другой металл. Вы – гражданин Республики Свободных Провинций, и сюда приехали по приказу статхантера Фредерика-Генриха Оранского, главнокомандующего Вооруженными силами Голландии. И вашим заданием является скорейшее привлечение России в войну против Испании, Франции и Англии. И как минимум обеспечить официальное признание независимости республики. И в Выборг вы ездили по заданию посла Голландии в России барона Висбю.

– Да, ваша светлость, он просил меня съездить туда и разобраться, каким образом можно получить такое железо.

– Сейчас весь мир ломает голову, как я это делаю.

– Мне предложили десять миллионов талеров и должность главного штийлмейстера в республике после выполнения задания, ваша светлость. Так как дела идут все хуже и хуже, я и принял это предложение. В результате потратил огромную сумму, былбит и оштрафован в Выборге. Чтобы просто попасть на завод, требуется приложить палец к какой-то кнопочке. Если что не так, сразу появляется охрана, а ваши гвардейцы не церемонятся с нарушителями. Слава богу, что у меня была охранная грамота Думы. Поэтому я легко отделался.

«Дактилоскопия и биометрические датчики – это наше всё! – подумал я. – Татьяна неплохо поработала над системой охраны. На атомную электростанцию попасть легче, чем в сталелитейное производство».

– Вам, действительно, повезло. Для очень многих желающих узнать это любопытство заканчивается добычей руды для этого завода. Или смертной казнью.

– Но долго этот секрет вам не утаить, государь.

– Долго и не требуется. Мне необходимо время, чтобы преобразовать Россию, превратить ее из захудалой окраины Европы в мощное и современное государство, способное влиять на всю политику «старушки Европы». В этом году в районе Новой Батавии голландский флот попытался атаковать одно из моих судов в Карибском море. Так что на зуб нас уже пробуют, пока не получается.

– Чем закончился бой?

– Два кораблика затонули, остальным дали возможность подобрать тонущих и уйти, так как судно шло в грузу и не могло принимать на борт посторонних.

– Барон Висбю рассказывал мне о ваших кораблях. Они несут столько парусов, что обгоняют всех. При этом берут огромное количество грузов. Они стали главными перевозчиками сахара в Европу. Конкуренцию с ними выдержать невозможно. Да и в России сахар подешевел. И весь идет из Выборга.

Перевозки сахара позволяли мне «прятать» перевозки аммонийной селитры. Они похожи внешне. А о том, что я вожу латекс – никто не догадывался. Несколько небольших факторий, разбросанных по побережью Амазонки, со сменным составом, организовали сбор и высадили первые плантации гевеи. Правда, ждать, когда гевея вырастет, довольно долго, поэтому сейчас основную массу дает сбор дикого сока. Но ради стальных изделий, инструмента, пиломатериалов (представляете, в лес дрова возим, и идут!), индейцы готовы на все. Так или иначе, но две-три полных «букахи» в год индейцы собирают. Если не лезть к ним со своими советами, то они довольно мирные, как говорят все, кто там работал.

В общем, поставив господина Винниуса перед выбором: кому служить, отбыли из Тулы в Белгород. Здесь дороги получше, местность менее пересеченная и на реках много бродов, поэтому скорость удается держать выше 25 км/час. Медленно, конечно, но деваться некуда. Через день въехали в «город» Белгород. Крепость стоит на холме, где сливается Везелка с Северским Донцом. За Донцом начинается «ничейная» Дикая степь. Все постройки деревянные, поэтому ничего из того, что там было, в XXI веке уже не увидеть.

Сразу же расстроили: кто-то из служивых до того служил у поляков, поэтому несколько человек не поверили, что в крепость привезли горючее и яд. Спирт это! Шестеро умерло, двое теперь сидят на паперти, инвалидами. Расспросили нового коменданта ротмистра Панина про московское войско. Они в шести днях от нас. Панин – из «новых» полков, прислан сюда тренировать и собирать три новых драгунских полка из

крестьян южных уездов. Человек здесь новый, из Москвы, еще не обжился как следует, поэтому службу знает и «тянет». Проверили склады, все в порядке, дозаправились полностью под самую пробку и утром выступили, взяв с собой в качестве проводников тех же казаков, которые в прошлом походе участвовали вместе со вторым батальоном. Казаки, правда, очень не хотели ехать без своих коней, но такого темпа ни одна лошадь не выдержит. Пообещали им татарских коней добить перед Перекопом.

По их словам, в этом году необычно тихо. Ни на Польшу, ни на нас татары вроде не пошли. Скорее всего, длинное ухо они имеют в Москве. Ждут нас на Перекопе.

Здесь еще нет ставших привычными терриконов, дорог тоже немного, движемся по следам ушедшего вперед войска, но не всегда это самый лучший путь. Пехом и на лошадях выбирают несколько другой маршрут, нежели на колесах. Выручает московская артиллерия, по ее следам и следуем. На второй день нагнали их на переправе через Самару. Устроили что-то вроде парада, так как я вроде как принял командование. На самом деле, мы сейчас обгоним их и будем на две недели раньше их у Перекопа.

Проехали через Малиновку, маленькое село в двенадцать домов, умудряются как-то выживать, лавируя между Степью, Москвой и Польшей. Монастыря еще нет, где пан атаман Грициан Таврический прятался. Наверное, поэтому и жили. А что? Речка есть! Земли хоть отбавляй, и чистейший чернозем! Девки красивые, в белых вышитых сорочках, махали моим гвардейцам вслед. А сапожки у всех красные, крымские. Да и шут с ними!

Татьяне поставлена задача: к моему возвращению собрать эскадру в шесть-семь кораблей типа «Татьяна». Не коммерческих, у которых большая часть батопортов просто нарисована, а настоящих. И перевооружить старые корабли на новые орудия. Если все срастется, то эта эскадра очень пригодится! Пора княжеству Выборгскому выходить на международную арену. В общем:

Простимся. До встреч в могиле!
Близится наше время!
Ну что ж, мы НЕ победили!
Мы умрем на арене!
Тем лучше! Не облысеем
От женщин и перепоя!
А небо над Колизеем

Такое же голубое!
Как над Родиной нашей!
Там, над Невою родимой,
Откуда за славой ушли мы,
А слава рассеялась дымом.
Впрочем, нам не обидно.
Да разве это обида?
Просто такая, видно,
Выпала нам планида.
Близится наше время.
Судьи уже расселись...
Мы умрем на арене!
Людям хочется зрешиц!

Жара! Солнце плавит мозги, и вода во фляге уже не помогает избавиться от жажды. Глотаю пыль от машины разведдозора. Переправы просто в радость, успеваешь нырнуть пару раз в почти кипяченую воду рек. Рукоятка СВД покрылась грязью и потом, не успеваешь оттирать ее от этой слизи. Гимнастерка под броником встала колом и трет везде солевыми отложениями. Мы приближаемся! Вспоминаются Афган и Таджикистан, которые я успел ухватить самым краешком. Еще немного. И, наконец, маревом вдали показался Сиваш. Одна рота налево, держать Гнилое море. А остальные – вперед. Вода в цистернах практически кипит. Пить ее невозможно! Но если пьешь меньше десяти литров в день, то ТУ обеспечен. ТУ – это не технические условия, это – тепловой удар. Можно, конечно, было взять с собой «Лэндровер», поставить его на супербаллоны со сверхнизким давлением и ездить в относительном комфорте, с кондишеном, но в таких маршах и в боях рождается воинское братство, которое потом не разорвать никакими силами. А кроме как на гвардейцев, мною воспитанных и подготовленных, надеяться больше не на кого. Пусть видят, что я вместе с ними глотаю эту пыль, стою в очереди к цистерне, чтобы получить ту самую воду, и при этом успеваю руководить всем.

– Стоп! – говорю разведдозору, который перескочил через брод на крайней переправе перед Перекопом.

– Стой! – поднимаю я руку, останавливая движение. – К машинам! Выходи строиться! Командирам доложить о результатах марша!

Пыль немного осела, бойцы поднимают очки на каски, устало идут на построение.

– Равняйся! Смирно! Вольно! Командиры рот и батальонов ко мне!

Подошли, доложились, отсутствуют два квадроцикла и машина техпомощи. Остановились на предыдущей переправе на Малом Утлюке. На связи, ремонтируются.

– Так, товарищи командиры! Машины рассредоточить и замаскировать. От этого места до противника 120 километров. Это крайняя река перед Перекопом. Пополнить запасы воды, всем вымыться и постираться. Сутки отдыха. Первому батальону выставить охранение. Дальше выдвигаться будем только ночами.

Я вышел вперед, поблагодарил людей и техников за проведенный марш и объявил о ближайших задачах. Разбежались по машинам, начали дозаправляться. Хозрота организовывает пополнение запасов воды, ее хлорирование и разворачивает камбуз. Кухня – газовая, и есть газогенератор, так что любая органика превращается в газ, который сжимается и сжижается, а получившиеся угли используют для получения следующей порции газа. Зам по тылу доложил, что найдено место для плотины, приступили к монтажу электростанции. Здесь у реки строится ОП (опорный пункт). И нам, и «москвичам» понадобится вода, без нее в этих местах невозможно. Сухая степь прикрывала подходы к Перекопу на три дневных перехода, благодаря этому долго осаждать крепость ни у кого не получалось. Если рыть колодцы в том месте, то в них – соленая вода из Сиваша.

Вернулась разведка, посланная вверх и вниз по течению. Приволокли первых пленных. К сожалению, все простые воины, дозорные. А пока заправляют и заряжают наших «птичек», я вношу в блок управления координаты трех станций доплеровской РНС (радионавигационной системы), которую развернул топографический взвод. Со взводом разведки раскладываем катапульту, я проверяю работу блока управления, ставлю «улитку» в пистолет-пулемет, закладываю гранаты в гранатомет. Первым готов родной до смерти «Элерон-10 м». Он и уходит в полет, чтобы произвести дозреведку ближайших окрестностей.

В инфракрасном диапазоне обнаруживаем еще два дозора. От одного из них по степи скачет всадник. Так как поблизости никого нет, снижаюсь и расстреливаю его с воздуха. К дозорам высылаем группы захвата.

Наконец готов наш «Птеродактиль». Переснаряжаем катапульту усиленным зарядом, устанавливаем отделяемую лыжу, неподалеку для него укатывается полоса, у него шасси и два ТВРД. Он совсем новенький, принят на вооружение в 2016 году. Этот экземпляр «утонул в Ладоге» на испытаниях. А терминал управления сделан по заказу. Он несколько

отличается от серийного: канал управления не закрыт. В этом нет надобности, считается гражданским, должен был обладать меньшей мощностью и дальностью, но для меня все параметры приемопередатчиков оставили штатными. Я ведь там совсем «свой», буржуйский. Поэтому машинка и стрелять, и бомбить может. Но по открытому каналу. И бог с ним. С топливом некоторая напряженка. Нечто подобное мы соорудили, и движки работают. В том мире это чудо летает на такой адской смеси, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Нечто ракетное и очень секретное. Поэтому может находиться в воздухе очень долго и поднимать вдвое больше груза, чем на той смеси, что мы сделали. И высотность имеет в 20–22 км. Нам такое не по плечу, и за ненадобностью. Чем проще, тем надежнее летает. Самолетик почти полностью прозрачный, выполнен по стелс-технологии, которая здесь тоже ни к чему, но не менять же конструкцию! В общем, отправляем его в полет, и через полтора часа я его посадил обратно. Топливо приходится экономить.

Глава 19. Штурм Перекопа и Кырк-Ер

Собрались в штабе, это так моя палатка называется, командирами в первом гвардейском служат в основном выходцы из шести деревень, входящих в мой удел. Из них комплектовалась первая рота. Чужих здесь нет. Все они начинали как солдаты-гвардейцы и постепенно росли. Все давно грамотны, отучились в корпусе, кто три года, полный курс, а кто еще учится. У всех семьи живут в Князево и окрестностях, часть из них сироты, из которых и формировалась первая рота. Все прошли все бои, в которых принимала участие гвардия. Все помнят, что произошло в Князево после моего прихода. Есть с чем сравнивать. Я разложил на столе большой тактический планшет, у них и у разведки тоже есть планшеты, они входят в комплект «Ратника», и для них я приобретал полные командирские комплекты. Перекачали все себе информацию и начали готовить операцию. Распределять цели и задачи.

Инженерно-саперная рота, после отдыха и полевой бани, отправилась готовить трассу. Остальные еще отдыхают, кроме разведки. У меня, кроме полковой и батальонных разведок, есть разведка от Усселинкса. Так сказать, спецназ. В их ведомстве находятся все новейшие технические средства для этого. Набор туда еще строже, чем в гвардию. Там языки требуется знать. И Томас гоняет своих орлов так же, как я его гонял, когда создавал разведку. В общем, этот вопрос поставлен на современный мне уровень.

Рассматривая снятый фильм, обращаю внимание всех, что сразиться нам придется не только с татарами. Среди защитников Перекопа есть турецкие янычары и несколько европейцев. Они выделяются своими костюмами и шлемами. По внешнему виду: англичане и голландцы. По всей видимости, сведения о том, что направление удара – Крым, известно не только султану, но и в Европе. Все хотят знать побольше о том, какие подарки мы подготовили Богатур-Гирею. Этих ребят поручаю роте Усселинкса. Ни один уйти не должен.

Выступили мы в ночь на третью сутки, раньше не получилось из-за дорог. Днем пыль выдаёт малейшее движение, поэтому все работы саперы выполняли ночью. Как стемнело, мы повесили «Птеродактиля» над степью и двинулись вперед. Ветер юго-западных направлений, довольно сильный, так что пыль сдувает от противника.

С «Птеродактилем» смешно получилось! Через несколько дней слышу

по радио:

– Княже, тут у нас замес намечается. Бусурманы уперлись, у них четыре пушки. «Горыныча» пришли!

– Какого «Горыныча»?

– Ну, этого, который летает, здоровенный такой, стеклянный.

Непроизносимо слово «Птеродактиль» на русском языке. Наш «Альтаир», на борту которого было написано: «Птеродактиль», по названию не понравился, и его быстренько переделали в «Змея Горыныча». Он мог ракетами стрелять, а они огненный след в небе показывали. Кстати, «Элерон» таких почестей не удостоился. Он хоть и летает, и стреляет, но из-за визга, который издает электрический высокооборотный двигатель, получил название «пискун». Проще говоря, не впечатлил. Более уважительно его прозвали «Орликом». Все знали, что садиться он не умеет, спускается на парашюте, а потом его все ищут, чтобы жесткий диск с него снять. Его только артиллеристы благословляли и почитали. Правда, он на них в основном и работал. Ну, и разведке помогал.

Первым взяли форт Ор-Капи, со стороны Сиваша, и перебросили туда три орудия по воде. Сейчас там видны остатки сооружений, полутора веками позже сделанные. А тогда было семь фортов. Самый левый мы захватили ночью, переправившись через Сиваш. Бойцы высадились на Литовском полуострове, теперь у меня есть снимки «зробленіх до російської окупації Кріма», натуральные! Хохлов, правда, не видно, зашхерились куда-то, видимо, Черное море копают где-то в другом месте. Ладно, «поистчем ыстчо! Могет найдем!»

Напротив Каркинитского полуострова – тоже форты. Утром противник обнаружил перед собой окопавшуюся пехоту, и то, что на его правом фланге один из фортов принадлежит уже не им. Татары высыпали из Ор-Капы и попытались построиться в боевой порядок. А теперь – огонь! «Элероны» носятся, как пчелы за медом, поставляя десятые, тысячные, данные для трубок. Только успеваем перезаряжать аккумуляторы. Шрапнель и ОФС очень неприятная штука для конницы и пехоты в чистом поле. Мостов всего три, получилось так, что татары сами лишили себя возможности нас атаковать. Они запаниковали: противника не видно, он бьет редкими и точными выстрелами, все видит, как только где появляется скопление, туда сразу летит снаряд. Их пушки почему-то взрываются, да и заряжать их быстро стало некому. Прислугу уничтожали в первую очередь. И что делать с минометами, татары тоже не знали. Форты не защищали от навесного и точного огня, были не подготовлены. К вечеру противник оставил нам горы трупов и отошел, покинув город и все форты.

Начали зачистку. В городе ни души. Только собаки и кошки остались. Кстати, и русские рабы тоже ушли, испугались. Укрепляем оборону от атак конницы. Ее много в степи. Ждут, что мы двинемся дальше. Разгоняем их ударами с воздуха. Днем стараемся этого не делать, используем артиллерию, а ночью, когда они у костров собираются или на намаз, в костер сразу летит граната. Кстати, лошади быстрее поняли, кто гранатами кидается. Их очень пугал звук мотора «Элерона». А люди, люди так и не врубились. Днем наблюдение мы вели с большой высоты. На днище у машин нарисован распластавшийся орел. Так что даже если и увидели, то не поймут, что это такое.

Заметили пыль со стороны степи, но не с востока, а с запада. Подошел ногайский караван, везут дань Гирею. Дань забрали, привели к присяге и отправили восвояси, крымский каганат больше не катит. Девятая рота у Чонгара пресекла попытку переправиться через Сиваш и рассеяла артогнем большое количество конницы. Крепость-башню Ченишке они захватили, поэтому и через Арабат татарам не вырваться. Наконец с нами связался опорный пункт у реки Великий Утлюк, что к ним подошли части войска Московского. К тому времени противник несколько расслабился, видя, что мы не предпринимаем попыток их атаковать. В этот момент мы провели ночное наступление и заняли Ушун, значительно улучшив свое положение. Это район соледобычи. Здесь куча русских рабов вкалывала, обеспечивая безбедную жизнь татарскому хану. Жил хан в основном с этой соли. Как только рабам стало достоверно известно, что это русское войско, а не кяфирь какие-то страшные, со всех соловьеварок сюда потянулись мужички. Хорошо, что перехватили обоз ногайский! Полк держал оборону от Асс-Наймана до устья реки Чатырлык. Так что вода была, села мы захватили внезапно, вместе с населением, которое немало было удивлено, что их не убили и не ограбили. Шарахались, правда, и ходили вдоль стеночек. Местные рабы, само собой, взбунтовались и попытались ограбить бывших хозяев и уйти. Этому мы мешать не стали. Правда, уходить им было некуда. В степи довольно много ногайцев, поэтому из огня да в полымя можно влететь. Грабежи мы прекратили, пришлось высечь нескольких человек, а виновных в убийстве и грабеже повесить. Лекарство оказалось действенным. Села здесь были богатые, солеторговлей занимались в основном. Район был густо населен. Наконец появились москвичи, которые просто на задницу сели, что села стоят неграбленые, бабы нетрахнутые, возжелали тут же исправить положение, что за война такая: без насилия и грабежа. Убедительно попросил этого не делать. Появились еще виселицы. Но держать всех в узде – это напрасный труд,

поэтому, как только армия втянулась и прошла через три моста Ор-Капы, я дал команду «Фас». Дальше – это не мое дело! Пусть рассчитываются за все. Мое дело – разведка и огневая поддержка. Теперь мы в арьергарде, следуем за москвичами, оставив небольшие гарнизоны в захваченных селах. Казаки спросили у моих гвардейцев, почему они не грабят и стараются понапрасну кровь не лить?

– А зачем? Нам князь платит больше, чем мы сможем отсюда утащить. Приказал никого понапрасну не трогать, значит так надо.

Через неделю подошли к Акмечети или Акмесджиту, прямой наводкой пробили ворота, и туда ворвались казаки и солдаты. Полетели пух и перья. Телеги прогнулись от награбленного. Идем к Бахчисараю. Взяли в осаду Кырк-Ер и Ханский дворец. Место, конечно, красивое, но к обороне совершенно не приспособленное: с ближайших холмов все как на ладони. Хан выслал переговорщиков, хочет откупиться.

– Нет, мы достаточно долго терпели ваши набеги. Насколько я вижу, вы не местный, вы из Стамбула. Так?

– Да, я визирь достопочтимого султана Ибрагима и его родственник. Меня зовут Икенчи-хан. Эта земля находится под нашим протекторатом.

– Эта земля находится в составе Княжества Выборгского. Назад мы ее не вернем, можете забыть о ней. Проявляя милосердие, могу позволить забрать отсюда ваших подданных, но это максимум, на который они могут рассчитывать. У них 48 часов, чтобы покинуть полуостров.

– Это неслыханно! Никто не смеет так разговаривать с представителем великого султана Ибрагима.

– Вы хотите еще больше расстроить финансы некогда великой империи? Я прекращу покупать у вас хлопок и возить вам железо и сахар. И, вообще, насколько я помню, валиде Кесем Султан пригласила нас к себе с визитом, и на приглашении стоит и печать Ибрагима. В прошлом году хан Гирей напал на три города в России, Вы же в курсе, что ее Госсовет присягнул мне. Гирей потерпел поражение от моих войск. Я пришел его наказать, и накажу его. Его армия разбита под Ор-Капой и Ушунью, конница рассеяна, а три полка янычар, которые он выпросил у Ибрагима, свалены в ров Перекопа и сожжены. Не можешь удержать в руках – убирайся. Это древнейший из законов на Земле. Кстати, Венецианская Республика просит меня помочь ей в Средиземном море. Вы там, кажется, Крит не поделили?

– Хорошо, князь Святослав, действительно, не стоит ссориться из-за пустяков. Сорока восьми часов нам не хватит, но через неделю мы вывезем наших верноподданных с этой территории.

– У меня подготовлен договор, который снимает с Османской империи ответственность за Крым.

– Я приму эту бумагу, но решать буду не я, а великий султан Великой Порты, глубокоуважаемый князь Святослав.

– Замечательно! А сейчас я приглашаю вас посмотреть на взятие Кырк-Ер, они только что отвергли мой ультиматум и отказались сдаваться.

К этому моменту рота спецназа подготовила страховку, надела штурмовые бронежилеты, герметические защитные шлемы, которые выполняют и роль противогазов, и была готова к штурму крепости. Взлетает красная ракета, раздаются выстрелы из подствольников. Гранаты с CS летят в амбразуры, гремят выстрелы «Выхлопов», запечатывая пушки противника. Штурмовая группа спускается сверху и влетает вовнутрь крепости, штурм начался. Загремели «ксюхи», тихо хлопают «Валы», рвутся гранаты. Через пять минут над крепостью взлетает красный флаг Выборга. Из ворот крепости выводят мокрых, кашляющих, сопливых защитников. У нас двое погибших: провалились в ловушки. Их на руках выносят из крепости. Есть легкораненые. Я недовольно поморщился, не учли кое-что при штурме. Жалко ребят. Их отвезут в Гвардейское, и они будут похоронены там, со всеми воинскими почестями. Их семьи получат пенсии по потере кормильца, а дети будут иметь право поступать вне конкурса в корпус и в университет. Но все равно очень жалко с таким трудом подготовленных людей.

На турецкого визиря штурм произвел неизгладимое впечатление. Он залебезил, что несомненно, султан будет особенно рад видеть у себя князя Выборгского в гостях с официальным визитом. Договор будет передан ему немедленно. По договору Турция отказывалась от протектората над Крымским ханством в пользу князя Святослава и устанавливался протекторат Выборга над этой территорией на вечные времена. Я подписал договор и поставил свою печать. Потом пришлось отвечать на вопрос боярина князя Долгорукова, почему в договоре не упомянута Москва.

– Вообще-то, Иван Владимирович, я – князь Выборгский, а не царь Московский и всея Руси. Шапка Мономаха, скипетр и держава у Иосифа, печать царская – тоже. Так что я избран царем, но не посажен. Вот и действую от имени признанного всеми Княжества Выборгского. Это – юрисдикция, чтобы никто потом не смог опротестовать этот договор.

Гвардия взяла под охрану ханский дворец, хозяина попросили немедленно удалиться в Ялту и там ждать корабли из Стамбула. Казну перегружаем на освободившееся от боеприпасов место в грузовиках.

Экспедиция закончена, более мое присутствие не требуется. Поэтому с ротой спецназа отправляюсь в обратный путь. Полк наведет порядок и проследит за исполнением турецкой стороной своих обязательств и вернется, кроме одной роты, в Выборг. Москвичи оставят здесь несколько полков кавалерии и пехоты. В принципе, они довольны, потому что трофеи большие, но, бояре достаточно определенно ворчат на Иосифа, ибо «мимо носа проносили чачу, а мимо рота – алычу». Соляные промыслы принадлежат мне, казна – тоже, а больше в Крыму братья нечего пока.

Назад было возвращаться быстрее, путь уже разведен. Задерживали только «праздники» во всех городах, где мы останавливались. Люди радовались победе над Дикой степью и Крымом, извечными врагами, терроризировавшими нашу Родину долгие века. И лишь в Москве возник неприятный момент, заставивший вспомнить меня о третьей роте инженерно-саперного батальона. Посол Польши в Москве граф Стемповский заявил о нарушении границ Польских отрядом выборгских саперов.

– Да, я в курсе, действовали по моему приказу, восстанавливают путь из варяг в греки.

– Но это территория Польши!

– Это территория России, временно оккупированная Польшей. Пока вы ее захватили, но никаких прав на нее у вас нет. Вы воспользовались неразберихой, которую сами же и заварили. Первыми напали на слегка ослабевшего соседа. Пытались посадить на трон Лжедмитрия, потом Владислава. Вас жадность погубит. А территории придется вернуть законным владельцам. Подумайте лучше об этом. В прошлом году вы уже познакомились с моими войсками, в этом, видимо, тоже. Но как видно по вашей ноте, смертельно боитесь нашего усиления. От вас ничего не зависит! Россия сделала свой выбор и пойдет своим путем, а лежащим на дороге псы, кроме пинка, ничего не достанется. Подожмете хвост и уйдете с наших земель.

Разговор был резким, я его заострил еще и потому, что в Белгороде, когда праздновали возвращение, находился атаман Иван Каторжный, выбранный на недавнем круге, уже после оставления Азова и разгрома еще трех казацких городов: Маныча, Яра, Черкасска. Он и его люди добивались встречи со мной. Приехать сюда им порекомендовал Томас. В крепости мы устроили переговоры. Казаки – люди вольные, но в тот момент досаждавшие как туркам, персам и полякам, так и русским. Потому что действовали они большей частью нахраписто и полностью самостоятельно,

сообразуясь лишь со своей выгодой. Слыли они крайне ненадежными союзниками. Но в ситуации с Азовом Михаил был не прав, и посольство в Константинополь отправлял напрасно. Предыдущие атаманы взяли куш, который направил им Михаил, и оставили Азов по его приказу. Вслед за этим Ибрагим I, атаки которого были успешно отражены азовцами, но осада и победа дались очень большой кровью и существенно подорвали боеспособность Донского Войска, а боеприпасов и пороха царь не дал, перешел в наступление и захватил у казаков еще три города. Вслед за этим атаковал и «столицу»: Верхний Раздорский городок, но там его сумели отбить. Потом смута началась, казаки так и бедствовали, в Крымский поход их не позвали, а они надеялись и получить снабжение, и немножко пограбить. Они были хорошо организованной бандой, постоянно пополнявшейся беглыми крестьянами. Как Всевеликое Войско Донское они еще не были организованы. Выборные атаманы хороши только до определенного времени. Так что сомневался я, сомневались и они. Каждый хотел решить вопрос в свою пользу. Их требовалось сформировать в регулярное войско, чему они противились.

– Да, Иван, Россия будет укрепляться на южных рубежах, но сейчас позволить вам отбить Азов обратно я не могу и не хочу. В этом году достаточно Крыма. По возвращению домой я выеду в Константинополь и проведу переговоры с валиде Кессем Султан. Сам Ибрагим почти ничего не решает. Есть еще одна женщина, она – валиде у самого Ибрагима, а Кессем – его мать, с ней тоже встретимся княгиня Татьяна и я. Вопрос о возвращении Азова стоять будет, но пока наш флот сюда, на Черное море, не пропустят, говорить о независимой политике на Юге бессмысленно. Мы вынуждены умерить свои аппетиты здесь и согласовывать эти шаги, в том числе и с султаном. Он ближе к вам, чем мой Выборг или Москва. Мы начали строить канал, который соединит Волгу и Дон, и, завершив строительство, сможем перебрасывать сюда корабли, чтобы контролировать Черное море. Без них здесь делать нечего. Если направишь своих людей на помочь капитану Стрешневу в Царицын, там людей не хватает, то с тобой поделятся боеприпасами, захваченными у крымчаков, свинец и порох тебе дадим. А сам подумай над другим: как самостоятельная сила на юге вы мне не нужны, совсем. Если перейдете под мое начало, и вместо выборных атаманов, встанете под моих гвардейцев, с сохранением ваших «вольностей» по части земли и внутреннего устройства ваших станиц, хуторов и городов, станете регулярным войском, тогда и поговорим о каком-то постоянном уставе, определяющем службу в казачьих войсках. Москва полностью переходит на новое устройство войска, иррегулярные

части в нем не предусмотрены. В случае «большой войны» будет предусмотрена мобилизация, обязательная для всех. Во всех остальных случаях по всей стране будут стоять регулярные части, безоговорочно подчиняющиеся мне и моему штабу.

– А скажи, княже, верно ли говорят, что ты на мече Рюрика клялся, что боронить Русь будешь?

– Да, клялся на нем. Он сейчас в Выборге лежит.

– Тогда вот тебе мое слово, что людей к Якову свет Михайловичу направим. Оченно уважаемый воин на Дону. Чинить препятствий ему не будем. Остальное решим на кругу, негоже такие заброды тишком решать. Но мое слово будет за тебя, княже. Рюрики нас завсегда к победе вели.

Уже в Москве стало известно, что войсковой круг решил во всем князя Святослава слушать, Томас направил туда двух своих «советников»: присмотреться к вожакам казаков и проконтролировать их действия. Помощь боеприпасами им оказали. Они, естественно, просят новые винтовки, но получили только старые шведские и османские. Зато из Раздора отправилась делегация уважаемых казацких воевод разговаривать с запорожскими гетманами. Так что козу Польше мы уже готовим. Но посол Стемпковский пиллюлю проглотил. Дело было в том, что у них в кармане был припрятан лже-Шуйский, и все ставки делались на него. Поляки считали, что Иосиф поддержит их ставленника, и не стеснялись в своих обещаниях. Но меня это мало волновало. Новости из Крыма были хорошие: Ибрагим забрал хана и ближайший его круг. Много татар выехало в Турцию из внутренних селений, которые «освобождали» москвичи. Этим людям уже терять было нечего. А вот жители района Перекопа покидать насиженные места отказались. Сменили флаги на красный с серпом и молотом и спокойно продолжают работать на соляных промыслах. Кстати, рабство я отменил. Теперь все работают на государственных солеварках за зарплату, часть из которой выдается солью. Так всем выгоднее. Пока руководит этим гвардии сержант Хлебников, потомственный солевар, но из Великой Губы ему на смену выехало семейство Ореховых.

Глава 20. Операция «Две цепи»

Мы же с Татьяной, Сашкой и с Русей, Ярославой, которой уже полтора года (ой как время летит!), переселяемся на крейсер «Татьяна Выборгская» и в сопровождении еще шести однотипных кораблей отправляемся в плавание. На время нашего отсутствия исполнительная власть принадлежит Совету Выборга и Госсовету России, а военную часть я поручил Томасу Усселинксу, самому проверенному из моих гвардейцев. А заодно и самому оснащенному. Дот приведен в полную боевую готовность и поставлен на автоматическое уничтожение целей.

Это первый наш выезд за границу, и обставлен он соответствующе. Первая остановка в Копенгагене. Датский король Кристиан IV полтора года назад был вынужден подписать очень невыгодный для него мирный договор со Швецией в Бремсебо. Король, раненный в морском сражении при Кольбергер-Гейде, потерял глаз, с ним ушло и здоровье. Наши взаимоотношения так и не урегулированы, несмотря на то что на дворе уже 1647 год, если считать от сентября. Во всем мире еще 1646-й. Он отправлял своего сына в Москву, рассчитывая на его брак с дочерью Михаила, чтобы получить беспошлинную торговлю с Россией. Особенно его интересовали поставки хлеба в Норвегию, которая тогда принадлежала ему. Несмотря на то что Выборг производил много хлеба, и мы им торговали, из-за того, что мои корабли проходили мимо Дании без остановки и не брали лоцманов, не останавливались ни в одном из портов Дании и не обслуживались в них, торговли между нашими странами не было. Занятый войнами Кристиан никаким боком не показывал своего интереса к этой торговле, надеясь, что его эпопея с женитьбой сына выгорит, и он нас обойдет на кривой кобyle. Лишь после смерти Михаила и окончательного расторжения помолвки сына он, наконец, прислал письмо и попросил установить дипломатические отношения. Послом в Данию едет пожилой, заслуженный разведчик от Усселинкса Матиас Дэвидсон, который три года работал в Швеции.

Эскадра шла под двигателями из-за довольно сильного встречного ветра экономическим ходом. Проект «Татьяна Выборгская» – это первые наши цельнометаллические корабли. В целях маскировки их корпус обшит сверху фальшбортом из дуба, но под ним 40-мм катаная и цементированная броня. Корпус обшит полностью, а подводная часть дополнительно имеет медное покрытие, чтобы избавиться от обрастания. Парусное вооружение – шхуна, такое же, как на всех наших кораблях. У некоторых кораблей

нейлоновые паруса, у остальных – двойной, пропитанный льняным маслом перкаль с нейлоновым усилением. Из-за винтов, у всей серии по два винта, скорость чуть меньше, чем у чистых парусников, в бакштаге дают 18–19,5 узла. Двигатели в основном используются как вспомогательный движитель во время штиля и в бою. Вооружение очень мощное: шестнадцать 76-мм нарезных орудий на базе морской пушки Лендера, и два орудия, по одному на борт, на базе 6-дюймовой полевой мортиры образца 1885 года. Орудия размещались на батарейной палубе в башнях казематного типа. На ходу и стоянке башни разворачивались, и стволы укладывались в ниши корпуса по ходу корабля и против него. Ниши снабжены батопортами, так что орудия на ходу не видны. Поверх батопортов наложены ложные накладки, маскирующие корабль под обычновенный. На такие ухищрения пришлось пойти, чтобы не показывать действительную мощь этих кораблей. Орудия выбирал простейшие из всех имеющихся, но к которым подходит стандартный 76-мм патрон от ЗИС-3. Многое возни было с электроспуском. 152-мм предназначена для атаки форта. С удовольствием бы вытащил их на верхнюю палубу, и место под тумбы подготовлено. Но не сейчас. Чуть попозже. Целей для этих орудий пока нет.

В Копенгагене все прошло довольно буднично, хотя почести оказывались королевские. Подписано торговое соглашение между странами, мирный договор и разрешение на заходы судов в порты обеих стран. Военные корабли могут заходить по предварительному соглашению. Проход Бельтом и Зундом беспрепятственный. Подписан контракт на 10 лет на поставку муки в Норвегию и Данию. Заключили контракты на поставку сахара из Южной Америки. Наши корабли сейчас практически держат монополию на этой линии. Правда, я знаю, что в следующем году короля не станет, но и следующий король будет воевать со Швецией, и фактически мы обречены на сотрудничество. Кристиан прощупывал меня на союзные действия в этом направлении, но у меня со Швецией мир, и пока там сидит Кристина, мир будет поддерживаться. А там – посмотрим. 70-летний старик-король был окружен целой сворой «детей» и их ближайших родственников. Кронпринц Кристиан еще жив, женат и бездетен. Несмотря на ссору с могущественным Госсоветом, рядом набирает силу и популярность будущий реальный король Фредерик, архиепископ Бремена, но его нет в Копенгагене, его старший брат сюда не пускает. Кристиан IV провел бурную молодость, имел 15 детей от двух королев и признавал за собой еще семерых от еще трех женщин. Долгое время носил презрительную кличку «король-олень» из-за рогов,

наставленных ему второй супругой. Затем, еще раз проявив свое незаурядное мужество в бою, раненым продолжал командовать флотом и победил, он стал королем-легендой. Семействоссорилось и интриговало вокруг угасающего короля, тут еще и Вольдемар из России живым вернулся и рассказывал страшные вещи о диком, совсем диком крае, который усохнет без Ольденбургов. Почему так подробно? Так дом Ольденбургов правил в России, в последнем царе с трудом нашли 1/128 каплю русской крови.

И тем не менее государственный визит успешно завершен. Для посольства выкуплен отличный особняк, в нем теперь сидит чрезвычайный и полномочный посол Выборга, он же консул российский. А наш путь лежал в сторону Гибралтара, мимо Голландии и Англии. Под звуки залпов салютной пушки, и разукрасив небо над Копенгагеном китайской пиротехникой, надо ж было чем-то удивить гостеприимных хозяев, тем более что корабли мы им так и не показали, только снаружи, эскадра отходит на северо-запад. Отходили, как и приходили, мы вечером, чтобы не видно было работу винтов. Проскользнув Зундом в Каттегат, поймали неплохой юго-западный ветерок и побежали на выход. Татьяна только что вернулась из детских кают, очень беспокоится за детей, несмотря на то что все прививки у них есть, тем не менее контролирует их состояние самостоятельно, не доверяя никому в этом вопросе.

– Как они все меня утомили! Особенno тем, как мы умудряемся выживать в этом диком крае? Да по сравнению с их дворцом наша каюта более удобна и комфортабельна. И кухня не понравилась. Наверняка у Руськи расстройство будет из-за этих дурацких пирожных из Парижа.

В общем, все как обычно: в гостях хорошо, но дома лучше. Тем более что наши апартаменты на этом корабле разрабатывала лично Татьяна. А серия, как и предыдущая, была названа ее именем. Две первых «Татьяны» остались дома, их решили разоружить частично, снять «лишнее» и отдать в судоходную компанию. Они устарели очень быстро. Там орудия на дымном порохе и почти неподвижные. Здесь подобие СУАО, центральный пост наведения, гидропневматический успокоитель качки, достаточно мощные вспомогательные двигатели, электроосвещение, рефрижераторы, опреснители, сильно сокращенная команда, по мере необходимости усилившаяся гвардейской морской пехотой.

Усиливающаяся непогода не позволила пройти Каналом, и эскадра обогнула туманный, в прямом смысле этого слова, Альбион, и, оставив справа Фейр, вошла в царство гигантских акул между Фарерами и Шотландией. Сашке очень нравилось морское путешествие, он

практически не укачивался, чего не скажешь о Ярославе, которая в основном спала и постоянно ходила чуть зеленоватая от «удовольствия», но дети быстро адаптируются, через неделю и она начала носиться везде, тем более что сменили курс, включили успокоитель, крены стали меньше и плавнее. А вертикальная качка ей нравилась.

Океан был величественен и пуст. Дети радовались любому появившемуся объекту: будь то кит или одинокий парус, который сразу стремился уйти подальше от эскадры. Играли с собаками или рассматривали причудливые горы облаков. Погода была относительно тихая. Сильных штормов еще не было. Наконец по левому борту появились скалы Португалии. Затем корабли вошли в Гибралтар, изменился цвет воды, и мы вошли в Средиземное море. «Скала» еще испанская, да и не играла она пока никакой роли: дальность артиллерии еще маленькая. У Картахены разошлись с небольшой испанской эскадрой, отсалютовав друг другу выстрелами из пушек, и, наконец, белые скалы Валенсии.

Гремят якоря, эскадра стала на якоря на рейде. Спустили шлюпку и передали капитану порта, что мы прибыли с визитом.

Через сутки к городу вернулась та самая эскадра, с которой мы расходились трое суток назад. Ею командовал целый адмирал, более того, «князь моря» (*Principe de la Mar*)! Звали его дон Хуан Хосе Младший. Свеженазначенный, проведший всего одну «боевую» операцию по бомбардировке собственного восставшего Неаполя, который отказался платить пошлины в казну, и разгромил разбросанные по всему городу таможни, которые собирали эти налоги. Возглавил восстание рыбак, который почему-то торговал овощами. 12 дней город принадлежал ему, потом ему сказали, что он победил, все тарифные законы отменены. И он ушел обратно к себе в хижину, поверив вице-королю Испании. Через два дня толпа растерзала его и его голову повесили на пику. А еще через день весь город торжественно хоронил его с уже пришитой головой. Но отделить голову не сложно, а вот пришить пока удается с большим трудом, и в 100 % случаев это пришивание уже никак не влияет на судьбу владельца головы. А вот на судьбу остальных влияет, и еще как! Восставшие остались без руководства, подошел от берегов Испании флот, который открыл артиллерийский огонь по городу. Затем высадились пехота и конница, и город был разграблен этими войсками. Командовал ими незаконнорожденный сын короля (таких детишек у сластолюбивого короля было около 30) Хуан Хосе.

Его флагман на малом ходу прошел мимо «Татьяны Выборгской», и Хосе объяснили цель нашего визита. Несмотря на имевшиеся

договоренности, короля в Валенсии не было. Его величество немного забыл об этом. Впрочем, скорее всего, он и не догадывался о том, что назначена встреча между нами. Любыми делами в королевстве занимался совсем другой человек: граф-герцог де Оливарес. Король до таких мелочей, как управление государством, не опускался. Его любимым занятием было детопроизводство, а не делопроизводство. Балы, пьянки, театр уж полон, «Господа, а не пойти ли нам к актеркам?». Кстати, «прынц» морей и океанов был сыном такой актерки. В данный момент король был вдов, у него скончался и наследник Бальтазар Карлос, весь двор был озадачен поиском ему невесты. В общем, в самое веселое время нас пригласил дон Гаспар де Гусман и Пиментель Рибера и Веласко де Товар, граф Оливарес и герцог Санлукар-ла-Майор, гранд Испании. Империя трещала по швам: три года назад пришлось признать независимость Португалии и всех ее колоний, 78 лет идет война с Голландией, дед короля допустил разгром своей Непобедимой Армады. Рудники в Пotosи практически исчерпаны. А королю об этом знать не интересно! Он – король! И не его дело, где граф-герцог деньги достает.

Но, Оливареса нет не только в Валенсии, но и в самом Мадриде. Заговор придворных, и он попадает в опалу, вместо него – герцог Альба VI. Теперь он стал грандом Испании. Зовут его Фернандо Альварец де Толедо Альба, так же, как звали его знаменитого предка герцога Альбу Третьего.

Собственно, все эти перипетии мы с Татьяной знали, но почта в те времена работала из рук вон плохо, поэтому получить приглашение от нового гранда было очень затруднительным делом. А требовался именно он и его «питомец»: король Филипп IV. Дело в том, что вице-королевством Перу в те годы командовал его ближайший родственник Педро Альварец де Толедо Мансера.

У меня было два больших дела к испанцам: Голландская Бразилия подбиралась к моим плантациям гевеи, это раз, второе – меня очень интересовал небольшой участок пустыни Атакама. А враги моего врага – мои друзья. Поэтому первый визит я нанес не королю Португалии, а королю Испании. Требовалось заручиться поддержкой Испании, а уж после этого идти в Лиссабон и разговаривать с Жуаном Восстановителем. А сами понимаете, что короли нешибко между собой дружили, особенно после проигрыша испанцами битвы под Монтихо.

Поэтому Хуану Хосе Младшему были показаны письма и приглашения от Оливареса, подписанные королем. Тот недоуменно хмыкнул и сообщил «новость», что «старый индюк» ошипан и более не служит королю.

– Но нас никто не уведомил об этих изменениях, раньше мы прибыть

не могли, так как разбирались с политикой вокруг и внутри России. Речь шла о совместных действиях против некоторых стран. А так мы в Константинополь направляемся, султан Ибрагим тоже желает поговорить по этому поводу.

Султанат Османский, старый враг Испании, а юноша только что вернулся из Неаполя, где ситуация, прямо скажем, нестабильная. Турция воюет с Габсбургами, и давно. Появление еще одного союзника у нее – дело нежелательное.

– Ваша светлость, я немедленно сообщу о вашем визите его величеству и его светлости герцогу Альбе. Это какое-то недоразумение, которое несомненно будет урегулировано. Я пришлю сегодня в дар наше восхитительное толедское, которое скрасит вам время ожидания.

– Хорошо, а мы немного покрейсируем по окрестностям, там на востоке видны какие-то острова. Здесь оставим часть эскадры, они будут ждать ответа Его Величества короля Испанского.

Для адмирала и командующего флотом нет ничего более гнусного, как маневры чужого флота во «внутреннем» море Испании. От его флагмана отваливается шлюпка, а у нас «Татьяна Выборгская» и «Т-104» выбирают якоря и отваливают в сторону Балеарских островов. Несколько каравелл тщетно пытаются удержаться за нами. Мы обошли острова, показали их детям и вернулись как раз к тому времени, когда в Валенсии появился герцог Альба. Кстати, когда отрывались от испанцев, успевали сами выкупаться. Вода еще вполне хорошая, начало октября, бархатный сезон. К сожалению, повалиться на пляжах не удалось. Могут понять неправильно, католические идиоты!

Альба привез весть, что его величество король Филипп IV собирается выехать следом за ним и будет на днях.

– О каком союзничестве шла речь, ваша светлость? Я, к сожалению, не нашел ничего по этому поводу у моего предшественника.

– Речь шла о том, что я хочу наказать Новую Батавию, а теперь и саму Батавию за нападение на одно из моих судов. Теперь к этому прибавилась еще и омерзительная статья в их «Газетт». Мне требуется голова этого негодяя, который посмел опубликовать полностью ложные сочинения. Порочащие и меня, и мое княжество, и московские порядки, ведь я избран царем всея Руси, и Госсовет России присягнул мне на верность. Он якобы пересказывает своими словами рассказ Вольдемара Ольденбургского, который связался с какой-то дурной компанией в Москве. За такую писанину у нас на кол сажают! – я изображал из себя чуточку чванливого, не слишком умного, самовлюбленного восточного деспота, в точном

соответствии с теми представлениями, которые господствовали в тогдашней Европе. О том, что это не так, они узнают чуточку позже. Гостей мы принимали у себя в апартаментах, само собой корабль ему не показали. Попытки его осмотреть были мягко, но настойчиво пресечены. Гостей мы принимали только днем, когда вспомогательные двигатели на баке были заглушены.

Встреча с королем состоялась в самой Валенсии в королевском дворце. В честь короля вечером мы дали салют, украшенный фейерверком. Его величество был достаточно высок для своего времени и практически был одного роста с нами. На нем аляповатый, расшитый золотом и позументами костюм, в котором он выглядел, как клоун или конферансье в цирке. Ни одного умного слова он не сказал, много пил, ругал соседей и голландцев, восхищался какой-то Амалией из Мадрида. Альба присутствовал при этом разговоре, Татьяна оставалась на корабле, так как я не стал дразнить одинокого королька. Впечатление напыщенного гуся абсолютно точно ложилось на него. А Альба не так прост, как кажется. Он начал очень издалека и подвел короля к тому решению, которое уже сам принял.

— Ваше величество! Его светлость князь Выборгский предлагает немного обезопасить наши владения на юге Новой Испании и севере Перу. Он говорит, что на его судно напали корабли под флагом Республики Свободных Провинций. Спустя некоторое время в их грязной брошюрке «Газетт» опубликована статья против его светлости. У нас вышедший из Пунто Корда галеон с так необходимым нам серебром пропал бесследно в Карибском море недалеко от места нападения на судно князя. Голландцы наглеют все больше и больше. Пора их наказать за такие действия.

Я тут же добавил, что мне голландцы должны неустойку за незаконченный канал из Вытегры в Белое озеро, который пришлось заканчивать самому, а представитель их компании исчез из Москвы, и найти я его не могу. Фактически он был убит во время смуты, но кто будет разбираться, как и что происходило в Москве, где была, в очередной раз разгромлена голландская Немецкая слобода во время Волховского бунта?

У короля появилась мысль и озарение в глазах, был составлен протокол о намерениях, обещана всемерная поддержка в обоих вице-королевствах. В Гавану направлен корабль с приказанием начать подготовку к карательной экспедиции против Голландской Бразилии. Я высказал пожелание взять в аренду или выкупить небольшой участок земли для строительства вспомогательного порта на территории Перу. Так, чтобы, никому не мешая, мои корабли могли поправить вооружение после

перехода вокруг мыса Горн. Я вожу сахар не только в Европу, но и на Амур, где расположены наши новые поселения. В случае успеха операции король пообещал выполнить эту просьбу. Он загорелся идеей насолить голландцам. Распрощавшись с королем, в тот же день снимаемся с якоря и следуем в Лиссабон. Разговор с Жуаном был достаточно коротким и по существу. В течение пяти лет мои суда полностью обеспечивают его фрахтом из колоний. Голландцы отобрали у него здоровенный кусок удобнейшей территории. И хотя он практически ничем от них не отличается и делает такой же бизнес на крови, мне приходится помогать ему. Испанцы хотя бы рабами не торгуют на государственном уровне. Рабство в обоих вице-королевствах официально запрещено. Есть, конечно, отдельные товарищи, которые помогают англичанам, голландцам и португальцам возить рабов из Африки, но это – не государственная политика Испании. Рабство отменено указом короля еще в середине прошлого XVI века. Остальные, на вырученные от продажи сахара, патоки и рома деньги, закупали дельный металл, мишур и другие товары в Европе, везли их в Мавританию и в африканские колонии Нидерландов и Португалии, там обменивали их на рабов, на которых был спрос в Бразилии, Голландской Бразилии и в Новой Франции. Рабов обменивали на сахар... Вот такой круговорот сахара в природе. Но корабли-рабоперевозчики были плохо подготовлены для перевозки достаточно ценного и, главное, хорошо адсорбирующего воду и запахи товара. Поэтому на них грузили древесину или мой металл, а сахар забирали мои капитаны. Рабовозы стали мотаться только между Новым Светом и Африкой. Товары из Европы доставлялись на выборгских судах. Конечно, по большому счету мы тоже принимали участие в этой преступной цепочке, но только косвенно. Заручившись поддержкой и Жуана, мы отбыли в Чанаккале, город, основанный практически на руинах древней Трои. Здесь, еще при Византии, древние инженеры перебросили через пролив знаменитую «цепь». Это было мощнейшим в мире механизмом долгие века. Таких цепей было две: одна перекрывала Дарданеллы, вторая – Босфор. Цепь не спасла две древние империи от разрушения, хотя они так упивали на нее. Вот мы и идем резать эти цепи. Не физически. Воевать с Турцией будет Москва, а не Выборг. Нам это пока не нужно. Мы идем «лепить» плохой мир.

Стали на якоря на рейде Горшечной крепости. Дистанция чуть больше 2850 метров. Их артиллерия достать нас не может. Ждем капитана порта. Гребная галера подходит, и мы предъявляем бумагу, что прибыли с официальным визитом. Имя валиде Кессем Султан и сultанская печать,

как и имя князя Святослава, заставили гребцов поднажать на вальки. Галера почти полетела назад. Через трое суток в районе крепости загрохотали пушки, и было видно, что в Чанаккале прибыл один караван судов, а на противоположный берег высадился другой.

Первой к нам подошла галера из Чанака. Визир-ханум Ханзаде Султан, с плотно упакованным лицом, появилась на мостице галеры. Сама она говорила только с глашатаем-мужчиной. Он кричал снизу-вверх, потому что рядом с «Татьяной» даже галеоны выглядели игрушечными. Ему отвечали. Затем у нас на мостице появилась Татьяна, естественно, с открытым лицом, и две женщины заговорили через переводчиков. Беседа длилась почти сорок минут, основной проблемой было то обстоятельство, что проходить «через» цепь в условиях отсутствия любых договоренностей с Турцией было нежелательно. Мы предлагали встретиться у нас на борту. Хозяева сомневались по тем же причинам. Пришлось вывалить парадный трап и показать, что подъем на борт не вызовет никаких сложностей.

После этого галера удалилась, и от другого берега подошла еще одна. Там был уже знакомый нам визир Икенчи-хан, вытаращивший глаза на невиданный корабль и больше смотревший по сторонам. Султан прибыл на европейский берег пролива и расположился в крепости Килитбахир. Про султана ходит много историй. Что из них правда, а что нет, предстояло выяснить. Но самому тащиться в крепость не хотелось. Так что настаивали, что и эта встреча пройдет на корабле, и показали, в каких помещениях. Визир был более определен и свободен в выборе времени. Поэтому первым на борту появился именно Ибрагим I.

В отличие от рисунков и рассказов, он не производил впечатления безумного человека. Как и его старший брат султан Мурад IV, он был повосточному жесток, хорошо обучен военным упражнениям, но, в отличие от брата, был вспыльчив, так как в детстве приходилось постоянно уступать все старшему. Они были похожи: большие поклонники женщин и чувственных развлечений, оба много пили, и оба находились под кабуком собственной матери. Их преследовали тени прошлого, великие султаны великой империи. Их укоряли их величием, как будто они были виноваты в том, что серебро упало в цене и инфляция поглотила экономику. Перед встречей я уже знал из радиограммы Усселинкса, что бронекатер «Шуга» прошел в Дон и в Азовское море и сейчас стоит в Инкерманской бухте, будущей Севастопольской.

Разговор с Ибрагимом был сложным и долгим, было выпито много толедского вина, которое он любил, а его нам подарили большое количество. Ибрагим тоже знал, что в Инкермане стоит железный

самодвижущийся корабль. Пока один. Но он также понимал, что это не последний корабль, который пришел туда по Дону. Его монополия на Черное море кончилась, и он видел, что семь огромных кораблей стоят на якорях под его крепостями. А князь просит, настойчиво просит убрать обе цепи и свободно пропускать его корабли в Крым и обратно. Крупнейшие солевые промыслы полуострова принадлежат ему, и терпеть убытки князь не собирается. Ведь море теперь «общее». И мать, и визири говорят, что с князем все, кто связывался, терпели поражение. Его даже Швеция признала, потеряв там целую армию. Крымского хана и поляков под Полтавой он заставил капитулировать. И торговля с ним приносит миллионные доходы, ведь хлопок делают рабы султана. Не приняв никакого решения, султан перенес встречу на завтра. Мы вышли с ним на палубу, и там, в темноте, на соседнем корабле зажглись огни, и он, не поднимая парусов, снялся с якоря, описал циркуляцию вокруг флагмана и снова стал на якорь уже по другому борту, причем шел корабль против течения.

– Шайтан! Ты просто шайтан, князь Святослав. – вспылил султан. – Давай договор, и будет так!

На следующий день привезли договоры, и через день корабли отдали якоря в Севастопольской бухте. Татьяна и дети проведут зиму в Бахчисарае и в Ялте, а нам предстояло вернуться к Валенсии, и оттуда следовать в Гавану. Из Ялты в Выборг была послана РДО, что мирный договор со Стамбулом подписан, Азов, Маныч, Яр и Черкасск возвращаются домой. Эскадра кораблей Выборга прошла в Черное море. Из Александрии вышел парусник «Александр» за солью из Перекопа.

В Инкермане находился князь Долгорукий с сыном Василием, курсантом второго курса морского кадетского корпуса. Они пришли сюда на «Шуе». Неугомонный командующий армией вечно находился в путешествиях. Он любил это дело и не мог упустить первое прохождение флота с Балтики в Черное море. Просит за себя и за сына взять их в очередную экспедицию. Я проверил зачетку княжонка, задолженностей не было, несмотря на то что ходил на Крым. Вернулся и все досдал. Возражать не стал, к тому же слышал, как отец поучал мальца «быть полезным князю и во всем его слушаться». Для будущего командинра такое путешествие будет весьма полезным. Так что прописали обоих в экипажи. Приняли топливо, воду и продовольствие. Татьяна не слишком довольна, что ухожу со всеми, но понимает, что без личного участия все может пойти прахом. Ни один из командинров кораблей в тех местах не бывал, и эскадрой никогда не командовал. Первый опыт, и совсем не хочется, чтобы он

давался кровью.

Глава 21. «Карибский кризис»

Всё, все приготовления закончены, от «Татьяны Выборгской» отходит шлюпка с самой Таней. Она сидит на баке и прощально машет мне рукой. Подан пар на шпили, звякает толстенная якорь-цепь, шумит вода, подаваемая в клюз. Такие же маневры идут и на других кораблях эскадры. Взлетают флаговые сигналы, корабли занимают свои места в ордере и вытягиваются в походную колонну. Севастополя еще нет, но князь Иван сказал, что 3000 семей направлены в Крым на строительство нового города, которому суждено стать столицей Крыма. План строительства мною утвержден. «Здесь будет город заложен, назло надменному соседу!» – Татьяна проследит за его строительством. Так как «государевы люди» переданы мне и Татьяне в вечное пользование, то проблем с людскими ресурсами не стало. Людей на Руси много, и «бабы еще рожают». С рождаемостью все просто идеально, но детская смертность высокая. А врачей мало, можно сказать, что их практически нет. Первый выпуск медицинского будет через год. Прошли Херсонес и легли на курс 237°, ведущий к Босфору. Командиры подбирают парусность, чтобы следовать одной скоростью. Строй – «клин», наиболее удобный для такого плавания. Корабли, как лебеди на перелете, пересекают море, несмотря на небольшой фордевинд от юго-юго-запада. Чуть уваливаемся под ветер, потом довернем. Князь Иван впервые на таком большом корабле, поэтому засыпает вопросами и меня, и своего сына, который, как курсант, изучал эти корабли. Но главные вопросы впереди. Он их задал на ужине: «Куда идем мы с Пятачком?»

– У меня есть плантации в Америке, им угрожают голландцы. Идем наводить там порядок.

– В Америку? А ты бывал там, государь?

– Ну, а собаки у меня откуда? Из Мексики! – ответил я, поглаживая примостившуюся рядом на стуле Туляшу. Туля удостоилась внимания праправнука основателя Москвы.

– А мы-то думали: откуда такие странные собаки у Святослава. Не, защищать свои поместья – повод законный, а чем голландцы тебя достали? Вроде торговые люди и ничего такого.

– Расползаются по всему миру, как тараканы, из-за идущей у них войны. А вслед за ними и другие тянутся. Мешать начинают. Поэтому и стоит укоротить им ручки. Они такие же татары, как наши крымчаки, не

смотри, что в европейские одежды одеты. Работорговцы. Это дело у них поставлено на широкую ногу. За это и карать будем. Ну, и пиратство они поддерживают. Мы договорились с королями Испании и Португалии немного подрезать им крыльшки. Дустом их присыпать. Я вообще мечтаю вернуть их Габсбургам. Они Татьяне мешают продавать ее ткани и костюмы.

— Так ведь в России спрос на ткани и одежду очень высокий! Там бы и продавали.

— А у тебя бабы в имениях чем занимаются, князь Иван?

— Хлебы пекут, лен дерут, дитяток ласкают. За скотиной ходят, да мало ли у баб забот!

— А у Татьяны они ткани прядут, одежду делают, 15 миллионов в год чистого дохода приносят. Еще и детей рожают, и за скотиной ходят.

Золотые дублоны запрыгали в глазах у Ивана Владимира.

— Государь, так надо бы еще такие фактории сделать.

— Надо, но вот пришли вы ко мне, а сделать свои хозяйства так, как сделано у меня, не хотите. Ты моих коров видел?

— Видел! И двух бычков себе купил.

— Не получится, князь Иван, надо брать пары, точнее, одного-двух бычков и штук шестнадцать телок, тогда толк будет. Подождать чуток, и заменить все поголовье. А на полукровках далеко не уедешь. Не будет ни высоких надоев, ни крупного скота. Так и будешь от урожая до урожая с хлеба на квас перебиваться. Не сам, конечно, а твои люди. А много голодные наработают? И кто кормить работяг станет, коли на селе голодуха? Вот ты об этом подумай.

— Да боязно, государь, столько денег сразу выкладывать. Батюшка мне говоривал, что аккуратно надо в новшества вкладываться.

— Ну какое же это новшество? Земли у меня более бедные, Пятина гораздо севернее Москвы, Иванова и Курска, но ты имеешь 50 пудов с десятины в хороший год, а я — триста. А иногда и более.

— Зато у меня картошка лучше растет. — обиделся Иван Владимирович.

— Так картошку ты у меня взял, а на твоих черноземах она, конечно, растет крупнее, чем на моих суглинках. — Тут князь Иван заулыбался, понял наконец, что не подкалывают его, а учат хозяйствовать. — Обрати внимание, князь Иван, людей я у себя полностью освободил и организовал коллективные хозяйства на своих землях. Некоторые хозяйства, у которых дела идут хорошо, землю выкупили, мне только налоги платят, в том числе и земельный, а урожаем сами распоряжаются.

— Деревни у тебя богатые, ничего не скажешь, княже. Я на это еще

четыре года назад внимание обратил, что богато люди живут, особо в Князево. Но и сам не бедствуешь! Гляди, какие ладьи, себе на потеху, отгрохал! А ведь немалых денег стоят!

– Не на потеху это, Иван Владимирович. России тоже надо флот строить. Немного разберемся с хозяйством, зерно куда-то девать надо будет. Да и границы стеречь придется. У России должен быть великий флот.

– Ох, где ж денег-то столько взять?

– В болотах, Иван Владимирович, в болотах! Там наше золото закопано. Вот вернемся, и поеду я в Дедовichi завод там закладывать.

– Какой-такой завод, там, кроме клюквы, ничего нет. Ты ж в Бабино что-то копаешь?

– В Бабино – это само собой, это другой завод, но к тому, что в Дедовицах, я его подключу. Просто в Дедовицах завод быстрее встанет, чем в Бабино. Хоть и начнут его позже.

– А не секрет, что делать там будешь?

– Горючий газ.

– Что за напасть такая? – спросил Иван Владимирович, столкнувшись с незнакомым термином.

Я подозвал матроса, который обслуживал стол, и попросил принести из моей каюты прозрачную зажигалку.

– Это – вот такая жидкость. Она горит, и в обычном состоянии похожа на воздух. Воздух тоже газ, но не горит. А этот горит, и используется на моем заводе. Им сталь греют. С его помощью мы такие корабли и строим. А из него очень много удивительных вещей можно сделать.

– Вот что, государь, я, конечно, понимаю, что ты и сам с этим справишься, но в долю меня возьми, Христом богом прошу. Ой, в общем, земной поклон кладу. Прими в кумпанство. Золотишко не только у тебя имеется.

Вот так и образовался ОАО «Газпром». Осталось только «Зенит» купить. И «Порши» для манагеров.

Кораблям предстояло пройти 7 288 морских миль. Зашли в Валенсию, получили письма от короля к вице-королям обеих Америк. Впереди нас уже побежал в сторону Гаваны князь морей Хуан Хосе Младший, но придет он на несколько недель позже. Испанские галеоны и каравеллы те еще ходоки. Им требуется в одном-двух портах постоять, чтобы океан пересечь без слишком больших проблем. У Гибралтара, из Танжера, подскочили семь «Выборгов» «Аз» и «Буки». На них снабжение и топливо. Хотя в тех краях делают довольно много рома, и спирт там не в диковинку, полагаться на то, что удастся полностью забункероваться импортным спиртом, не

приходится. Из Выборга успела подойти рефрижераторная «Букашка», наш самый большой секрет на сегодня. Пятнадцать кораблей собрались в две колонны и пошли к Багамским островам, нарушая сложившуюся в те годы традицию идти южнее, используя попутный Гвинейский пассат. По «дороге» устроили небольшие учения с боевой стрельбой, расстреляв небольшую флотилию пиратов. Никакого флага они не несли, кроме «Веселого Роджера», скорее всего, были англичанами. Шли от Азорских островов в сторону Вест-Индии. Скорее всего, везли китовый жир, потому что горели черным дымным пламенем. Его массово используют для освещения, даже не понимая, что спирт горит более ярко и получить его проще, чем добыть ворвань. Кораблики были небольшие, очень разные по конструкции. Часть из них явно английской постройки, были голландцы и португальцы. Они довольно сильно различаются по фигурам-рострам, парусному вооружению, и кормовой надстройке. Встретили на переходе и четыре своих барка. Идут с сахаром в Европу. Обменялись салютом и раскрасились флагами расцвечивания. Поздравляют с первым выходом в океан. Приятно! Бело-синий флаг со звездой и с серпом и молотом зареял над Атлантикой. Торговые корабли носят красный.

Разобрали итоги «учений», высчитали поправки и инструментальные ошибки, я на надувном катере обхехал всю эскадру и побывал на всех кораблях. Туляша меня сопровождала. «Оморячилась» она быстро, даже вверх по сетке-трапу поднималась. Спускаться так и не научилась, поэтому просто прыгала в воду, а потом забиралась в катер, или я ее из воды выдергивал. На кораблях ее считали как собаку «адмирала». Иногда было прикольно наблюдать как она крысится на моряков, решивших с ней поиграть и приласкать ее. Чужих она не любит, совсем. Наконец, у Теркс и Кайкос, коралловых рифов в Карибском море, нагнали Хуана Хосе. Я в рупор прокричал, что пойду не в Гавану, а на Ямайку. Тот помахал рукой, показывая, что он понял. Ямайка еще принадлежит испанцам. Через несколько лет в 1654–1660 годах пройдет Англо-испанская война, в ходе которой будет захвачена и аннексирована Ямайка. Меня она интересует из-за бокситов. Там сосредоточено 14 % мировых запасов этой руды. На маленьком-маленьком острове. Я не жадный, но отдавать такое добро не хочется, тем более «лимонникам». Свои бокситы есть, но их немного, и руда не такая богатая, как здесь, в Вест-Индии. Да и вкуснее чужое!

Осторожно подрабатывая машинами, идем по мелководному и опасному проливу Графа Ада. В сильный юго-восточный ветер, а он зимой здесь дует постоянно, этот пролив совсем небезопасный. Благодаря

этому проливу здесь так долго смогли удержаться английские пираты. Волнолом от Ямайки до Порт Рояля еще не готов, и видно, как тысячи рабов носят камень и бросают его в воду. То есть умная мысль закрыть юго-восточный проход во внутреннюю гавань уже кому-то в голову пришла. Волна в будущей гавани Кингстона сейчас очень приличная. Кингстона как такового еще нет. Не торчат поднятые в небо бело-красные контейнерные краны. Не отсыпан терминал. Заходим за риф, на котором расположился главный город острова, а на самом деле небольшая кирпичная крепостенка с открытыми орудиями, торчащими во все стороны, и встаем на якоря. К причалам с нашей осадкой не подойти. Спускаем адмиральский катер и на нем подходим к атоллу. Сеньор дон Себастьян несколько встревожен, так как уж больно много кораблей вошло в не слишком большую и удобную бухту. Я поздоровался с ним и передал ему королевский указ, где было указано оказывать нам соответствующие почести и поддержку. Союзный договор в действии. Над Порт-Роялем взлетает второй флаг, и поднимаются флаги расцвечивания. Еще один форт Аугуста, который прилепился у самого берега, тоже поднял флаги расцвечивания, отменив боевую готовность. Гостей здесь встречают пушками. На левом берегу Рио-Кобре – главное украшение города: огромное кладбище. Эта земля напоена кровью по самое не хочу! Открытая Колумбом в 1494 году земля была населена примерно 660 000 индейцев-араваков. Через 50 лет на острове осталось 74 индейца. Остальные вымерли или были убиты. Ситуацию не изменила даже отмена рабства. Индейцы продолжали вымирать от оспы и «испанки», обыкновенного гриппа. И тогда на остров потоком хлынули рабы из Африки. Сейчас население состояло практически полностью из них, немногочисленные испанцы иmetis первых поселенцев составляли «элиту» острова и являлись крупными землевладельцами. Здесь выращивали сахарный тростник, который завез сюда Колумб, под него вырубали тропический лес. В лесу собирали капку, сердцевину плодов хлопкового дерева. На острове два города: Сантьяго-де-ла-Вега, центр которого находится в 11 километрах от форта Аугуста, и Монтеро на северном берегу острова. Остальные «города» даже на деревушку не тянут, но обязательно имеется форт. Либо деревянный, либо уже каменный. Сантьяго-де-ла-Вега строится с размахом, и средневековой напыщенностью. Хорошо видно и постепенное угасание колонии. Раньше и строили с большим количеством украшений, теперь все больше мелких и некрасивых домишек прилепляется к роскошным дворцам первопоселенцев.

Вот такие вот союзники. Теперь немного о противнике.

Историю пишут, как известно, победители, поэтому нам известно о разгроме Непобедимой Армады, но причина, по которой Испания была вынуждена воевать с малоизвестной и нищей Англией, была в том, что Англия поддержала революцию в Нидерландах. Поскольку в первой половине XVII века на морских коммуникациях Атлантики доминировал голландский флот, можно предположить, что наибольшую прибыль от морского разбоя в Вест-Индии получала буржуазия Республики Соединенных провинций (далее – Голландия), превратившая морскую войну против Испании и ее колоний в доходное капиталистическое предприятие. За период с 1621 по 1636 год, каперы Нидерландской Вест-Индской компании (ВИК) захватили в американских водах 547 испанских и португальских судов стоимостью 6 млн 710 тыс. гульденов, тогда как снаряжение каперских экспедиций обошлось ВИК в 5 млн гульденов. Продажа награбленного в Голландии принесла компании 30 млн гульденов дохода. Если взять период с 1621 по 1643 год, то за это время голландцы захватили или уничтожили более 600 испанских и португальских судов. Только третью часть прибылей ВИК получила за счет торговли; остальной доход был получен за счет морского разбоя и грабежа приморских городов в Америке. Когда в 1628 году Питер Хейн захватил у берегов Кубы испанский «серебряный флот», нагруженный американскими сокровищами, в его руки попала добыча на 11,5 млн гульденов. Чистая прибыль ВИК составила около 7 млн гульденов; моряки получили 950 тысяч, директора компании – 70 тысяч, сам Хейн – 7 тысяч гульденов. Пятая часть добычи пошла в пользу государства. Руководство компании смогло выплатить акционерам в 1629–1630 годах дивиденды в размере 75 %. Стоимость взятой Хейном добычи равнялась $\frac{2}{3}$ стоимости годового содержания всей голландской армии.

В «Доказательствах Вест-Индской компании против мира с Испанией» (1633 г.) отмечалось, что корабли компании регулярно доставляют в метрополию огромное количество ценных колониальных товаров: кошениль, индиго, имбирь, сахар, шелк, хлопок, шкуры, слоновые бивни, табак, бразильское дерево, соль, смолы и пр. Все это затем экспортировалось в другие европейские страны. Руководство ВИК утверждало, что ежегодно компания вывозила за рубеж около 5 тонн золота, а ввозила более 10 тонн.

Так что, англичане не выдумывали Ост- и Вест-Индские компании. Их придумали голландцы. Голландцы отобрали у Португалии и Испании множество колоний. Они разгромили к 1648 году испанский флот на всех

морях, и практически поставили Испанию, во второй раз (!), на грань банкротства. До их полной и окончательной победы всего год. И в этих условиях я принял решение помочь Испании удержать кое-что кое-где. Не забыв при этом оговорить некоторые важные для меня условия.

Первую операцию проводим без союзников, и она будет очень болезненной для Вест-Индской компании. Они – капиталисты, такие же, как и я, бить надо по доходам. А что дает постоянные доходы? Соль! Поэтому направляю эскадру к берегам небольшого острова Бонэйр к форту Оранье. Свежевыстроенный, ему еще нет и десяти лет. Уже по новой «голландской оборонительной схеме». Скоро все форты в мире будут перестроены по ней. Так же, как все в мире, перешли на голландскую военную форму, голландские названия всех частей кораблей, голландские строи в бою, голландцы первыми сняли с себя броню и основное значение отдали огневому бою и скорострельности. Остальные жалели порох и предпочитали ходить врукопашную. Форт по тем временам мощный! Целых четыре пушки. Городишко, расположившийся под стенами форта, занимался солью. Несколько голландцев гоняло на крупнейшие в мире солеварни кучу рабов, и продавали эту соль по всему Новому Свету и в Европе. А у меня тоже соль и солеторговля. Конкуренты, паниш! Огонь! Даже в наши дни на острове проживает не слишком много народа, несколько тысяч. В те годы их было еще меньше. На захват Бонэйра ушло менее четырех часов. Соли навалено! Года три вывозить придется! На коралловом берегу в голландском стиле построены маленькие домики для рабов. Их даже не хоронили, их выбрасывали в море, акул прикармливали, чтобы негры и не подумали бежать. Очень много розовых фламинго, они очень украшают местные соляные озера.

От Бонэйра по ветру уходим к Виллемстадту. Остров Кюрасао недавно перешел под контроль голландцами и в 1634 году они основали здесь город. Углубив входной канал Схоттегат, создали великолепное внутреннее море. Вот и сейчас внутри гавани скопилось более 200 кораблей, большинство из них имеют капрский патент Вест-Индской компании. Именно они напали на мое судно. Огонь! Делаем три залпа шрапнелью. От эскадры отделяется небольшой катер, который проверяет глубины в канале и высаживает морскую пехоту на Риф-форты справа и слева, и в Пунд, и в Отробанду. Над городом стелется черный дым горящих и взорвавшихся кораблей пиратов. На фортах много убитых и раненых, сопротивление уже никто не оказывает. Из гавани под белым флагом появляется катер, губернатор вышел на переговоры. Жив, курилка.

– Какого черта! Что происходит? Кто позволяет себе без объявления

войны нападать на мирный голландский город!

– Ничего подобного! Я напал на каперов и пиратов, которые полтора года назад попытались напасть на мои суда. Я – князь Выборгский Святослав. У вас – пиратский притон, а не мирный голландский город. Этот остров – колония Испании, а Испания – мой союзник. Ваши люди не заплатили мне неустойку за срыв работ на канале в Вытегре, мешают судоходству здесь и занимаются пиратством. Этому притону пришел конец! Мне надоело ваше присутствие в этой части света. Есть предел моему терпению.

В общем, изображаю разгневанного тирана, которому до черта надоели выходки Вест-Индской компании. Начинается торговля, кто кому сколько должен и куда следует пойти губернатору с его предложениями. Удар нанесен вовремя и сильно. В зимние шторма все сбиваются в гавани и пьянятся на берегу. В это время года судоходство минимальное, поэтому пиратам делать нечего, и они пропиваются награбленное летом. Еще один такой притон находится на берегах знаменитого своим грозами озера Макараибо. Вот только проход туда довольно тяжелый.

Через неделю подошел флот испанцев, и они заняли город. Мне Кюрасао не интересен. А вот Бонэйр я им не отдал. Там будет моя колония. Вместе с Хуаном Хосе на борту его флагмана находятся вице-короли Перу и Мексики. Они наносят мне визит, мы долго и бурно отмечали освобождение Кюрасао и победу над пиратами, хотя до победы еще ой как далеко! Результатом большой попойки стал большой патент на взятие в аренду сроком на 200 лет провинции Калама в Перу. Прямоугольник 200 на 250 километров в самой сухой пустыне мира стал принадлежать Выборгу за 5 000 серебряных талеров в год. Там находится крупнейшее в мире медно-золотое месторождение Калама, шесть месторождений натриевой селитры и в 65 километрах от побережья есть крупная горная река. А у меня уже готовы 90 километров труб, чтобы перебросить воду из реки Рио Лоа на побережье, где в современном нам мире находится порт Токопиллья, через который перебрасывается весь медно-марганцевый концентрат в Америку. И в соседней провинции куча бездельников-шахтеров, у которых закончилось «легкое» серебро, и там кризис. А их в крупнейшем городе Нового Света 256 тысяч! И все без работы! И это не Доны с Педрами, а работяги, у них, кроме мозолей, никаких украшений нет. Самый настоящий пролетариат.

Соседний остров Аруба не был заселен. С него испанцы депортировали карибов, и тех пор на острове только небольшая ферма по

разведению лошадей и коз. Отсюда до полуострова Парагуана совсем недалеко. Его песчаные пляжи отлично видны в оптику. Внутри залива находится городок, давший название целой стране: Венесуэла, маленькая Венеция. Вот там спрятались от зимних штормов пираты, но моим кораблям туда не пройти. Поэтому оставляем их на закуску самим испанцам, а сами направляемся в сторону Новой Батавии. Испанцы бросились в устье Ориноко, освобождать там Вилла де Нуэстра Сеньора дель Росарио Вирхен-де-Ангостура. До чего они раньше любили длинные названия! Сейчас это город Соледад. Мы же атаковали колонию Демерара-Эссекуибо на реках Демерара и Эссекуибо, это и есть Новая Батавия, на которую голландцы возлагали такие надежды. Реки полноводные, только с очень мутной водой. Корабли заходили под машинами в них и разносили причалы и постройки. Дважды голландцы пытались стрелять из пушек по кораблям, но что они могли сделать из своих «пукалок» с комбинированной броней дуб-сталь? Фактория в 25 км от устья Эссекуибо с крупной плантацией табака осталась без белых надсмотрщиков. Форт разрушен, индейцы и негры разбежались. Эта плантация давала почти половину всего табака в Европе. Воевать надо серьезно. Тут подошли португальцы из Рио-де-Жанейро, они защищали городишко за нами, выбивая оставшихся голландцев. Зачистили саму Батавию на реке Коппернаме. Обстреляли и сожгли Парамаибо, столицу Батавии. Некогда эти места были колонизированы Англией, но их обменяли на Новый Амстердам, который сейчас называется Нью-Йорком. Там была голландская колония.

В Кайенне пришлось высаживаться и защищать город от пиратов, коих собралось там великое множество. Губернатор граф де Сармен вначале был возмущен прибытием Армады на рейд Кайенна, с виду наши корабли не такие уж и грозные, поэтому француз вначале разошелся, дескать, шли бы вы отсюда подобру-поздорову. Он пересел обратно на свой галеончик, а мы сыграли боевую тревогу на глазах у губернатора. Батопорты открылись, и орудия развернулись на всю длину. Это для нашего времени они «коротковаты», а в том времени длина в 30 калибров была огромной. Орудия «Татьяны Выборгской» дали залп по порту и острову Ля Мере, где был деревянный форт, шрапнелью, губернатор тут же развернулся и переговоры продолжились. Договорились город не жечь, но все корабли голландцев мы вывели из порта и затопили. Де Сармен обещал не предоставлять убежища пиратам и не сотрудничать с соседней Батавией. Выяснилось, что самые красивые девицы в Латинской Америке живут в Гусанбурге! Ради них мои разведчики попросили не стрелять. Одну из них привез на борт командир группы. Черноволосая красавица сказала, что

все корабли принадлежат гугенотской общине из Лиона. Они выращивают хлопок, рабов у них нет, управляются сами. Стрелять мы не стали, хлопок весь скупили, обещали приходить и забирать два урожая в год. Прошли вниз до порта Макара, что в устье Амазонки. С вице-королем Бразилии маркизом де Монталваном мы договорились, что следить за порядком в этом районе пока буду я. Для этого за мной закреплялся небольшой захудалый порт Чавес, куда я могу заходить, строить там причалы, склады на беспошлинной основе. Оттуда до моих участков на островах Тапара и озере Шингу чуть больше 170 километров вверх по реке. Право эксплуатировать порт предоставляется на 50 лет. Это – небольшой срок, но главное – патент получен, а срок можно изменить, переговорив с Жуаном IV.

Глава 22. Закат республики

Экспедицию сворачиваем. Два корабля остаются здесь контролировать новоприобретения. Им обещана пересменка. Пять военных и все гражданские суда пошли в сторону дома и по своим делам. Кто под погрузку латексом, кто за сахаром. Война – войной, а обед по распорядку. Зашли на обратном пути в Лиссабон. Изменили срок аренды Чавеса, продали большую часть трофеев и большую партию соли и двинулись дальше. В Европе уже известно, что в Вест-Индии произошли большие изменения. За нами идет довольно большая испанская эскадра, на которой находится испанский корпус. Возглавляет его герцог Альба VI. Он решил принять на себя бремя славы Альбы III, покорителя Нидерландов. Стальной рукой тот правил ими почти полстолетия, правда, довел их до революции. За иллюминаторами конец апреля, весна, лед в проливах тает, в этом году его не очень много было, видимо, мы жару в Гольфстрим подбросили. Еще у Бреста стало известно, что Республика Свободных Провинций объявила войну Выборгу и всю зиму готовилась к ней. Королева шведская Кристина отвергла их просьбу пропустить голландскую армию через Швецию и Финский удел к Выборгу. Своя рубашка ближе к телу. Флот вышел из портов Батавии, как только растаял лед. Мы чуть опаздываем. Но ничего, догоним. Плюс, это у меня на флоте орудия стреляют на 8 км. А на суше они бьют на 15–18 км. Так что мало голландцам не покажется! Корпус высаживается в Бельгии, которую усмирил когда-то герцог Пармский III, и она была провинцией Испании до середины XVIII века. Альба Шестой попросил чуть проредить морское побережье, а он осадит Амстердам. Так и сделали.

Могущество этой страны держится на приливах и отливах. Очень удобное место для строительства сухих доков. Начиная от Влиссингена мы заходили во все порты и били из 152-мм прямой наводкой по воротам доков, целенаправленно разрушая их экономику. Остальное меня не интересовало. Ограбят их испанцы. Очень активненько подавили огонь двух форта у Роттердама и завалили им фарватер потопленными судами. Порт обстреляли шрапнелью и фугасами. Горит, приятно посмотреть! Захватили Фортейланд в устье Нордзее, разбили доки, до Амстердама нам не добить, но фарватером несколько лет пользоваться не придется. На этом голландская компания была завершена, и мы ушли в Балтику. Испанцы

осадили Амстердам. Голландский флот находился в Балтике и помешать осаде не мог. Фортейланд мы передали испанцам. Амстердам был обречен, так как его снабжение мы прервали. У Копенгагена у нас появились еще союзники! Дания решила надрать задницу голландцам и присоединилась к нашей эскадре. Старая вражда и желание малость пограбить присоединила их к союзу «Трех». Я не стал возражать, учтывая ту информацию, которую передали датчане. Голландская эскадра насчитывала более 150 кораблей. Их мы обнаружили у Порккала, где шесть береговых батарей и три броненосца устроили флоту кровавую баньку. Финская Лужа – наша, и соваться сюда не следует. Как на грех в это время года ветров практически нет. Голландцы зависли с обвисшими парусами, а катера их расстреливали из танковых орудий. Приотставшие галеры датчан ударили по веслам, и пошел абордаж. Мы смотрели на это веселье чуть со стороны, потому что обижать «союзников» не стоило. Пусть повеселятся, тем более, что с гегемонией Голландии на море уже покончено. Из остальных мест мы их тоже выбьем. Названия-то какие: Капская провинция, Цейлон, Ява, Суматра, Индонезия!

Больше всех удивила Татьяна, она, оказывается, приехала. Добиралась на санях, сразу как узнала, что голландцы готовятся к нападению. Успела приехать, подготовила княжество к обороне, и вообще вела себя, как княгиня Ольга. Слез не лила, а вполне серьезно готовилась к боям. Кстати, заготовила и новый для нас тип боеприпасов: свободнопадающие объемно-детонирующие бомбы в 500 кг для «Горыныча». Она настаивает, что необходимо дойти обратно до Амстердама и ликвидировать герцога Оранского. Мне этого делать не хотелось, да и нет никакой надобности демонстрировать взрывы такой мощности. К сожалению, насчет Оранского Татьяна была права, он еще много нам крови попортил впоследствии. Амстердам он сдал уже в середине июня. Ему не хватило пороха, потому что отправил много его с погившим флотом, а каналы во все порты мы запечатали. И хотя у него было достаточно гуano на островах в Карибском море, доставить его в осажденный город не удалось. Довольно странно повел себя и король Франции Людовик XIV. Обычно Франция поддерживала всех, кто воевал против Испании. На этот раз Анна Австрийская и кардинал Мазарини не проявили никакого участия к судьбе Свободных Провинций. Во-первых, Анна носила в юношестве фамилию Габсбург, во-вторых, Мазарини, несмотря на объявленную войну с Испанией, был больше озабочен активизацией Фронды против него. В-третьих, в Париж было доставлено письмо губернатора Французской Гвианы, который подробно расписал действия нового союзника Испании.

Очень внимательный Мазарини не преминул сказать Анне:

– Кажется, мы пропустили рождение монстра на Севере. Он доставит всем нам очень много неприятностей!

Герцог Оранский сбежал в Англию и встретился с генералиссимусом Кромвелем. К этому времени произошло банкротство Вест-Индской компании, и какой-то акционер, пожелавший остаться неизвестным, скупил долговые векселя компании. Директорат был им уволен, их имущество ушло за долги. Распоряжался всем довольно известный адвокат из Парижа, но он не был знаком лично с новым акционером. Судя по всему, это была женщина. Но герцога мало интересовал этот вопрос, его капиталы давно находились в банках Англии. Его беспокоили совершенно другие вопросы.

– Дорогой друг, мы столкнулись с невероятно сильным противником, и это был разгром. Полный разгром! Самое интересное, он ни разу не сошел на берег, его солдаты не грабят местное население, его не волнует церковь, но он бьет по самым ключевым точкам, лишил нас денег и снабжения и оставил все, понимаете, все абсолютно испанцам и датчанам. Как будто у него стояла задача именно полностью нас уничтожить. Не отнять, а уничтожить. При этом он чистенький, как стеклышка. Грабили – испанцы, а выборгские стояли НАД этим. И его орудия. Во-первых, они стреляют белым дымом, и его очень мало. Во-вторых, бьют на несколько миль, и очень точно. В-третьих, снаряды взрываются в воздухе и дают невероятно большое количество осколков, которые выкашивают солдат и канониров. Мне докладывали, что несколько раз нашим пушкарям удавалось попасть по их кораблям, но без какого-либо результата. Ядра отлетали от них, как от скалы. И еще какая-то неведомая сила удерживает корабли и орудия от крена. Они – не кренятся, а если это происходит, то орудия остаются направленными на цель. Они как живые следят за целью.

– Колдовство! Надо объявить его колдуном и потребовать его сжечь.

– Мне кажется, что скорее он нас с вами сожжет, чем мы до него дотяннемся. В его государстве нет силы, которая может припереть его в угол и заставить выполнять их волю. В церковь он не ходит и у него в Выборге объявлено о свободе вероисповедания. Ни одна из церквей не имеет на него влияния. Именно поэтому он и не занимает престол в Московии, хотя правит этой страной полностью автократично. Госсовет лишь исполняет роль министров при нем.

– Мне интересно другое: почему он встал на сторону проигравшей стороны? Что заставило его принять сторону Испании и Португалии?

– На Карибах он заявил, что это вызвано тем, что один из его кораблей

подвергся нападению со стороны наших капреров. Именно это, дескать, и послужило поводом для войны. Второе, что наша газета «Газетт» опубликовала статьи о России, где неодобрительно отзывалась о новом русском царе, в связи с его «неполноценностью» как неверующего во Христа, нашего господа. Именно это им было указано во Влиссенгене. Мои испанские источники подтверждают это. Кстати, и его величество Филипп IV, и герцог Альба не ожидали от князя такого ума и прозорливости. И не рассчитывали на такой сокрушительный успех. С виду его корабли не такие уж и грозные, только что огромные. В Средиземном море князь не показывал, что корабли могут ходить без парусов, стрелял обычным порохом и всячески подчеркивал свое миролюбие и возмущение пиратством. Филипп смеялся над самоуверенностью князя, впервые вылезшего из своей норы на севере. Разгром пиратов в Виллемштадте был полнейшей неожиданностью для испанской короны. Ну, а дальше бастард сообразил, что его союзник очень силен и сам может решить все проблемы, поэтому не стал с ним спорить и удовлетворил все его требования. Альба сразу смекнул, что необходимо пользоваться тем обстоятельством, что мы решили напасть на Выборг, пока князь находится далеко. Но до Выборга нам дойти не дали. Эти маленькие железные корабли бьют невероятно точно и одним снарядом отправляют на дно фрегаты и галеоны. Лишь горстке моряков повезло уйти.

– У нас флота нет, дорогой герцог. Та мелочь, которую мы имеем, не справится с этим монстром. Мне необходимы ваши мастера-корабелья.

– Сейчас флот Испании блокирует побережье, каналы завалены затопленными судами, и мало кто сумеет прорваться в Англию. Я ушел оттуда с Датской территории.

– Они же воюют с вами?

– Нет такой крепости, которую бы не взял осел, груженный золотом. – улыбнулся герцог Оранский. В уме он уже проигрывал ситуацию, каким образом ему занять трон в Англии. Король находился под арестом и фактически был низложен. Неподкупный генералиссимус скоро всем надоест, и наступит звездный час герцога Оранского.

Лорд-хранитель Оливер Кромвель тоже понимал, что не просто так герцог оставил свою страну, и надеялся, что ему удастся извлечь из ситуации максимальную пользу. Во-первых, его колонии и флот практически не пострадали, во-вторых, он отчетливо понимал, что вскоре предстоит померяться силами с голландским флотом. У него в столе лежал еще не подписанный им «Акт о Навигации», по которому он фактически перекрывал все порты в Англии, Шотландии, Ирландии и в Новом Свете

для кораблей из других стран, давая преференции только собственному флоту. Он надеялся таким образом стимулировать развитие собственного флота, которого резко недоставало. И он знал, что это – казус белли для Нидерландов. Англия последнее время вместе с Францией пытались уговорить Филиппа IV признать независимость Голландии, и было видно, что под грузом финансовых проблем король все больше и больше склонялся к тому, что война, длившаяся 80 лет, подходит к закономерному концу. Более алчные и бездушные капиталисты расстреляли финансы некогда великой страны, к этому добавилось и опустошенные рудники великого Потоси. Несколько последних поставок серебра попали, благодаря пиратам, в руки противника. Фактически Голландия вела войну с Испанией на испанские деньги. Целый ряд банкиров предсказывали неизбежный дефолт по платежам со стороны Испании и ее второе банкротство. Но они ошиблись. Голландия потерпела сокрушительное поражение сначала на море, а теперь и на земле. Как реальная сила она перестала существовать. К сожалению, кардинал Ришелье сумел подтянуть французский флот на уровень половины голландского, и с возмутительной неизбежностью просматривалась война и с Францией. Тем более французские владения в Луизиане растут и процветают. Их Карибский разгром практически не коснулся. Требуются значительные усилия государства, чтобы избежать поражения на море. Одно хорошо – потрепав роялистов, генералиссимус неплохо покопался в их глубоких карманах. Наличие капитала не спасало от смерти и конфискации. Часть людей, конечно, сумело ускользнуть из его цепких лап, но большинству это не удалось. Теперь их капиталы послужат трамплином для броска будущей королевы морей. Испанцы явно не будут ссориться с Англией, и Кромвель решил послать свои суда за корабелами Голландии. Тем более что никаких нарушений нет: у Англии на территории бывших Испанских Нидерландов есть порт. Теперь нужно только опубликовать в «Газетте», ах, черт, она закрыта, а редактор и корреспондент, точнее их головы, высланы в Выборг, как отступное еще герцогом Оранским. Нужно дать знать, что корабелов ждут в Англии. Оливер сухо попрощался с Виллемом ван Оранье-Нассау и, сославшись на дела, выпроводил его из кабинета. В голове у реформатора громоздились планы, и главным был план мести князю Выборгу. Но как это сделать, он еще не придумал.

Зато в Выборге точно знали, что предстоит сделать!

Глава 23. Экспансия как средство самосохранения

Готовились четыре судна в Перу и два корабля в Канаду. В Перу майором-губернатором идет Стрешнев, с батальоном морской пехоты и ротой гвардейцев. В Канаду пойдут старший лейтенант Лисин и его супруга. У него такой же состав войск, но батальон будет переброшен двумя экспедициями. В связи с резким увеличением района плавания, судов опять не хватает, и стапель работает с полной нагрузкой, но готовы новые суда будут только осенью. Требуется строить еще один стапель, но места для него в Выборге нет. Судоходная компания решила немного вложиться в постройку новых судов, поэтому в Куми (Котке) начались работы по расчистке места под новый стапель. Я же вывез топографов в Дедовичи, и они снимали планы местности на болотах Полисти. Дело было в том, что мне требовалось значительные объемы руды. Мы собирали то, что лежало на поверхности, а рудное тело в Питкяранте имело в составе много серы. Из-за того, что сталь и чугун приходилось раскислять, резко возрастила себестоимость. Озерная руда в этом смысле очень выручала. Она очень богатая и чистая, но ее не так много, и кучей она не лежит. Строительство и прокладка железной дороги в Костомукшу шли ни шатко ни валко из-за отсутствия достаточного количества людей, я не мог бросить туда чужих крестьян из России. Плюс дорога на Москву оттягивала кучу стали и большое количество специалистов, общее количество которых измерялось единицами. Мизерное количество пленных голландцев в этом отношении не могло дать ничего. Пара грамотных офицеров, а остальные: солдаты и матросы. Поэтому меня интересовало ближайшее свободное крупное месторождение железной руды на островах Бретон. Там руда находится в полутора километрах от воды в озере-фьорде Брас д'Ор. Город Сидней, само собой, еще не заложен. Населения нет, есть китовая станция на одном из мысов, а так все зверя бьют, бобров истребляют и соболя. Население – французское, англичане там еще не появились, но скоро заявятся. Туда решено отправить Настю и ее мужа. Причин было множество. Пройда напоминал мне Меншикова из романа Алексея Толстого. Он постоянно старался находиться как можно ближе ко мне. Учебу он воспринимал как очередное испытание, которое делает ему князь, чтобы испытать его верность. Ему абсолютно не хватало общего

образования. Но я ни разу не видел его читающим что-либо, кроме учебников к очередному экзамену. Основной принцип для него был: «Сдал – забыл!». При этом он оставался Пройдой: как-нибудь да выкручусь. Ну и что, если по мягкому месту пару раз врежут, перетерплю. Настя – полная ему противоположность, училась легко и очень много читала. Абсолютный лидер, несмотря на сиротское происхождение и работу служанкой у нас, где поневоле приходилось подчиняться в абсолюте. Хотя служанкой ее назвать было трудно, скорее воспитанница и нянька Александра. В общем, скрутила она Пройду в бараний рог, и стал он «подкаблучником обыкновенным». В свое время мы говорили по поводу Насти с Татьяной, она видела, что из ребенка вырастает лидер, и старалась нагрузить ее учебой как можно крепче. Фактически руководить работами на Бретоне будет она, а Федор будет ей помогать и обеспечивать защиту и личную неприкосновенность. Задача номер один: создать поселение, не поссориться с местными, а они там своеобразны: они почти все полукровки с индейцами микмаками. Их вывезли туда на север Америки и немного забыли о них. Они выжили и не считают себя французами, они – акадцы. Лет двадцать назад южнее был построен форт Чарльз и началось ползучее усиление англичан. Сейчас их влияние минимально, но скоро начнет возрастать. Примерно с 1651 года Кромвель распорядится усилить давление на французскую Акадию, а во Франции будет бунтовать Фронда, и Мазарини будет не до какой-то там Акадии. Французы – католики, а англичане – англикане и протестанты. Конфликты неизбежны. Население Бретона до сих пор наполовину католики. И я решил подбросить им немного проблем. Стать третьей силой в этом споре. Мне нужна руда, и она у меня будет.

У Стрешнева задача более тривиальна, но требует немало изворотливости, дисциплины и требовательности. Это как раз по нему. В район Токопиллы уже отправлено 50 км оцинкованных армейских трубопроводов (позаимствовал полностью серийные, стоящие на вооружении, даже документацию стандартную использовал), двадцать километров идет с ними, и еще двадцать будут переброшены ближайшими бортами в ту сторону. Вместе с батальоном отправляем 1400 девиц, частью из Водской пятини, частью из Поонежья, и основное количество из Финского удела, откуда они бегут со страшной силой, потому что все хотят работать на фабрике, но еще и замуж хотят. Так что навербовала их кадровая служба ткацкой фабрики. Как я писал выше, проблема женихов у нас стоит крепко. А батальоны и полки мы набираем в Пскове, в Новгороде и в Тверской области на строительстве дороги. После того как

Пройда с батальоном закрепятся, туда тоже будет высажен женский десант. А в Перу (Чили) высаживаемся сразу, там населения вообще нет. Задача батальона: в кратчайшие сроки подать воду в район Токопилья, используя пересохшее русло реки. Там протекала Рио Лоа до сильного землетрясения, которое перегородило русло реки, и вода ушла в другое ущелье. Задача девиц: расчистить и соорудить круговые орошающие поля под посадки. Они будут обеспечивать продовольствием всю ораву шахтеров, которые будут добывать руду и селитру в горах. Поставки мяса организую я из Патагонии. Там мясо уже есть, для чего и «реф» строил, и уже провел поставку в Европу.

В середине июня обе экспедиции отошли от причалов. Я же с головой нырнул в инженерию и проекты. Требовался роторный экскаватор. Их теперь потребуется много. Чертежи взял на Уралмаше.

Пройда был страшно недоволен случившимся: во-первых, официальный глава экспедиции – капитан-лейтенант Макаров, командир крейсера «Т-105», только что вернувшийся из Карибского рейда. Глава поселения – Анастасия Гавриловна Лисина, она хоть и его жена, но полномочий получила больше. Князь не взял его с собой в Крым, поход прошел без него, а он сдавал дурацкие экзамены. А затем вместо Карибского рейда писал диплом на тему «Строительство укрепленного района в горно-лесистой местности». Слава богу, сдал и защитился. Принимал диплом лично князь, и скромно похвалил. Но генераторы он не дал, схему района изменил и утвердил свою собственную, так что получается, что Федор зря корпел над картами Бретона. Ему уже во снах снился этот остров, и он хотел бы послать его подальше. И было смертельно жалко такой уютный и красивый дом в Гвардейском, конюшню на десяток лошадей, и все, что нажито непосильным трудом и верной воинской службой. Правда, князь сказал, что поездка времененная, поручение очень ответственное, и ему придется попотеть, чтобы в точности выполнить его. Он всей душой уже рвался обратно, тогда как в мыслях его жены там высился город и завод, причалы, самостоятельная работа, известность и признание ее выдающихся способностей организатора. Ее диплом прошел на «ура», проект никто не изменял, и князь, и Татьяна, подписали его и согласились со сметой и сроками работ. Настасья только скучала по Сашке, которой она не забывала посещать, несмотря на рождение дочери. Она давно поняла, почему Татьяна и Святослав выдали ее замуж, все было связано с тем, что князь Святослав больше всех остальных мужчин занимал ее мысли. Это стало заметно, и последовал этот брак. Мужа она довольно

быстро приручила, этому способствовало и то обстоятельство, что он считал, что она – падчерица князя, и распределял на нее свое уважение и почитание семьи князя. Настя давно поняла, что решение посвататься к ней вызвано желанием Пройды быть ближе к князю и получать с этого дивиденды. Поэтому для нее отъезд на самостоятельную работу на новое место был глотком свободы. Татьяну она очень любила, но откровенно побаивалась, а Святослава боготворила. Он ей казался эдакой глыбой, солнцем, вокруг которого все вращается, не понимая того, что звезда была парная. Без Татьяны многие дела было просто невозможно сделать. Татьяна разрешила все без скандалов и скандалчиков, ее отношение к Настене абсолютно не поменялось, а ее влюбленность она отнесла на юный возраст девушки. Но с этого момента она старалась держать ее подальше от дома, если Святослав находился там. Настя была молода и достаточно красива, а седина в бороду – бес в ребро. Тем более что они одногодки с мужем, а женский век короток. Лучше не рисковать. Сам Святослав отнесся к удалению Насти совершенно спокойно, она его мало интересовала.

Макаров уверенно привел караван к месту высадки в будущий залив Сидней, впрочем, вряд ли он будет носить это имя. В глубине залива виднелась крыша небольшой кирхи и полуразвалившаяся деревянная постройка. Экспедицию интересовала река Алдер, которая в то время носила название де Бьянкур. Основной проход в Брас д'Ор находится западнее, в заливе Кэйп Дофин. Там небольшой французский форт, а на соседнем острове – китобойная станция. Два раза в день прилив устраивает в этом проливе бешеную пляску волн. Бьянкур в прилив вполне судоходна. Соседний остров Боулардери находится в концессии у Луи-ле-Симон де ла Поп Боулардери из французской компании «Сто акционеров», которая находится при смерти.

Федор высадил разведку, Константин выслал два катера проверить соседние заливы, пошла выгрузка на Французскую Юдоль, как потом стал называться остров, в наше время. В этой бухте не селились из-за того, что зимой она забивалась льдом, но лед был подвижный и сносил любые деревянные постройки. Остатки жилищ оказались пусты, кирха была католическая, заходить вовнутрь не стали, так как она была готова рухнуть. Вернулась разведка, кроме нескольких охотничих хижин, которые используются только зимой, на острове людей не оказалось, как и говорил князь. Распределив людей по работам, Настя и Макаров организовали небольшую экспедицию на запад острова. Было желательно узнать, где здесь живут французы. К сожалению, точных карт этой местности, откорректированных к данному времени, у поселенцев не было. Нашлись

несколько рыбакских причалов, и сразу же пошла бойкая торговля солью. Рыбаки были не местными, они пришли за сельдью. Корабль снабжения почему-то не пришел, и они выпаривали соль из океана. По дыму их и нашли. Рыбаки сказали, что фактория находится в проливе Кабота, соединяющем озеро с океаном, но ходить туда не стоит, там соли нет, люди сильно болеют и голодают. Мука закончилась, а компания не присыпает корабль, который должен был прийти два месяца назад.

На советы рыбаков немного наплевали и пошли в сторону залива Дофина. Мука, соль, поташ, томаты, лук и огурцы с собой были. Форт на западном берегу залива Дофина стоит довольно далеко, он «пукнул» черным дымом, требуя остановиться, но кто ж его будет слушать! Катер шел под машиной и парусом почти вплотную к восточному берегу и проскочил в пролив. В 12 милях от горла находился небольшой, полностью деревянный, форт и довольно сильно развороченный причал. Катер подошел к причалу, но на берег никто не вышел. Настя приказала надеть марлевые повязки. Мало ли какая зараза затаилась за забором. Ох уж мне эти жители южных морей! Живут в лесу, а умудрились цингу схлопотать! Морские пехотинцы приступили к похоронам уже умерших и давно разлагающихся людей. Но несколько человек еще были живы. Удивительное дело, но никто из форта им не помогал! Каждый выживает самостоятельно. Шестерых еще живых: двух мужчин и четырех женщин погрузили на катер, и вывезли в новое поселение, которое еще и назвать не успели. Хорошо, что среди девушек оказалось несколько человек, говорящих на фламандском. Они взяли на себя уход за больными.

А на следующий день пошли к форту Дофин. У них те же самые проблемы: мука, соль и остальные продукты на исходе, ждут, как боги, помохи из Франции, но сами ничего не делают! Даже рыбу не ловят. Больных у них много, больше двадцати человек, но умерших еще нет. Продали им лук, муку и соль. Вроде пока у них никаких претензий, но это потому, что комендант крепости болен и находится не в том состоянии, чтобы командовать. «В общем, пусть поправляется, расстрелять всегда успеем!» – подумал Федор, у которого выше крыши работ по строительству бетонных дотов и их обсыпке. Главное в этом вопросе: не мешают!

Компания «100 акционеров», которая финансировала освоение Канады, после смерти Ришелье стала приходить в упадок. Доходы от торговли мехами не шли ни в какое сравнение с доходами от сахара. Здесь работали сами французы, а там негры пахали. Поэтому рентабельность была низкая. Больше здесь практически ничего не производили, только пушнину. Да еще королевский патент запрещал (напрямую!), занятия иной

деятельностью. Королю и его кардиналам была невыгодна самостоятельность колоний. Они же еще и другого покупателя найти могли! А так – дуй в карман! Изменившиеся условия мгновенно переложили на тех, кто непосредственно охотился в лесах. Шкурки стали никому не нужны, вот и выбирайтесь из ситуации самостоятельно. А самостоятельно был только один путь: смерть. Собственных запасов продовольствия у них не было. Чем задавить цингу, они попросту не знали.

Через месяц к уже готовому причалу встали под выгрузку новые суда, которые привезли еще морских пехотинцев и первых девушек из второй партии завербованных. Луис-ле-Симон, владелец патента, выжил, патент он продал Насте, с ним передал в бессрочную аренду второй остров, названный его именем. Просил не менять название и ушел на свою факторию, чтобы забрать оставшиеся вещи и имущество. Он решил не возвращаться в дом или на Родину, жену и детей он потерял, а остаться в Нововыборге. С помощью крейсера, он давал электричество, расчистили для посевов небольшие площади и засадили их озимой рожью и пшеницей. Запустили в действие кирпичный завод, небольшую печь для обжига цемента и начали работы по вскрытию рудного тела. Одновременно обвеховывали фарватер, делали описание гидрологии пролива Кабота и реки Нововыборки. Ближе к зиме отправили в Выборг первую партию руды, 1800 тонн. С рудой ушел и крейсер. На охране остался только броненосный катер и шесть орудий батальона, уже установленных в дотах форта. Общая численность колонии достигла 1400 человек, из них 620 женщин. За полгода колония стала самой большой в Акадии. Этих людей ни зima, ни тайга не пугали. Они выросли в северной тайге. Заготовили большое количество грибов, ягод и рыбы, часть которой отправили в Выборг и Гельсингфорс. Постоянно шло строительство, в основном упор был на бетонные причалы, которые позволяют эксплуатировать их не один год. Так как снабжение у нововыборгских было много лучше, чем во всей остальной провинции, то сюда потянулись люди. Уже по снегу впервые появились французские солдаты и комендант Луисдэла, крупнейшего форта Франции на острове. 100 километров, которые разделяли поселения, по бездорожью, и в отсутствии флота, солдаты шли три недели. Шли они воевать, изгонять непрошеных гостей с их французского острова, собственности Его Величества. Целых 25 человек с кремневыми ружьями. Их напоили чаем с мороза, накормили, командир французов еще с нескольких лье понял, что они несколько опоздали. Здесь их слушать никто не станет.

А у Стрешнева дела пошли несколько хуже, чем мы планировали, несмотря на точное и быстрое исполнение первичных работ. Трубопровод они провели, дружно расчистили поля, и они дали отличные всходы. Колония имела и два собственных корабля, плюс крейсер, который сразу был прописан там на постоянной основе. Организовали доставку леса из Северного Перу. А шахтеры, на которых я надеялся, не пришли. Все упиралось в то обстоятельство, что ни одной церкви не было, а шахтеры были поголовно католиками. Подтянулись лишь немногочисленные индейцы-мапуче, их основные племена жили южнее. В отличие от остальных индейцев, они не покорились ни инкам, ни испанцам. Двести лет они сражались за свою свободу, и Испания была вынуждена признать их независимость. Южные племена имели постоянную армию, состоящую из кавалерии, и с завидной периодичностью наносили поражения испанским войскам. Наконец, в середине XVI века был принят *Tasa de Santillan*, закон, регулирующий взаимоотношения с индейцами, в том числе и с мапуче, за ними были признаны некоторые права. Война пошла на спад, хотя вспышки насилия происходили, и индейцы были сильно настроены против белых. Столицей провинции Атакама был небольшой городишко высоко в горах, который назывался Сан-Педро де Атакама. Заселение этого района европейцами шло не с Тихого океана, а через горы с восточного, атлантического, побережья. Разграбив города инков, испанцы вывезли золото и ушли. Лишь в 1539 году один из конкистадоров, Педро де Вальдивия, мало ли в Америке Педров, вышел в поход из Колумбии для завоевания Чили, кстати, как он писал чуть позже, полностью на собственные средства. Помощи он не получил, ни от знаменитого Писарро, ни от короны, то есть от Карла V. Впрочем, судя по всему, он немного привирает, тем более что принимал участие в свержении и убийстве Писарро и самопровозгласил себя генерал-губернатором Чили и Перу. В итоге, попытавшись занять земли мапуче, он фактически начал с ними войну. В конце концов они его убили и, по легенде, съели. Фактически индейцы мапуче никогда не были людоедами.

Ближайший от Князево-в-Перу, так назвал поселение Стрешнев, хотя я ему об этом не говорил, испанский порт был в 550 милях южнее в очень удобной бухте Мирадор лос Навигантес. В современном нам мире там два довольно крупных города Ля Серена и Кокумбо. А из относительно крупных городов – основанный Вальдивией город Копиапо. От деревушки Сан-Педро де Атакама идет дорога к соляному озеру Олароз о Катуа. Оттуда еще две дороги-тропы на Потоси. Дороги из Потоси в Каламу нет. В общем, чтобы попасть в Потоси, требовалось пройти через Сан-Педро,

а там был поп, который не поверил королевским указам и заявил, что безбожникам король не мог отдать его деревню. Этот, как он себя называл, кардинал де Атакама не пропустил завербованных шахтеров и отправил их, именем господа нашего, обратно, умирать от голода в Потоси. Требовалось срочно решать проблему. И тут помог не кто-нибудь, а сам папа римский Иннокентий X, или Джамбаттиста Памфили. До того, как стать папой римским, этот хитрый мужичок был папским нунцием в Мадриде, и был прикормлен Филиппом по самое не хочу. В 1644 году, путем уговоров и подкупов, к папскому трону не пропустили ставленника кардинала Мазарини, и папой стал ручной питомец Филиппа IV. Тут королю Испании подобрали, наконец, невесту, и не где-нибудь, а в Вене, естественно, она была такой же Габсбург, как и сам король. Требовалось высочайшее разрешение папы. И Филиппу пришлось идти в Рим, благо – недалеко. Его кузине было 13 лет, на детишек потянуло старого ловеласа, бывает в этом возрасте. Там, за рюмкой чая, он разговорился с папой не только о делах альковных, и папа издал буллу, прославляющую князя Выборга, и приказал во всех католических храмах пропеть осанну древнему роду Рюрика и его потомку князю Святославу, за победу над еретиками на Карибах и в Нидерландах. Там же упоминались и новые поселения Выборга, как на острове Фрэнчмэйл, так и в Перу. Дескать, оченно богоугодное дело. Пнуть кардинала Мазарини для папы было чистой воды удовольствием. Причем было сказано, что Испания имеет дипломатические отношения с Выборгом, и все дела решаются культурненько и с оплатой, а этот самый кардиналишко Мазарини, в силу своей скромности и бедности, держать посольство в Выборге не может, поэтому вот мое папское дозволение: колонии на Бретоне быть, так Богу угодно. И в красках расписал подвиг блаженной Настены, спасшей от верной гибели христиан-католиков. Правда, к лицу святых он ее не причислил, но и бог ему судья. Так что имея папскую буллу, Яков Стрешнев уже мог пнуть кардинала де Атакама, но почта здесь работает отвратительно, пока вердикт дошел до Князево-в-Перу, майор расчистил старую индейскую дорогу в Потоси, мимо двух самых больших соленых озер в Атакаме. Обзавелся и солью, и шахтерами, но на это ушло два года. Правда, корабли из Перу шли. Во-первых, маленьких месторождений вокруг города была прорвана: при пробитии дороги на плато Атакама было найдено более трехсот медных и бесчисленное количество натрийных месторождений. Здесь селитрой все пропитано! Поэтому руду и удобрение он добывал в достаточном пока количестве. Делал из нее взрывчатку, с ее помощью пробил дорогу и заложил хороший большой док. Выделил ВВ для Нововыборга, где

взрывчатка требовалась как воздух, для тех же целей. Приливы там высокие и док просто просился быть построенным.

Ситуацию с индейцами заранее просчитала Татьяна. Еще перед отправлением Стрешневу был дан приказ купить шерсть ламы, костюмы местных индейцев и первым же кораблем отправить в Выборг. Вместе с экспедицией пошло несколько человек, которые разбирались в шерсти и могли организовать закупку качественного сырья. Необходимо было заинтересовать местных жителей, хоть этот район и считался безлюдным, но кочевое скотоводство там присутствовало, и вдоль рек встречались небольшие кочевья. Так оно и получилось, как только высадились, через пару недель появились любопытствующие, и маркитанты смогли выполнить заказ Татьяны. На судне, которое пришло с грузом труб, в Выборг ушла небольшая партия пуха ламы и образцы одежды индейцев. По их образу и подобию из этого пуха соткали полотно и наделали всевозможных пончо, брюк, курток. Все отправили обратно, кроме образцов, которые заняли место в музее Выборга. Несколько семей индейцев агрессии не проявили и прекрасно работали в колонии проводниками. Они подсказали и более легкий путь подъема на плато Атакама. Проект водопровода и дороги изменили, поэтому работы пошли даже быстрее, чем планировали. Пока проводили дорогу и укладывали трубы, никаких конфликтов с местными не возникало. Но начались работы по сооружению ГЭС. Без нее освоить этот район очень сложно. Сейчас газогенераторы работали на торфе, привезенном из-под Орешка. Не навозишься! А требовалась энергия. В пустыне практически ничего не растет и органики нет. Вместо масла можно использовать рыбий жир, воды здесь богаты рыбой, но переводить белок на топливо – это бред. Поэтому ставка была сделана на ГЭС. Вначале армейскую, а затем поставить мощную, с перепадом в 30 метров. В наше время в Чили на этой реке стоит самая мощная ГЭС с перепадом в 400 метров. И все дороги электрифицированы. Прокопали отводной канал, сделали плотину. Русло заглублено на тридцать—сорок метров. На следующий год, когда плотина была готова, приступили к заполнению водохранилища. Для этого требовалось уменьшить расход воды. Воду перекрыли не полностью, лишь частично, но почти сразу появились разведчики от племен, которые жили ниже по течению, на севере от станции. Стойку, естественно, охраняли. В карауле стояли морские пехотинцы, у них неавтоматические карабины Мосина-Маузера под «русский» патрон. Дешевле делать рантовые патроны, чем с проточкой. 10-зарядные, с отъемным магазином на 10 патронов, как

у СВД. А начальниками караула назначались гвардейцы. У них АК-12 или АКСУ с подствольным гранатометом. В набор гранат обязательно входила свето-шумовая граната, так как основным родом войск здесь была кавалерия. Выход на плотину и к стройплощадке перекрыт «путанкой». И морпехи, и гвардейцы в карауле носили «броники».

Индейцы в переговоры не вступали. С этим племенем поселенцы не контактировали. В конном строю мапуче попытались атаковать станцию, но ослепшие и оглушенные кони запутались в проволоке, там же оказалось несколько человек во главе с вождем, которые не убились во время падения. К сожалению, повезло не слишком многим.

Вождя извлекли из «путанки» и с помощью проводников начали переговоры с ним. Поначалу разговор был глухого с немым. Вождь гордо молчал, с таким видом, что его оскорбили в лучших чувствах. Отказался от угощения, стоял, скрестив руки на груди, и готовился гордо принять смерть. Его пончо при падении было сильно изодрано, поэтому Стрешнев предложил ему переодеться в новое, пока индианки, жены проводников, почистят и зашьют его одежду. В это время года наверху ночами холодно, наше лето, а там – зима. На переговоры он не пошел, но разрешил почистить и зашить его одежду. Сам накинул на себя выборгское пончо. Попытки Стрешнева его разговорить кончились ничем.

– Ну, не хочешь разговаривать и не надо. Тогда слушай! Я понимаю, что ты напал на нас из-за воды, но мы не полностью перекрыли реку, вода течет и у твоего племени ее хватает. Если по нашей вине ты получишь меньший урожай кукурузы, я тебе полностью компенсирую разницу. Когда вода наполнит озеро, твои люди могут прийти сюда и жить возле озера. Тогда ты сможешь и пасти здесь скот, и выращивать не только кукурузу, но и потато. – Тут вождь не выдержал!

– Потато здесь не растет, мы покупаем его за шерсть у Амариллы.

– Потато здесь растет, я тебе могу это показать, вон спроси у Анольго, которая зашивает тебе пончо.

– Здесь есть потато, когда русские пришли, то здесь появилось всё. У них круглые поля, и они умеют делать дождь над каждым полем, – подняв голову, ответила жена проводника.

– Я не видел здесь канав, которые делает Амарилла.

– Канава есть, но она железная и закопана.

– Зачем закапывать железо, женщина! Так не бывает!

– Так меньше воды тратится для выращивания, – ответил Стрешнев. – Да ты садись, в ногах правды нет. Садись, покушай потато, которую мы вырастили здесь. Если не будешь на меня нападать, то я куплю у тебя

шерсть, и тебе не нужно будет ездить так далеко за потато. Железа у меня много, так что и железо сможешь покупать. Там, внизу, у моря мы построили город. Здесь тоже будет город, и ты, и твои люди смогут приходить сюда.

– И за это ты потребуешь забыть наших богов и верить в твоего бога?

– Ты видишь здесь церковь?

– Нет.

– Внизу ее тоже нет. Хочешь верить в своих богов – верь, это мне не мешает. У тебя своя жизнь, своя вера, и мне нет никакого дела до того, во что ты веришь или не веришь.

– Это – правда?

– Да, нас никто не заставляет верить в крест, как это делают испанцы. И на праздники мы приглашаем всех, и сами ходим, когда у них праздники. Это – правда, – подтвердили местные индейцы.

Вождю оставили новое пончо, дали шесть лошадей, вместо покалеченных в проволоке, нагрузили их картошкой и отпустили. Три месяца он не появлялся, водохранилище успело наполниться, и количество воды, проходящей вниз, стало прежним. После этого айльяреуэ (племя) Колонтара перекочевало на берега Верхнего озера.

Кроме традиционной одежды, Выборг начал выпускать куртки из промасленного перкаля, подбитые шерстью ламы, и войлок из овечьей шерсти. Ночью на высокогорье холодно, в зимние (в летние, по-нашему) ночи на почве заморозки, до -5 °С. Поэтому у мапуче было развито ткачество, они не бегали голышом, как остальные индейцы, но подбитая куртка с капюшоном лучше защищает от холода, чем традиционное пончо: кусок ткани с дыркой для головы. Пончо Татьяна тоже усовершенствовала, у него появились швы и рукава-размахаи. Войлок сами индейцы не делали: шерсть верблюда плохо сваливается. Поэтому в Анды уехали наши архаромериносы и киргизская тонкорунная овца, которые хорошо приспособлены для высокогорного выпаса. Готовилась и партия машин для создания ткацкого производства, если мапуче пойдут на контакт, да и для своих женщин, ведь они хотели работать на фабрике. Поэтому Стрешнев строил не только все для горных разработок, но и основные здания для ткацкого производства. Племя Колонтара было первым. Несмотря на довольно архаичное устройство общества, социальное разделение общества уже заметно: кто-то имеет больше остальных лам и имущества, кто-то вынужден заниматься в пастухи и поливальщики, самая тяжелая работа. По Tasa de Santillan все племена должны были платить оброк и десятину церкви. Следить за этим было поручено касику, то есть самому

Колонтару. Испанские налоги славились по всему миру своей величиной, денег для двора и многочисленных «донов» всегда не хватало. В результате внутри племени расслоение шло очень быстро, и появлялись семьи, которые не могли оплачивать этот оброк. Они попадали в долговую зависимость от самого касика. Вот эти самые должники и стали первыми рабочими у нас на карьерах. Стрешнев показал Колонтару договор аренды, и что за людей, проживающих на этой территории, теперь налог платит он, поэтому оброк оплачивается не испанцам в Сантьяго, а ему здесь, в Князево-в-Перу. Если племя не будет кочевать на территории Испании, то по договору исключается двойное налогообложение. На этой территории действует налоговая система Выборга. Налог ниже и десятины нет. Но от старых «долгов» никто никого не освобождает. Племя не должно иметь долгов на прошлый 1648 год. Если таковые имеются, то оплата в Копиапо. На текущий год может дать справку, что налоги оплачены по договору аренды Выборгом. То есть племя является налогоплательщиком Выборга. В результате переговоров Колонтар приложил палец к бумагам и стал подданным князя Выборгского. И у Стрешнева появилось 5 000 шахтеров на золото-медно-порфировом карьере и на строительстве дороги. Все они были должники Колонтара. В конце второго года дорога на Пotosи была расчищена и в колонию смогли пройти такие же индейцы-шахтеры, которых завербовали в Пotosи. В отличие от местных индейцев, они были обучены горной выработке и могли работать в шахтах. Благодаря этим людям сумели заложить шахту «Выборжец» в урочище Фарида. Там неплохие запасы золота и серебра, примерно 747 515 тонн золотоносной руды.

К исходу второго года собственная выработка спирта и газа в колонии покрывала полностью потребности в топливе, и даже имелся резерв. В общем, с небольшой задержкой из-за монаха, колония стартовала. Оттуда поступают все возрастающие объемы рудных концентратов. Наш завод в Медзаводе потребовал расширения. Они уже не справляются полностью обрабатывать такое количество раскисленного концентрата. Меди теперь стало достаточно.

Глава 24. Тихая буржуазная революция 1648 года

А в Выборге за это время тоже произошли сильные изменения. Последним из членов Госсовета сюда перебрался боярин Борис Морозов. Он строил себе дворец, по-другому он жить не хотел. Строительство затягивалось, потому что архитектор Баточки сделал какие-то ошибки. Наконец, князь Борис переехал и впервые взял в руки «Выборгскую правду» с годовым статотчетом Татьяны. Сама она в Госсовет не ходила, ее эти ребята особо не интересовали. Так, отмахивалась от ухаживаний князя Глеба и иногда устраивала праздники в крепости. Дом у нас был только в Князево, в Выборге хватало дома в крепости. Он, по местным оценкам, очень маленький: 12 комнат, одна из них зал. С новым шрифтом князь разбирался тяжеловато, но он обратил внимание на цифры. Затем поехал к брату и переспросил незнакомые названия новых для него мер и весов. Схватил гусиное перо, взял счеты и нацепил на нос уже модные выборгские очки. Через некоторое время у него вспотел нос и лоб, очки запотели. Брат сидел рядом и особо ни о чем не расспрашивал. Видел, что брат не в духе. Борис откинулся в кресле и распахнул охабень. Бросил перо, долго боролся с длинным левым рукавом, достал батистовый, из Выборга, платок, вытер вспотевшее лицо, вытащил из бокового кармана кусочек замши и стал заинтересованно протирать очки, время от времени дыша на стекла.

- Брат Борис, ты чего так раз волновался?
- Ты вот это читал, Глебушко? – он сунул ему газету в руки.
- Нет еще, почту дьяк не разбирал. А, это ж статистика, княгиня Татьяна каждый год такую пишет.
- А у тебя есть такое за прошлые года?
- Гришка! – позвал Глеб своего дьячка. – Подписки газетные принеси!
- И коньяк! – добавил князь Борис, коньячок из Франции он уважал и специально гонял за ним обоз.

Григорий принес подшивки газет и раскрыл их на отчетах, подслушивал, по привычке. Но князя Бориса это совершенно не волновало, он опять схватился за перо и счеты.

– Вот что, братец, получается. Князь Святослав и княгиня Татьяна за два года удесятерили свое состояние. А оно у них и так было не маленьким.

По моим подсчетам, вот смотри, у них больше 500 миллионов золотом, не считая стоимости заводов, которые вообще бесценны. И ладно бы только на заморских товарах, так ведь, гляди, они в шесть-восемь раз больше с десятины имеют, чем мы. Мы, по сравнению с ними, просто нищие! Вот смотри, сколько принесла ему торговля солью! А это – селедкой. Да-да, обыкновенной селедкой! Не осетрами, не краснорыбицей, а селедкой. Да я и сам его «атлантическую специальную посола» просто обожаю! Такой тонкий вкус, это нечто! Да с картошечкой! А она, кстати, тоже его по большому счету! Отсюда, из Выборга, мне привезли это блюдо и этот овощ. А этот старый козел Иосиф позволяет себе блокировать наше участие во всех делах князя. К Черному морю вышел князь, Крым пролетел мимо нас, колонии в Америке – опять князь, а мы мимо! Да сколько можно! Собирайся, едем в Москву из Иосифа дух вытрясать! Возьми с собой палку потолще. Он же нас мимо денег опускает!

– А что я тебе говорил! Княгиня – умнейшая и образованнейшая женщина, просто умница. Она ведет все финансовые дела в государстве. Рачительно и крепко. А в Москву ехать не надо! Много чести! Госсовет должен вызвать Патриарха сюда. Как в среду говорила Татьянушка, на 5 октября назначено открытие железной дороги на Москву.

– Что за дорога?

– Я краем глаза видел, что там две железки уложены. А вот как это будет выглядеть, нигде не опубликовано. На саму стройку не пускают. С князем говорил, но он был очень недоволен, что вкладываться только ему приходится, а у Москвы денег нет. Да и брать он их не хочет, из-за Иосифа. Говорит, что защищать Московию будет, раз уж на мече клялся, а со своими идиотами пусть сами разбираются. Без какой-то секуля... Черт, мудреное слово говорил. Секуляризации или как-то так.

– Да, есть такое слово, означает отнятие у монастырей земель и запрет заниматься хозяйственной деятельностью. В Пруссии проведена впервые, у нас еще Иван III хотел так сделать, да не успел, ему Зойка Палеология помешала. Так, разошли своих, собирай Госсовет. Хватит нам без царя сидеть, вопрос нужно решать немедленно. Упускать такие деньги негоже. Сам выступлю!

Я же занимался доставкой первого роторного экскаватора в Дедовичи. Подошли к истоку Шелони, мои топографы принесли карты. На шлюпках завезли якоря. Затем сзади к плавучему экскаватору прицепили баржонки. На них закрепили опоры ленточного транспортера. Между лентами поставили соединительные лотки. Весь этот «хвост» монстра заканчивался

на сетках предварительной сушилки. Сушилка при заполнении отодвигалась в сторону по рельсам, и с нее продолжала стекать вода. Мутная, красная, растревоженная вода глубочайшего болота. Подали газ с берегового газогенератора, и через некоторое время цистерны экскаватора наполнились им до предела. Трубу отсоединили, дальше газогенератор экскаватора будет работать от собственной «подачи». Часть торфа будет сушиться и перерабатываться непосредственно на борту. Зашумели горелки парогенератора, и через несколько минут дал ток главный генератор. Некоторое время постояли, пока давление немного «прыгало». Затем подали напряжение на двигатель ротора. Провернулись ковши экскаватора и на транспортер упали первые комья торфа, добытые из озера Полисто. Путь из Новгорода в Псков начал восстанавливаться. Каждую минуту на желоб транспортера набрасывалось восемь тонн торфа. Он плыл по резинотканевой транспортерной ленте на сетки «сушилки» и укладывался там двухметровым слоем. Сетки менялись вручную. В дальнейшем этот процесс будет механизирован, а пока – так. Совершив двухдневный оборот почти вокруг собственной оси, сетка с торфом сваливалась в приемник газогенератора. Ею загружался очередной подошедший цилиндр, продвигался в сторону, и он подключался к сети электростанции. Вначале из него выпускали получившийся при нагреве пар, затем, когда пара становилось меньше, оператор закрывал сброс пара, и начинался процесс возгонки. В зависимости от задания масса нагревалась до определенной температуры. Давление, соответственно, росло. Наконец, при стабильной температуре обжига, оно уравновешивалось, далее из реактора забирали газы, которые шли на газовый завод. Там отделяли водород, иногда угарный газ, а иногда в реактор подавали перегретый пар с температурой 350 градусов. После этого реактор, в котором произошли данные процессы, выливал под давлением свое содержимое в отдельные цистерны. Это – жидкое топливо, что-то вроде бензина. А получившийся кокс грузили в баржи. Остальная часть, без водорода, поступала в компрессор, и из него выходил сжиженный газ, диметиловый эфир, который направлялся в трубы, ведущие к цементному заводу в Бабино или в печи Выборгского металлургического комбината, или в хранилища Выборгской железной дороги. Заодно отапливая и освещая все дома по пути трассы. Посмотрев на ритмичную работу завода, пожав руку Тихону Афанасьеву, я уехал домой, где намечалось открытие железной дороги в Москву. Прогорел я на ней жутко!

С железной дорогой получилось немного смешно: сначала все

восприняли это дело на «ура» и провели отторжение земель под нее. Это же бесплатно! И крестьянам разрешили отход на строительство дороги. Так как крестьяне начали зарабатывать неплохие деньги, а помещики изымали с них эти копеечки за оброк и налоги, то финансирование с московской стороны на этом было прекращено. Дорогу строили на выборгские деньги. Но это позволяло нам вербовать солдат для новых полков, в первую очередь – морскую пехоту, я особо и не дергался, только еще больше засекретил строительство. В качестве паровоза взял колесную схему 2-3-2 от скоростных «курьеров», но неудобный и громоздкий твердотопливный котел меня абсолютно не устраивал. Не для того я газогенераторный завод строю, чтобы углем топить. Поэтому в тендере паровоза расположилась цистерна с горючим газом, вместо котла – проверенные и отработанные парогенераторы. Меди теперь до черта, поэтому схема двигателя с пароконденсатором и верхним вентилятором для продувки на малом или холостом ходу. И хотя кривошипно-шатунная схема весьма удачно укладывалась на всех паровозах, но она слишком проста и ее не трудно «скопипастить», поэтому использовал зубчатую передачу, как сделано на тепловозах. Это – для пассажирских поездов. А для грузовых перевозок выпустили паро-электровоз, похожий на ТЭМ2М. Надобностей для строительства крупнотоннажных паровозов еще нет, и не стоит опережать события. Подвоз материалов для строительства осуществлялся на маленьких ручных и паровых дрезинах. Дрезины выглядели непрезентабельно, и никто, кроме работяг и моих солдат, ими не пользовался. Но я это точно знаю, что купчишки частенько просили воспользоваться этим средством передвижения там, где оно бегало. Так что готовые участки уже потихоньку работали. И даже несколько столкновений было. Но «общество» еще не принимало новшество, брезговало и передвигалось по старинке. Из-за «командировки» на Карибы произошла задержка в строительстве газового завода, и я наверстывал упущенное время, тем более что без газа эта дорога была совсем не нужна. На спирту эксплуатировать ее слишком дорого. Его и без этого стало не хватать, так как в Перу он требовался первое время в огромном количестве. Лишь через два года мы перестали завозить туда топливо. Они перешли на самообеспечение. Еще одно важное обстоятельство подталкивало меня к скорейшему вводу завода: мне требовалось жидкое топливо для судов. Его можно получать в промышленных объемах, лишь имея мощную производственную базу. Проклятый малый ледниковый период замораживал мне подходы к порту и датские проливы. Требовался ледокол, причем не простой, а делающий канал для простых судов. Наиболее

подходил проект 21900М финской фирмы «Вяртсиля» и Выборгского судостроительного завода. Корпус ложкообразной формы с тремя гребнями. И хотя меня настораживала суммарная мощность, но делать было нечего. Из Нововыборга крица поступала отличного качества, но этот поток прерывался на целых полгода, а хранить крицу на открытом воздухе невозможно, ржавеет она мгновенно. А на судне газ использовать сложно, слишком увеличивается толщина стенок танков, и взрывоопасность большая. Поэтому начал изготавливать восьмицилиндровые вертикальные паровые машины с кривошипно-шатунным механизмом, тройного расширения, тронковые и с двухсторонней подачей пара в цилиндр. Мощность каждой из двух машин 8,5 мегаватт. От поворотных насадок я отказался, это не по зубам, и масло требуется качественное, винторулевую группу стянул у канадцев, с их «Канмар Кигориак»: два винта в насадках и балансирные рули, прямо после насадок. Реверс на пароходе дело довольно обычное, так что управимся. Балластная система – гидропневматическая, и подвод воздуха вдоль бортов от «вяртсильского» «Урхо». Конечно, на постройку ледокола уйдет не один год, но надо начинать, очень жалко место на стапеле, но другого выхода я не вижу.

5 октября 1648 года на платформе Выборгского вокзала собралась толпа людей в парадных одеждах. Ворота завода распахнулись, и оттуда показался движущийся задним ходом состав из пяти пассажирских вагонов. Их толкал первый в мире паровоз, одетый в обтекаемый корпус. Толпа несколько оторопела вначале, потом подалась назад, практически мгновенно очистив платформу. Стоять осталась только Татьяна, ее верный рыцарь Глеб Морозов и два «железнодорожника» с флагштоками. Я выполнял обязанности старшего машиниста. Кроме меня, внутри кабины еще четыре человека. Они мои ученики. Уже немного умеют его водить. Катались по заводу и по линии. «Стрелочник» замахал флагштоком, и я нажал на тормоз. Вагоны, чуть загремев буферами и сцепкой, остановились. Толпа аккуратненько и осторожненько вернулась на платформу. Выступала Татьяна. Она сказала, что княжество Выборгское закончило прокладывать дорогу в Москву и открывает первое в мире регулярное сообщение между столицами двух государств. В первый рейс приглашаются члены Госсоветов России и Выборга и аккредитованные дипломаты всех стран, с которыми имеют дипломатические отношения с нашей страной. После этого она первой вошла в первый вагон. На самом деле, это не первая поездка поезда, мы уже гонялись по этой трассе, но ночами, так, чтобы никто не видел. Сама дорога огорожена забором из проволоки, чтобы люди

и звери ее не пересекали. Пока на ней нет переездов. Проходы для гужевого транспорта сделаны под насыпью. Нет ни одной станции непосредственно в населенном пункте, только вокзалы в Москве и Выборге. Народ тут диковатый, поэтому было решено не дразнить гусей и духовенство. Отводы в города потом проложим, а сами станции, их четыре, постепенно обрастут населением. Дело за малым. На посадку ушло около получаса, и мы тронулись. Постепенно довели давление до максимума. Горелки ровненько ревут, рельс сварной, стыков не слишком много, начинаем прибавлять. Скорость – 125 км/час. Можно и больше дать, но пассажиры не поймут. Передав управление второму машинисту, вышел через тамбур в «свой» вагон. Там только члены Госсовета и Совета Выборга. Все возмущены: «Князь без них построил такую игрушку!» Уже давно проскочили мост через Неву, Свирь, и поезд несетя через леса Тверского княжества. У пассажирских вагонов тележки стандартные, поезд идет мягко и скорость незаметна. Но все чувствуют ее. Графиня Воленштайн, член Совета Выборга, умнейшая и очень воспитанная тетка, обмахиваясь веером, ей немного поплохело из-за мельканий деревьев, выговаривает мне, что Совет Выборга всегда и во всем поддерживал князя, и уж ему-то я мог сообщить, что такая железная дорога, а не делать из этого такого секрета.

– Дорогая графиня! Я понимаю, что всех интересует вопрос разделя прибыли. Эта дорога останется в собственности государства. А вот созданием акционерного общества «Выборгские Железные Дороги» необходимо срочно заняться. Потому что все поговорили, что да, дорога нужна, но никто ни копейки на это дело не выделил. Поговорили и забыли. А мы три года с майором Шварцроде, командиром инженерно-саперного батальона, продолжали строить здесь все. А потом на заводе делали всю инфраструктуру для нее. Никто даже и не интересовался, чем мы тут занимаемся.

Немного поговорив с членами обоих Советов, ушел назад в кабину машиниста. Через шесть часов снизили ход и остановились на площади «трех вокзалов» в Москве. Правда, вокзал пока один. Поездка всем понравилась! Натасаные слуги устроили маленькую пирамидку в пути, остановок мы не делали. На вокзале попросили всех выйти из вагонов, и поезд ушел на перестыковку и заправку. Через час его подали обратно. Госсовет хотел, чтобы я пошел в Кремль, но я отказался. Несколько человек из Госсовета остались в Москве, а остальным показали поезд из восьми вагонов со спальными местами. Это был фурор! Особенно все восхищались отделкой «царского вагона». Я редко позволяю себе роскошь, но здесь это требовалось! Надо было показать упаковку «люкс». Эта публика

воспринимает только «шик». Вечером были обратно в Выборге. А на следующий день в крепости Выборга мне передали на подпись Указ, уже подписанный членами Госсовета России, о секуляризации всех монастырских земель в собственность государства Российского. Второй Указ был об объявлении России светским государством и об отделении церкви от государства. Патриарх Иосиф передал мне шапку Мономаха, корону Российского царства, скипетр, державу и мантию. Патриарх, судя по всему, сесть не мог, лицо у него было странноватым, и он постоянно морщился и поводил плечами. Выражение лица было совсем не праздничным. Третий Указ был о переносе столицы государства в город Выборг.

Но это уже совсем другая история.

notes

Примечания

1

Главный распределительный щит.

2

Автоматизированный огневой комплекс.